

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

На правах рукописи

ДЕМЧЕНКО НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

**ФОРМЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В
СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Соснина Людмила Васильевна

Горловка – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ.....	15
1.1. Комплексный анализ понятия речевой агрессии.....	15
1.1.1. Определение речевой агрессии как лингвистического явления.....	15
1.1.2. Психолингвистические основы понятия речевой агрессии.....	24
1.1.3. Социолингвистический аспект изучения речевой агрессии.....	33
1.1.4. Юрислингвистический аспект исследования речевой агрессии.....	40
1.2. Основные подходы к классификации видов речевой агрессии.....	52
1.3. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме.....	64
Выводы к Главе 1.....	71
ГЛАВА 2. СМИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ.....	74
2.1. Основные подходы к определению понятия «средства массовой информации»: границы объекта исследования.....	74
2.2. Воздействие СМИ на общественное сознание.....	81
2.2.1. Особенности механизма воздействия СМИ на общественное сознание.....	81
2.2.2. Определение текущего уровня доверия к СМИ.....	88
2.2.3. Речевая агрессия как способ речевого воздействия в СМИ...	95
2.3. Проблемы лингвистической безопасности в СМИ-пространстве.....	101

2.3.1. Язык СМИ как отражение социокультурных процессов в современном обществе.....	101
2.3.2. Современное состояние языка СМИ в лингвоэкологическом аспекте.....	105
Выводы к Главе 2.....	112
ГЛАВА 3. МАНИФЕСТАЦИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СМИ.....	114
3.1. Комплекс вербально-коммуникативных средств речевой агрессии в СМИ.....	114
3.2. Анализ вербально-коммуникативных средств выражения речевой агрессии в СМИ.....	134
3.2.1. Средства выражения речевой агрессии в традиционных СМИ.....	134
3.2.2. Средства выражения речевой агрессии в новых медиа.....	157
3.3. Формы выражения речевой агрессии в СМИ.....	192
Выводы к Главе 3.....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	213
ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТОТЕКА ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	244

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено определению форм и средств выражения речевой агрессии в средствах массовой информации.

Современная коммуникация демонстрирует устойчивое снижение речевой культуры, которое проявляется прежде всего в ослаблении нормативности, росте доли заимствований и популяризации стилистически сниженной лексики. В настоящее время СМИ (далее – СМИ) существенно влияют на языковую ситуацию и социокультурный контекст. Как устойчивый элемент общественной жизни, массмедиа выступают важным фактором, формирующим когнитивные установки, картину мира и культурные ориентиры общества. К характерным чертам современных СМИ исследователи относят демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации [12, 66, 135]. Если ранее СМИ воспринимались как образец нормативности (в советский период), то сегодня тенденция к демократизации публицистического стиля усиливает размытие литературной нормы, позволяет реализовывать стратегию современных СМИ «быть ближе к читателю» [135, с. 7–10]. Конкуренция за удержание рейтинга также провоцирует СМИ предпринимать различные меры для привлечения внимания аудитории: транслирование «скандальных» новостей, многочасовых политических дебатов (демонстрирующих «свободу слова»), ток-шоу, реалити-шоу и др. Как отмечает О. Б. Сиротинина, «этот фактор всеобщего ожесточения, агональности словесной борьбы и физических схваток на митингах и в очередях не мог не вызвать волну грубости в речи населения, а ошибочная позиция СМИ быть её зеркальным отражением эту грубость речи только усилила» [152, с. 11]. Так, в связи с увеличением распространения агрессии во всех сферах деятельности человека, в том числе и в СМИ, научный интерес к понятию «речевая агрессия» в течение последних десятилетий значительно возрос.

Актуальность исследования. Несмотря на многочисленные исследования речевой агрессии как в отечественной, так и в зарубежной науке не сложилось единого понимания этого явления. Ср.: речевая агрессия – «все виды

наступательного, доминирующего речевого поведения» [12, с 257]; «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [243, с 340]; «конфликтотенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата» [30, с 12–13]; инвективная лексика – «способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий и табуированный», «вербальное нарушение этического табу, осуществляемое неcodифицированными средствами» [70, с. 13]; «с признаком номинации, употребляемых с целью оскорбить, унижить, задеть, дискредитировать инвектума и имеющих коннотацию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащую негативную оценку, воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую информацию» (по В. В. Посиделовой). Отметим, что определения понятий «речевая агрессия» и «инвективная лексика» часто во многом пересекаются или вовсе поясняются практически одинаково. В этой связи возникает их неуместное отождествление. В настоящем исследовании, выполнив многостороннее изучение этого явления, мы рассмотрели толкование речевой агрессии не только в лингвистическом понимании, но и в нескольких смежных с лингвистикой научных направлениях (психолингвистическом, социолингвистическом и юрислингвистическом) и выявили значимые составляющие (ключевые доминанты, которые необходимо учитывать для составления дефиниции) с целью сформулировать рабочее определение речевой агрессии. Так, под речевой агрессией мы предлагаем понимать *коммуникативное действие, выраженное конфликтотенными вербально-коммуникативными средствами для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.*

Не менее значимой проблемой, на наш взгляд, является отсутствие чёткого разграничения средств и форм речевой агрессии в изысканиях учёных. В научных

трудах вопрос фактического раскрытия форм речевой агрессии либо избегается: а) формы на затрагиваются; б) используется отвлечённая типология речевой агрессии, – либо в качестве форм представляются формально крупные явления (фрейминг, буллинг и т. п.), которые, на наш взгляд, не охватывают исчерпывающе весь объём понятия речевой агрессии. Предполагаем, что подобная проблема возникает из-за спорного значения самого понятия формы в лингвистике и смежных научных направлениях.

Проведённый нами мониторинг исследовательских работ по изучению проблемы выражения речевой агрессии в средствах массовой информации позволяет утверждать об отсутствии систематизированных работ с обширным материалом исследования. Так, например, существуют труды, рассматривающие феномен речевой агрессии в печатных текстах, локальных газетных текстах, текстах оппозиционных радио, политических / развлекательных телетекстах, текстах новых медиа. Наша работа предлагает решение этой проблемы, что позволяет изучить сходства и различия в способах выражения речевой агрессии.

Отметим также несколько дополнительных причин, которые обуславливают актуальность нашего исследования: существенное влияние средств массовой информации на протекание современных языковых процессов; нацеленность современных исследований на сохранение «чистоты» языка и культуры речи, трансляция которого должна реализовываться через средства массовой информации в первую очередь; необходимость изучения средств выражения агрессии как одного из основных факторов воздействия на общество в целом и на отдельного человека в частности; возможность повышения медиаграмотности современного общества за счёт понимания механизма речевой агрессии в СМИ.

Степень разработанности проблемы. В современном языкознании наряду с исследованиями речевой агрессии, выполненными в рамках лингвистической парадигмы, актуальными остаются работы междисциплинарного характера, в которых феномен речевой агрессии рассматривается на стыке лингвистики, психологии, социологии и права (см. работы А. Басса, Л. Бендер, Э. Фромма, М. Гамильтон и др.). Теоретико-методологические основания описания речевой

агрессии в лингвистическом аспекте заложены в трудах Л. М. Закоян, Н. Е. Петровой, Л. В. Рацибурской, Р. Х. Хайруллиной, Ю. В. Яковлевой и др. В психолингвистическом аспекте речевая агрессия исследуется как вид речевого поведения (изыскания В. И. Жельвиса, А. К. Михальской, К. Ф. Седова, Е. И. Шейгал, Ю. В. Щербининой и др.). Социоллингвистический аспект, акцентирующий внимание на роли социальных факторов в реализации речевой агрессии, представлен в трудах А. В. Гусейнова, О. С. Коробковой, Л. П. Крысина, Н. А. Купиной, Е. П. Попова, Л. В. Сосниной, Ю. В. Щербининой и др. Юрислингвистический подход к квалификации вербальных правонарушений и проблемам лингвистической экспертизы разрабатывается в исследованиях Н. Д. Голева, И. В. Головинской, М. В. Кочетковой, С. Л. Кушнерук, Дж. Олссона, Г. Книффки, Р. У. Шуя и др. В рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы речевая агрессия рассматривается как компонент конфликтного общения в работах Т. А. Воронцовой, Н. Д. Голева, В. И. Жельвиса, В. И. Карасика, Н. А. Купиной, М. В. Пименовой, Т. В. Шмелёвой и др. Лингвопрагматические основания изучения речевой агрессии опираются на теорию речевых актов и принципы кооперации и вежливости, представленные в трудах О. С. Иссерс, Дж. Р. Сёрла, Дж. Н. Лича, Г. П. Грайса, Т. А. ван Дейка и др. Исследования в области изучения медиадискурса представлены в работах Р. М. Блакара, Т. Г. Добросклонской, Е. А. Земской, Е. И. Шейгал, Г. Я. Солганика, Л. В. Сосниной и др. Лингвоэкологический аспект функционирования языка рассматривается в трудах В. В. Воробьёва, В. Г. Костомарова, А. П. Сковородникова, Л. И. Скворцова, С. Стефенсена, А. Филла и др.

Значительный объём исследований свидетельствует о важности и перспективности проблемы, поднятой в данном исследовании. Вместе с тем анализ существующих работ показывает, что до настоящего времени не сформировано единого понимания границ понятия «речевая агрессия», не представлено чёткого разграничения её средств и форм, а медиатексты, транслируемые через разные каналы передачи информации, не становились предметом комплексного

лингвистического анализа в пределах одного исследования. Данные пробелы определили цель, задачи и новизну настоящей работы.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Исследование осуществлялось в рамках научно-исследовательской работы и как составная часть научной темы «Национально-культурная специфика концептуально-языковой картины мира восточных славян» кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова».

Целью настоящего исследования является определение и описание вербально-коммуникативных средств и форм проявления речевой агрессии в условиях массмедийного выражения.

Поставленная цель исследования определила следующие конкретные **задачи**:

- 1) изучить феномен речевой агрессии в лингвистическом аспекте и смежных научных направлений;
- 2) раскрыть и систематизировать сущность речевой агрессии в публичном пространстве, опираясь на коммуникативно-дискурсивный подход;
- 3) осуществить выбор медиапродуктов для анализа реализации речевой агрессии и обосновать его;
- 4) выявить средства и формы проявления речевой агрессии в медийных текстах;
- 5) представить и описать в фокусе речевой агрессии вербально-коммуникативные средства, используемые в средствах массовой информации.

Объектом исследования является речевая агрессия в медийных текстах российских средств массовой информации. Материалом для исследования послужили высказывания из телепроектов («Мужское / женское», «Звёзды в Джунглях», «60 минут»), радиоэфиров («Авторadio», «Дорожное радио»), газетных изданий Донецкой Народной Республики («Итоги и факты», «Неделя», «Комсомольская правда – Донецк»), сетевых изданий («РИА Новости», «Коммерсантъ»), портретных интервью («Осторожно, Собчак», «Стрелец –

Молодец», «Алёна, БЛИН!») и телеграм-каналов («Mash», «Baza», «ДНР INFO»). Корпус единиц исследования составили 1307 высказываний, содержащих вербально-коммуникативные средства речевой агрессии.

Предметом исследования являются вербально-коммуникативные средства и формы выражения речевой агрессии в медийных текстах.

Гипотеза исследования. Речевая агрессия в современных российских СМИ представляет собой инструментальный компонент медиадискурса, специфика манифестации которого (набор языковых средств, выбор субжанров речевого жанра «ссора» и функциональная направленность) определена видом медиакommunikации (традиционные СМИ / новые медиа).

Положения, выносимые на защиту:

1. Речевая агрессия, как многогранное явление, представляет собой *коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.*

2. В связи с тем, что объектом исследования выступает речевая агрессия в средствах массовой информации, её определение должно отражать особенности её манифестации в заданных условиях. Так, **речевая агрессия в СМИ – коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами, в публичном поле (пространстве) с помощью технических средств передачи информации для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.**

3. Средства речевой агрессии выражаются речевыми единицами. Помимо языковых знаков, речевые единицы могут быть представлены высказываниями, которые относятся к речевой агрессии только в том виде, в котором они представлены, то есть набор определенных языковых средств, который реализует

конфликтогенный (содержащий конфликтоген, провоцирующий или усиливающий конфликт) речевой субжанр речевого жанра «ссора»; высказываниями, которые содержат нейтральные языковые единицы, но за счёт имеющегося контекста приобретают агрессивное содержание.

4. К речевым субжанрам речевого жанра «ссора» относятся «непрошенный совет» и «сомнительный комплимент» (оскорблимент), дополняя существующий перечень, описанный К. Ф. Седовым. Так, основной инструментарий для выявления типа речевой агрессии в СМИ может быть представлен 16 конфликтогенными речевыми субжанрами речевого жанра «ссора»: *инвектива, угроза, проклятье, обвинение, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, упрек, возмущение, насмешка, колкость, констатация некомпетентности, демонстрация обиды, агрессивное молчание, непрошенный совет и сомнительный комплимент.*

5. Формами речевой агрессии являются 12 бинарных оппозиций: 1) вербальная / невербальная; 2) прямая / косвенная (непрямая); 3) инструментальная / неинструментальная; 4) инициативная / реактивная; 5) активная / пассивная; 6) непосредственная / опосредованная; 7) спонтанная / подготовленная; 8) эмоциональная / рациональная; 9) сильная / слабая; 10) враждебная / невраждебная; 11) переходная / непереходная; 12) массовая / социально-замкнутая. В основе заявленных форм лежит типология К. Ф. Седова из 10 диад (1–10), расширенная нами двумя оппозициями (11–12), которые были выявлены и описаны в труде А. К. Михальской. Заявленные формы могут применяться не только при анализе текстов СМИ, но и в других типах дискурса.

6. Определение форм выражения речевой агрессии позволяет охарактеризовать данное явление в медиадискурсе. Для речевой агрессии в СМИ характерны следующие формы: вербальная; прямая (встречный текст, телеграм-каналы, телепроекты) и косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная (устные медиатексты) и рациональная (письменные

медиатексты); сильная (встречный текст, телеграм-каналы, телепроекты) и слабая; враждебная; переходная; массовая (сетевые издания, телеграм-каналы) и социально-замкнутая (в газетных текстах не определена).

Методологическая база исследования включает совокупность взаимодополняющих подходов и методов, подчинённых логике системного подхода; направленного на изучение языковых и речевых единиц в условиях их дискурсивной реализации. Решение задач представленного исследования предполагает обращение к описательному методу (для описания и систематизации вербально-коммуникативных средств речевой агрессии), сопоставительному методу (для выявления сходств и различий инструментария выражения речевой агрессии в традиционных СМИ и новых медиа), методу контекстуального анализа (для определения коммуникативной ситуации, выявления интенции высказывания, обобщения полученных результатов и определения окончательного значения высказывания), методу селекции иллюстративного материала (для сбора единиц материала исследования, соответствующих критерию отбора – наличию вербально-коммуникативных средств речевой агрессии в выбранных медиапродуктах), методу дискурсивного анализа (для изучения использования тактик и стратегий в исследуемых медиапродуктах для достижения целей), количественному методу (для представления результатов количественного анализа исследуемых материалов).

Научная новизна. Разноаспектно исследована проблема понятия речевой агрессии для определения ключевых доминант явления и последующего предложения авторской трактовки; дополнены и систематизированы средства выражения речевой агрессии; впервые предлагается модель для языкового анализа речевой агрессии СМИ; определены формы выражения речевой агрессии; на основании выявленных форм впервые охарактеризована речевая агрессия в СМИ; впервые выявлены и систематизированы качественные различия в стратегиях речевой агрессии в традиционных СМИ и новых медиа, обусловленные каналом передачи информации, жанровыми и стилистическими особенностями платформы, ожиданиями аудитории и правилами модерации.

Теоретическая значимость. Наблюдения и выводы, представленные в диссертации, имеют теоретическое значение для углублённого изучения медиатекстов, в том числе в рамках механизмов воздействия на общественное мнение, внося таким образом вклад в развитие лингвистической конфликтологии и медиалингвистики.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут лечь в основу учебных курсов по русскому языку и культуре речи, а также могут быть задействованы в исследованиях по проблемам когнитивной лингвистики, социалингвистики, лингвистической конфликтологии, коммуникативно-прагматической лингвистики, лингвистики текста. Результаты и методика анализа могут быть востребованы для мониторинга медиасреды, анализа публичных выступлений, проведения лингвистических экспертиз.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается её структурой и внутренней логикой, последовательной реализацией поставленных задач, применением комплекса лингвистических методов, адекватных предмету изучения. Обоснованность выводов подкрепляется достаточным объёмом эмпирического материала, охватывающего медиатексты традиционных СМИ и новых медиа, соотносённостью теоретической базы с практическими результатами исследования, а также широким охватом изученных научных работ отечественных и зарубежных учёных, информационно-аналитических материалов.

Апробация работы. Полученные в диссертации результаты и сделанные из них выводы обсуждались на межкафедральных научных семинарах «Славянские и германские языки в поликультурном мире: лингвокогнитивный, лингвокультурный и лингвометодический аспекты» (Горловка, 2022 г., 2023 г., 2024 г., 2025 г.) и 22 научных и научно-практических конференциях: Научной конференции для молодых ученых «Young scientists' researches and achievements in science» (Донецк, 2021 г.); VI Международной научной конференции «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2021 г.); V Международной очно-заочной научно-практической

конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке» (Горловка, 2021 г.); V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук» (Брянск, 2022 г.); VIII Международной очно-заочной научно-практической конференция «Восточнославянская филология в кросскультурном мире» (Горловка, 2022 г.); VI Международной очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных, приуроченной 210-летию со дня рождения И. И. Срезневского (Горловка, 2022 г.); VI Международной очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке» (Горловка, 2022 г.); VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика» (Донецк, 2022 г.); IV Республиканской заочной студенческой конференции, посвященной Международному дню родного языка «Языки Донбасса : история, современное состояние, перспективы развития» (Донецк, 2022 г.); VI Международной научно-практической конференции «Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» (Донецк, 2023 г.); IX Международной заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ» (Донецк, 2023 г.); Научной конференции для молодых ученых «Young scientists' researches and achievements in science» (Донецк, 2023 г.); V Межрегионального научно-практического семинара «Лингвистическое краеведение: перспективы и возможности», приуроченного к Году педагога и наставника (Горловка, 2023 г.); VII Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», приуроченной к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова и Году педагога и наставника (Горловка, 2023 г.); II Международной научно-практической конференции «Язык. Речь. Коммуникация: Развитие языковой личности в профессиональном дискурсе» (Екатеринбург, 2023 г.); Республиканской научной конференции «Актуальные проблемы изучения славянских языков» памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, 2024 г.); X Международной очно-заочной научно-

практической конференции «Восточнославянская филология в кросскультурном мире», приуроченной к Году семьи и к 75-летию ДГПУ (Горловка, 2025 г.); XI Международной научно-практической конференции «НАУКА и ТЕХНОЛОГИИ» (Алматы, 2024 г.); Международной научной конференции «Человек в коммуникации: категория вежливости и речевая агрессия» (Калининград, 2024 г.); X Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы изучения славянских языков» памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, 2025 г.); Второй Международной научной конференции «Человек в коммуникации: категория вежливости и речевая агрессия» (Калининград, 2025 г.); VII Межрегиональном научно-практическом семинаре «Лингвистическое краеведение: перспективы и возможности» (Горловка, 2025 г.).

Исследование прошло апробацию в 17 публикациях, из них 5 – в журналах, рекомендуемых ВАК МОН ДНР и ВАК при Минобрнауки России (Горловка (2), Донецк, Москва, Санкт-Петербург), 12 – в сборниках материалов всероссийских и международных конференций (Горловка, Донецк, Брянск, Алматы).

Объём и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, источников и иллюстративных материалов, 1 приложения (картотека иллюстративных материалов).

Общий объём диссертационного исследования составляет 266 страниц, объём основного текста – 209 страниц. Наблюдения и выводы исследований представлены в 4 таблицах и 6 рисунках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

1.1. Комплексный анализ понятия речевой агрессии

1.1.1. Определение речевой агрессии как лингвистического явления

Повышенный интерес исследователей к проблеме речевой агрессии способствует развитию категориальной основы для изучения вопросов, связанных с её проявлением. Тем не менее на сегодняшний день учёные продолжают акцентировать внимание на отсутствии единого понимания речевой агрессии. Согласно большей части работ в данной области, одной из причин невозможности закрепления целостного, чёткого и исчерпывающего определения для рассматриваемого явления служит тот факт, что существенный научный интерес к этой проблеме появился сравнительно недавно: изучение непосредственно речевой агрессии берёт своё начало в конце XX века вследствие возникновения особого внимания к различным видам коммуникативной деятельности человека [194, с. 4].

Актуальность изучения определений речевой агрессии заключается, во-первых, в отсутствии единого мнения относительно её толкования и, во-вторых, в значительном влиянии этого явления на языковую культуру и общество. Стоит отметить, что речевая агрессия может присутствовать в различных коммуникативных ситуациях в бытовом, педагогическом, политическом и других вариантах социального пространства. Так, например, изучая проявление агрессии в педагогической практике, изыскания Ю. В. Щербининой представляют особый интерес для исследователей речевой агрессии, так как предпринимается попытка систематизации лингвистических знаний об исследуемом феномене [188, 191]. А. В. Карякин, Е. И. Шейгал и др. изучают агрессивность высказываний в рамках политического дискурса как одну из основных и частых форм речевого воздействия [84, 179, 182]. Некоторые исследователи (Н. Л. Шамне [175], А. В. Карякин [84], Л. И. Скворцов [153], А. П. Сковородников [154] и др.) уделяют внимание речевой агрессии в социокультурном аспекте, определяя её как угрозу экологичности языка. В настоящее время многие научные труды направлены на изучение

интернет-дискурса. Ввиду этого вопрос речевой агрессии теперь часто рассматривается в пределах данного коммуникативного пространства (труды Т. А. Воронцовой [31], Т. С. Каримовой [82], О. В. Лутовиновой [120] и др.).

Поскольку феномен речевой агрессии рассматривается через призму различных научных направлений (психологии, социологии, политологии, дискурсологии, психолингвистики, социоллингвистики, юрислингвистики, когнитивистики и т. п.), возникают трудности с толкованием самого понятия. Подчеркнём, что исследуемое явление участвует едва ли не во всех сферах жизни и деятельности человека, то есть ограничить данное понятие исключительно лингвистическим аспектом не представляется возможным – требуется учитывать психологические, социальные, юридические и другие особенности. Многоаспектный подход к изучению речевой агрессии был применён в диссертационном исследовании Т. А. Воронцовой «Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход» [30]. На наш взгляд, несмотря на то что в рассматриваемом труде представлен анализ феномена с точки зрения различных аспектов, мы видим необходимость изучить более современные трактовки данного языкового явления, поскольку теоретическая база совершенствуется и предлагает новые научные осмысления речевой агрессии.

Так, одной из задач нашего исследования является изучение и анализ существующих определений как отечественных, так и зарубежных авторов с целью оценки схожих особенностей и возможности синтеза представленных мнений для того, чтобы сформулировать авторское определение понятия «речевая агрессия».

Большая часть трудов, посвящённых речевой агрессии, рассматривает это явление в контексте психолингвистики, предлагая трактовать речевую агрессию как «речевое поведение» (Л. В. Енина [68], Т. А. Воронцова [29, 30]), «установку на антидиалог» (Т. А. Воронцова [29, 30], А. К. Михальская [128]), «речевое воздействие» (К. Ф. Седов [151], Е. И. Шейгал [182], A. Buss [197]) и т. п. В лингвистическом аспекте данный феномен изучен недостаточно, в связи с чем назрела острая необходимость исследования лингвистического аспекта речевой агрессии.

В отечественной лингвистике основополагающие идеи, раскрывающие суть дефиниции «речевая агрессия», принадлежат Ю. В. Щербининой, Н. Е. Петровой, Л. В. Рацибурской, Р. Х. Хайруллиной и др. В зарубежной литературе этому явлению уделяли внимание Р. Барт, Л. Стич, С. Удупа, М. А. Гамильтон и др.

В результате исследования речевой агрессии рассматриваемый феномен обрёл множество синонимов, таких как «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия», «язык ненависти / вражды», «словесный экстремизм» и т. д. Однако ряд исследователей всё же отмечает некоторые различия в сфере их применения. Наряду со словосочетанием «речевая агрессия» наиболее часто можно встретить термины «вербальная агрессия» и «языковая агрессия». Иногда они встречаются в пределах одной работы. Тем не менее Л. М. Закоян придерживается мнения, что термин «вербальная агрессия» может быть применён исключительно в изучении феномена с точки зрения психологии, то есть, по сути, является психологическим понятием [72, с. 46]. Мы разделяем позицию исследователя в вопросе выбора точного термина, поскольку при определении вербальной агрессии фокус преимущественно смещается в понимание агрессии как таковой [230, 231] и трактуется как поведение. В свою очередь, при определении термина «речевая агрессия» ключевую позицию занимает именно способ её выражения («использование языковых средств» [243], «коммуникативное действие» (К. Ф. Седов [151]) и т. п.). В связи с тем, что наше исследование посвящено изучению и определению средств и форм выражения агрессии в СМИ, мы остановимся на термине «речевая агрессия».

Термин «языковая агрессия» определяется учёными-лингвистами отлично от речевой. Так, к примеру, в словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило под языковой агрессией понимается «явление интенсивного влияния одного более функционально активного языка на менее активный в условиях языковых контактов, вплоть до вытеснения его из традиционных сфер функционирования» [240, с. 475]. Предлагаемый термин отождествляется с «лингвистической агрессией» (Н. Н. Воропаев, Е. Б. Гришаева, Т. В. Жеребило) и «языковым вторжением» (Т. В. Жеребило). В качестве дополнительного пояснения в словаре

уточняется, что «языковая агрессия выражается в многочисленных явлениях интерференции и заимствованиях: лексических, грамматических, словообразовательных, в росте объема функционирования активного языка за счет сокращения функционирования менее активного языка» [Там же]. Например, аббревиатура *ОК* в качестве согласия, которая заменила русскоязычные варианты «ладно», «хорошо», «да» и т. д.; *fake* вместо «ложный», «недостоверный» и др. В предлагаемом толковании термина «языковая агрессия» отслеживается угроза «загрязнения» языка, его литературной нормы, а значит относится к проблеме состояния языка, а не речевому взаимодействию.

Однако М. А. Фирсова в диссертационном исследовании «Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности» выражает мнение, что использование термина «языковая агрессия» задаёт вектор именно лингвистическим исследованиям, так как основной инструмент такой агрессии – слово [168, с. 5]. Практическое изучение речевой агрессии в работе автора заключается в рассмотрении языковых средств, преимущественно лексических (инвективной, жаргонной, разговорно-просторечной лексики). Анализируя фразеосемантическое поле агрессии, М. В. Шишко рассматривает прежде всего лексические единицы с уничижительной и пейоративной окраской, дополняя анализ материалом из устойчивых выражений английской литературы. Так, например, фразеологизм *to put out somebody's light* в понимании М. В. Шишко звучит «обиднее», чем лексическая единица *to kill somebody* [183, с. 3].

Определяя речевую агрессию, Р. Х. Хайруллина поддерживает необходимость отдельного рассмотрения языковой и речевой агрессии в силу разных способов выражения в языке и речи, замечая, что «если в речи это прежде всего фонационные и невербальные средства, речевая ситуация в целом, то в языке это лексико-грамматические средства, получившие закрепление в лексическом фонде и грамматическом строе языка» [172, с. 334]. Другими словами, это те единицы уровней языка, которые фактически отражают негативную коннотацию, к примеру, те же инвективы.

Однако мы полагаем, что речевая агрессия не ограничивается речевой ситуацией, так как речевое взаимодействие предполагает и вербализацию. Следовательно, языковые средства также могут быть отнесены к «речевой» агрессии, и, вслед за И. Б. Лазебной, считаем, что в речевом акте агрессии происходит комплексное взаимодействие языковых средств различных уровней языка, а именно фонетического, морфологического, лексического и др. [112, с. 159]. Ярким примером могут послужить высказывания из интервью Д. Гордона: *«А его (авторск. пояснение – В. Зеленского) в этом статусе (авторск. пояснение – президента страны) больше ничего и не интересует. Ты видел выступления в Верховной Раде? Одно их двух... Это же безумие... Это же Северная Корея! Мне казалось, что того, кто недостаточно громко будет аплодировать – его должны расстрелять»* (Приложение, пункт 38, с. 245 (далее в тексте – Пр., с. / п.)). В приведенном примере речевая агрессия реализуется через союзы «а» («присоединяет предложения <...> со значением добавления чего-нибудь при последовательном изложении, со значением пояснения, возражения, **усиления**, перехода к другой мысли» [251]) и «и» («в значении "даже", резко подчеркивая то слово, перед которым стоит» [259], то есть усиливает значение «не интересует»); метафору «выступления – безумие» (безумие – «безрассудство, полная утрата разумности в действиях / в поведении» [251]); сравнение по характерному признаку (стереотипа «несвободы», жёсткого контроля, авторитарности) «выступления – Северная Корея»; усилительную частицу «же» («усиливает значение первого или в смысловом отношении наиболее важного слова реплики (разг.)» [259]), модальное слово «казалось» («иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление» [259]) используется для освобождения от ответственности за высказывание, как *«я лишь предполагаю, но вывод очевиден»*; составное сказуемое «должны расстрелять», содержащее агрессивный компонент – «должны» подразумевает *обязаны*, «расстрелять» – здесь гипербола, которая отсылает к смертной казни, вероятно, для усиления сравнения с Северной Кореей, где смертная казнь предусмотрена (среди прочего) и за антигосударственную пропаганду, агитацию, неуважение и нелояльность к лидеру [278]. Так, в первом

высказывании мы усматриваем *упрёк* в том, что, кроме публичных выступлений, В. Зеленского как президента ничего не интересует (то есть внутренние и внешние проблемы государства); следующие фрагменты высказывания позволяют предположить *обвинение* в авторитарности и утрате разумности в действиях / в поведении. Таким образом, основная идея высказывания представляется нам следующим образом: В. Зеленский не выполняет прямые обязанности, возложенные на него народом страны (ему они не интересны), вместо этого он реализует свой статус только в публичных выступлениях (только говоря, но не делая), при этом стиль выступлений предполагает, что несогласных с лидером необходимо устранить.

Изучая толкование речевой агрессии в словарях, можно выделить следующее как наиболее приближенное к лингвистике: «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [243, с. 340]. В качестве примеров рассмотрим данные нашей картотеки (здесь – интернет-комментарий (орфография и пунктуация сохранены в исходном виде)):

1. *«Отеки это проблемы с сердечно сосудистой системой и почками. Вы шарлатанка и говорите бред!»* – представляет собой обвинение в обмане и констатацию некомпетентности через лексику *«шарлатанка»* («невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик» [251]) и словосочетание *«говорите бред»* («перен. нечто бессмысленное, вздорное, несвязное (разг.)» [259]). В данном случае может интерпретироваться и как оскорбление (есть прямое указание на лицо (*«Вы»*)), и как выраженная негативная оценка через лексику *«шарлатанка»*.

2. *«Эх люблю я этих толстых диетологов. сразу видно человек знает о чем говорит»* – речевая агрессия выражена констатацией некомпетентности через иронию с помощью следующих средств: междометия *«эх»* («возглас, выражающий сожаление, досаду, озабоченность, упрек, восхищение» (разг.) [236]); словосочетания *«толстых диетологов»*, образующего ядро иронии в данном высказывании (нарушает устоявшийся фрейм «диетолог должен быть стройным», другими словами подразумевает специалиста, который не может помочь самому

себе); речевого оборота *«сразу видно»*, который используется для указания очевидного вывода, построенного на наблюдении; глагол *«люблю»*, где происходит сдвиг буквального значения в подразумеваемое *«насмехаюсь, высмеиваю»*.

3. *«Правильно поняли <...> и пусть доказательная наука победит филодоксов и их мнения!))»* – насмешка, представленная лексической единицей *«филодоксов»* (любитель мнений (по М. де Монтеню)), игре через смысловую тавтологию (*«победит филодоксов (любителей мнений) и их мнения»*), и также усиленная графическими знаками *«))»*, которые являются сокращением от *«:-)»* для передачи улыбки / радости / смеха.

На основании вышеизложенного предлагаем придерживаться мнения Л. М. Закоян: для изучения вопросов агрессивности коммуникативных актов наиболее приемлемым считать термин *«речевая агрессия»*.

Предполагается, что изначально явление агрессивности в речи появилось в англоязычной культуре под названием *«hate speech»*, которое позже перешло в русский язык в нескольких вариантах: *«язык ненависти»* (П. Фортуна и др.), *«язык вражды»* (Ю. В. Щербинина), *«языковое насилие»* (Дж. Понцио).

Значительный интерес для изучения толкования речевой агрессии и языка вражды представляет одна из недавних книг Ю. В. Щербининой *«Речевая агрессия: территория вражды»* [190]. В восьмой главе исследователь описывает язык вражды, понимая его как *«слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют человека на агрессию... ко всему иному, непривычному, отличному от сложившихся стереотипов той или иной социальной либо культурной общности людей»* [190, с. 172]. Ср.: *«мормоны подрывают нашу православную идентичность»* – данный пример наглядно демонстрирует *«язык вражды»*: использование слова *«мормоны»*, которое в понимании русскоговорящих реципиентов уже несёт негативный оттенок значения, глагол *«подрывают»* – *«рассорить, разрушить изнутри (разг.)»* [232, с. 879], словосочетание *«православная идентичность»* играет здесь особую роль, так как, согласно данным Фонда *«Общественное мнение»*, большая часть граждан, проживающих на территории России, считает себя православными. Вывод получается следующим: **мормоны**

(чаще всего представляются нами как сектанты, чьё религиозное видение зародилось в США), подрывают (наносят вред / разрушают) нашу православную идентичность (неотъемлемую часть русской этнической идентичности, наш образ жизни). Подобный пример можно расценивать как призыв к вражде / ненависти.

Многие работы зарубежных исследователей посвящены изучению термина «hate speech». П. Фортуна и др. предлагают трактовать это понятие как языковые средства, оскорбляющие или унижающие чьё-либо достоинство; разжигающие ненависть на почве каких-либо признаков (внешности, религии, национальности и т. п.) (*опиц.* «*language that attacks or diminishes, that incites violence or hate against groups, based on specific characteristics such as physical appearance, religion, descent, national or ethnic origin, sexual orientation, gender identity or other, and it can occur with different linguistic styles, even in subtle forms or when humour is used*» [205, с. 5]). Другими словами, речевая агрессия понимается как использование языковых средств с целью негативного воздействия путём разного рода дискриминации.

Наряду с дефиницией «hate speech» встречаются такие синонимы, как *verbal aggression, linguistic aggression, language of aggression, communicative aggression, speech aggression, destructive communication, verbal attack, verbal abuse, destructive verbal communication* и т. п. В связи с чем мы можем полагать, что и в зарубежной литературе не сложилось ни устойчивого термина, ни точного понимания речевой агрессии.

Так, например, в работе Э. Кэинса и др. предпринята попытка разграничить понятия «hate speech» и «aggressive language». Исследователи разрабатывают алгоритм, который должен распознать речевую агрессию в интернет-пространстве. По их мнению, «aggressive language, which more often than not is built on the composition of many words, involves a hostile stance from one speaker or writer to another. It is this which might seem to be abusive...» [202, с. 66–67] («речевая агрессия, которая чаще всего основывается на сочетании ряда слов, предполагает враждебное отношение одного говорящего или пишущего по отношению к другому. Именно это может показаться оскорбительным...» – авторск. перевод).

Итак, согласно определению, речевая агрессия часто выражается фразой / словами, что может быть интерпретировано как оскорбление или даже враждебность. Рассмотрим несколько примеров, которые, на наш взгляд, представляют речевую агрессию в данном ключе (здесь – выдержки из печатных изданий): *«Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит»* («Неделя» от 03.05.2022 г.), *«А на деле собрали богатейший урожай с покупателей, которые воспользовались маткапиталами и льготными ипотеками... Продавцы-вторичники, не будь дураками, увидев, что цены на новостройки переписывают каждую неделю, тоже захотели обогатиться»* («Комсомольская правда – Москва» от 13.04.2022).

В работе М. А. Гамильтона можно встретить словосочетания «verbal aggression» (вербальная агрессия), «verbal aggressiveness» (вербальная агрессивность) и «aggressive language» (агрессивный язык). Безусловно, данные термины имеют различия. Сам М. А. Гамильтон считает, что вербальная агрессия представляется отдельным речевым актом с использованием агрессивного языка, а вербальная агрессивность – предрасположенность к его использованию [210, с. 6].

Р. Барту видится, что агрессия представлена изначально на грамматическом уровне языка: «Не является ли... сама фраза, как практически замкнутая синтаксическая структура, боевым оружием, средством устрашения; во всякой законченной фразе, в ее утвердительной структуре есть нечто угрожающе-императивное... В своей повседневной, по видимости свободной жизни мы ведь не говорим целыми фразами...» [10, с. 539]. Р. Барт приводит в пример 3 словосочетания («Злая собака», «Осторожно, собака», «Сторожевая собака»), которые, независимо от своей формы, передают одно и то же угрожающее содержание: *«Не входите, если не хотите быть укушенными»* [там же, с. 538].

Изучая работы современных зарубежных исследователей, мы отмечаем существенный научный интерес к разработкам специальных компьютерных программ, нацеленных на выявление речевой агрессии в сети Интернет, что подтверждает проблему агрессивности и попытку её устранения. Однако, на наш взгляд, говорить об исчезновении речевой агрессии не приходится.

Изучаемый материал отражает множество мнений, ввиду совокупности которых появились синонимичные названия исследуемого явления; опыт отечественных и зарубежных лингвистов в изучении речевой агрессии; особенности определения феномена с учётом анализа фактического материала рассмотренных трудов. В рамках нашего исследования мы остановились на использовании термина «речевая агрессия».

Несмотря на широкий и неоднозначный перечень определений речевой агрессии, мы предлагаем обратить внимание на те особенности толкований данного понятия, которые прослеживаются во всех рассмотренных выше трактовках:

- выражается средствами различных уровней языка;
- имеет движущую силу – коммуникативную интенцию, преимущественно негативного характера;
- требует объекта, на которого будет направлена «атака».

Так, с точки зрения лингвистики речевая агрессия представляет собой использование языковых средств для достижения коммуникативной интенции негативного характера в отношении объекта агрессии.

Отметим, что предлагаемая трактовка является лишь частью основного определения. В дальнейшем теоретическом исследовании данного явления мы изучим и проанализируем основные составляющие этого многогранного феномена, а именно: психолингвистической, социолингвистической, лингвоюридической и лингвоэкологической. Подробное изучение обозначенных аспектов поможет сформулировать наиболее объёмное и точное понимание речевой агрессии.

1.1.2. Психолингвистические основы понятия речевой агрессии

Речевая агрессия, как отмечают многие исследователи, явление многогранное. Одним из основных подходов к её определению считают психолингвистику. «В психолингвистике... в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности... и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании»

[104, с. 16]. Психолингвистический вектор изучения речевой агрессии обусловлен тем, что данное явление представляет собой речевое действие, выраженное элементами языка и предполагает намерение (мотив).

Такие исследователи, как К. Ф. Седов, Ю. В. Щербинина, Л. В. Енина и др., уделяли особое внимание речевой агрессии, основывая её сущность на базе психолингвистических исследований. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть существующие определения речевой агрессии (или агрессии, но выраженной в словесной форме) с позиций психолингвистики.

К. Ф. Седова можно назвать особенно значимой фигурой в исследовании психолингвистического аспекта речевой агрессии. Учёный считает, что данный феномен стоит понимать как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [151, с. 114]. Исследователь глубоко убеждён, что основные психологические особенности речевой агрессии описаны в концепции А. Адлера (теория фрустрации – агрессии) и идеях М. М. Бахтина (жанры речи). К. Ф. Седов полагает, что в лёгких формах речевая агрессия может способствовать улучшению коммуникативного климата, сравнивая её с языковой игрой. Подробнее такое сравнение рассматривал И. А. Стернин.

Согласно исследованию И. А. Стернина «Введение в речевое воздействие» [164], речевую агрессию можно сравнить с речевой игрой – понятие, введённое Э. Берном. Под речевой игрой понимается разновидность закрытого общения, типовые разговоры, которые развиваются по определенному сценарию и предполагают предсказуемые результаты общения. Игры – повторяющийся набор транзакций, обладающий скрытой мотивацией. Э. Берн подчёркивает, что игра – это серия ходов, содержащих ловушки, подвох, скрытое намерение [201].

Особый интерес вызывают речевые игры, которые заведомо ведут к конфликту. По содержанию к таким видам речевой игры можно отнести обвинительные, преследующие цель выразить неудовольствие партнером, его действиями или высказываниями [164].

Вслед за К. Ф. Седовым, мы полагаем, что немаловажное значение для изучения речевой агрессии сквозь призму психолингвистики имеют работы В. И. Жельвиса, посвященные табуированной лексике. В. И. Жельвис отмечает, что употребление в речи инвективной лексики «самым тесным образом связано с проблемами эмоциональной разрядки и, следовательно, так называемым катарсисом» [70, с. 29].

Исследователь психолингвистических особенностей речевой агрессии в сфере педагогической практики Ю. В. Щербинина определяет речевую агрессию как «словесное выражение негативных эмоций». Ю. В. Щербинина акцентирует важность психолингвистики как интегративной научной дисциплины, «позволяющей вплотную подойти к изучению механизмов порождения агрессии в речи» [188, с. 25]. Автор считает, что речевая агрессия является нарушением личных границ, следствием переживания «триады враждебности» (гнев, отвращение, презрение); может выступать защитным механизмом (для примитивной психологической разрядки), а также инициативным речевым актом, воплощающим агрессивные намерения.

В. Ю. Апресян при рассмотрении имплицитной агрессии поясняет (автор использует термин «языковая агрессия»), что под языковой агрессией стоит понимать «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [3, с. 33]. В пункте 1.1.1. мы уже рассматривали синонимизацию терминов «речевая агрессия» и «языковая агрессия», а также их различия. В данном случае предлагается отождествить эти понятия исходя из формулировки определения.

Ряд исследователей предполагает, что речевую агрессию стоит прежде всего рассматривать как особый тип поведения (А. К. Михальская, Л. В. Енина и др.). Л. М. Закоян, основываясь на трудах А. К. Михальской, отмечает, что речевая агрессия – «установка на антидиалог, поскольку данный тип речевого поведения основан на сознательной ориентации адресанта на субъектно-объектный тип отношения» [72]. Эту же мысль поддерживает Т. В. Воронцова: «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через

сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение» [30, с. 13]. По мнению Л. В. Ениной, данный феномен есть «сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [68, с. 105]. Исследователи здесь транслируют важность психоэмоционального состояния говорящего для проявления агрессии.

И. А. Бубнова отмечает, что агрессия в психолингвистической парадигме должна определяться и изучаться именно как речевая агрессия, поскольку этот термин абсолютно соответствует общим методологическим принципам данной области научного знания. Это отражает не только первоначальную направленность психолингвистических исследований на речевую деятельность, но и саму структуру деятельности говорящего, её связь со структурой сознания (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задачи и условия). По мнению автора, эта структура «предопределяет и в то же время ограничивает выбор языковых средств на каждом этапе общения не только общим мотивом коммуникантов, их промежуточными целями, тактическими задачами и условиями общения, но и системой правил, принятых в определенном социуме или в мировом сообществе» [22].

Рассматривая предложенные трактовки в рамках психолингвистического направления, мы предлагаем подробнее изучить понимание речевого поведения. В целом, вопрос определения речевого поведения и связанных с ним понятий рассматривается в социо- и психолингвистике. Тем не менее «речевое поведение» чаще всего относят к социолингвистике, в то время как в психолингвистическом аспекте бытует термин «речевая деятельность». Однако А. А. Леонтьев указывает на тесную взаимосвязь этих явлений. Так, исследователь включал в понятие речевой деятельности все проявления речевого поведения носителя языка (как коммуникативные, так и некоммуникативные). С точки зрения психолингвистики А. А. Леонтьев (2007) различает рефлекторное и интеллектуальное (*осознанный выбор одной из множества реакций на имеющуюся реакцию-раздражитель*) речевое поведение [114]. Мы, вслед за А. А. Леонтьевым, предлагаем

рассматривать термин «речевое поведение» в рамках психолингвистического знания как наиболее уместный для данного исследования.

Дополнительным основанием для такого решения можно считать объект исследования – речевую агрессию. Возвращаясь к вышеперечисленным определениям, мы прослеживаем уточняющие характеристики, если в толковании присутствует выражение «речевое поведение», а именно: установка на антидиалог, агрессивное состояние говорящего. Рассмотрим данные компоненты подробнее.

Для того чтобы конкретизировать понимание антидиалога, рассмотрим определение «диалог». Согласно Большому энциклопедическому словарю, под диалогом в психологии понимают «специфическую для человека форму межличностного взаимодействия, когда собеседники выступают друг для друга не как объекты или условия деятельности, а как равноправные субъекты общения, в котором обе стороны учитывают и уважают различия точек зрения» [233]. В случае установки на антидиалог, приставка *«анти-»* используется для выражения противоположности или враждебности, другими словами соответствует приставке *«против»*. Следовательно, для антидиалога характерно противопоставление собеседников, неравноправие / ущемление субъектов общения и отсутствие принятия и уважения различных точек зрения.

В отношении трактовки агрессивного состояния отмечается неоднозначность. Нередко в психологии агрессивное состояние и агрессия отождествляются. Е. В. Мирошник и Л. Д. Чайнова, рассматривая агрессивное состояние через призму теории оптимальных функциональных состояний, относят его к крайним негативным функциональным состояниям и приравнивают к агрессии или агрессивному поведению [126]. Однако, согласно «Большой российской энциклопедии», агрессия и есть модель поведения – «мотивированное деструктивное поведение, направленное на нанесение вреда объектам нападения (в том числе с целью вызвать отрицательные переживания, состояния напряжённости, страха, подавленности и т. п.)» [230]. Что же касается понимания значения «состояние» «Новая философская энциклопедия» предлагает следующее: «состояние – совокупность основных параметров и характеристик какого-либо

объекта, явления или процесса в определённый момент (или интервал) времени [250]. Таким образом, под агрессивным состоянием мы понимаем неустойчивую по времени совокупность агрессивных реакций, сопровождающихся эмоциональным состоянием гнева, враждебности, ненависти под воздействием внешних или внутренних стимулов, что транслируется и в речевое поведение говорящего.

Зарубежные исследования психологии агрессии имеют множества пересечений с отечественной наукой. М. А. Гамильтон в исследовании «Вербальная агрессия: понимание психологических предпосылок и социальных последствий» проводит анализ роста интереса учёных к проблемам речевой агрессии и представляет данные в виде следующего графика (*фигура представлена в оригинальном виде с авторским переводом*):

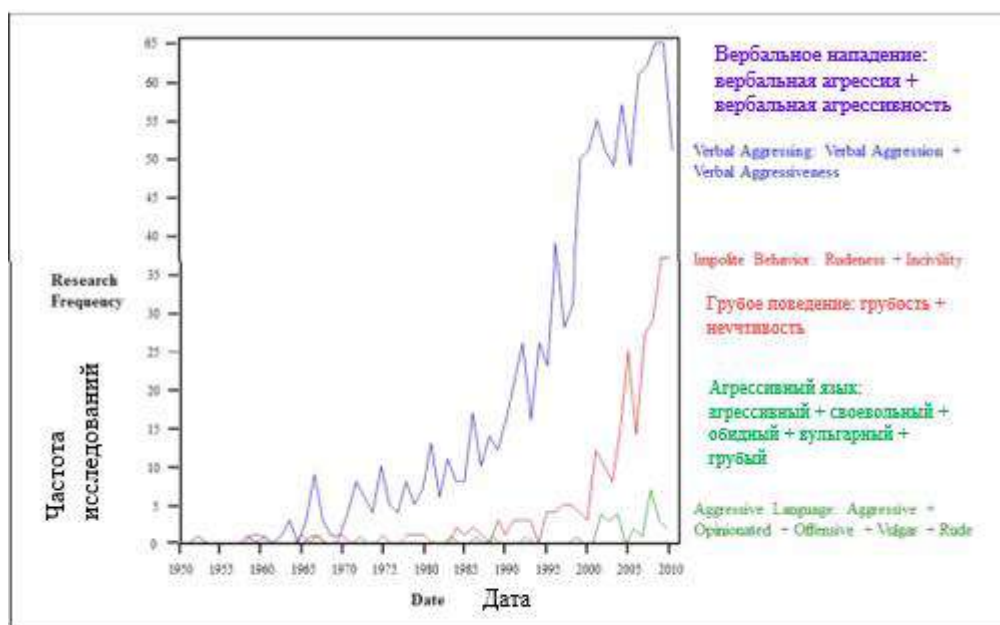

Figure 1. Trends in number of studies on verbally aggressive and rude behavior

Рис. 1.1. Выдержка из работы М. А. Гамильтона

Тенденции в изучении вербальной агрессии, как отмечает автор, активно концентрируются на процессе вербальной агрессии. М. А. Гамильтон полагает, что в разных культурах вербальная агрессия может выйти из-под контроля, что приведёт к кровопролитию или даже полномасштабной войне, то есть чрезмерная вербальная агрессия может привести к разжиганию ненависти и представляет собой неминуемую опасность для цивилизованного общества [210, с. 6]. В связи с

этим, изучение вербальной агрессии, её причин и последствий становится необходимым предметом исследований.

В работах зарубежных авторов часто встречаются 2 основные формы агрессии: физическая и нефизическая. Социальные психологи определяют агрессию как поведение, направленное на то, чтобы нанести вред другому человеку, который не желает, чтобы ему был причинен вред [199]. Поскольку оно подразумевает восприятие намерения, то, что выглядит как агрессия с одной точки зрения, может не выглядеть так с другой, и одно и то же вредоносное поведение может считаться или не считаться агрессивным в зависимости от его намерения. Однако преднамеренный вред воспринимается как нечто худшее, чем непреднамеренный вред, даже если вред идентичен [195].

Тип или уровень намерения, лежащий в основе агрессивного поведения, создаёт различие между двумя фундаментальными типами агрессии, которые вызваны очень разными психологическими процессами. Так, например, для эмоциональной (импульсивной) агрессии типична ситуативная обусловленность – поведенческий акт инициируется всплеском эмоций. Инструментальная (когнитивная) агрессия, в свою очередь, предполагает наличие мотивационно-целевой структуры: агрессивные действия здесь функционально соотнесены с достижением конкретного эффекта. Инструментальная агрессия направлена на то, чтобы навредить кому-то, чтобы получить что-то, например, внимание, денежное вознаграждение, политическую власть и т. п.

Часто в работах зарубежных авторов вербальная агрессия концептуализируется как «психологическая» агрессия; агрессия, направленная на то, чтобы задеть чувства других и причинить психологическую боль (Г. Боденманн, К. Мёрфи, Ш. Гувер). Отдельным типом агрессии исследователи выделяют реляционную агрессию, под которой понимается разрушение социальных отношений с помощью манипуляции [203].

В рамках рассмотрения агрессии с точки зрения психолингвистики и психологии в целом невозможно не отметить бихевиористские концепции, в основе которых лежит известная модель поведения Б. Ф. Скиннера – «стимул-реакция».

Напомним, что в схеме стимул-реакция (S-R) ключевой была именно реакция, которая уже разделялась по принципу простоты-сложности. Б. Ф. Скиннер считал, что сами по себе стимулы не принуждают индивида реагировать на них. Исходная причина лежит в самом организме, а осуществление оперантного поведения заложено в его биологической природе [226, с. 44-45].

Одним из особенно значимых исследований в области агрессии можно считать работу А. Басса. В бихевиористской парадигме А. Басс и Л. Берковиц, работая автономно, выделили внешнюю стимуляцию в качестве ключевого детерминанта агрессивных действий. Классификация А. Басса базируется на дифференциации агрессивного поведения по трём дихотомическим параметрам: физическая / вербальная, активная / пассивная, прямая / косвенная. Именно эта концепция зачастую лежит в основе многих отечественных и иностранных исследований. Подробнее её составляющие мы рассмотрим в пункте 1.2.

Ещё одним интересным вектором для нашего исследования выступают труды Э. Фромма. Автор выделяет 2 основные точки зрения в отношении агрессии: инстинктивную (возводящую всё разрушительное в человеке к досознательному, докультурному, животному началу) и бихевиористскую, всецело выводящую деструктивность из социального окружения [1]. Огромную методологическую ценность имеет дифференциация Э. Фроммом исследуемого феномена агрессии на «доброкачественную» и «злокачественную», где первая частично исходит из инстинктов, а вторая же коренится в человеческом характере, в человеческих страстях, за которыми стоят побуждения отнюдь не природного, но экзистенциального свойства [там же].

Несмотря на то что в исследовании Э. Фромма речь идёт об анализе агрессии, мы предполагаем, что она может быть задействована и в рассмотрении механизма действия вербальной агрессии. Разумеется, при этом необходимо учитывать особенности реализации агрессии, то есть истязание / убийство характерно для физической агрессии, и в условиях вербальной эти действия рассматриваться не могут.

Итак, основные тезисы различий «доброкачественной» и «злокачественной»

агрессии можно представить в виде таблицы:

Таблица 1.1.

Различия «доброкачественной» и «злокачественной» агрессии по Э. Фромму

<i>Доброкачественная агрессия</i>	<i>Злокачественная агрессия (деструктивность)</i>
реакция на угрозу жизненным интересам индивида;	не является защитой от нападения или угрозы;
заложена в филогенезе;	не заложена в филогенезе;
свойственна животным и людям;	является специфической для человека;
носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу;	носит осознанный характер: главные проявления — убийство и жестокие истязания — не имеют никакой цели, кроме получения удовольствия;
её следствие — устранение либо самой угрозы, либо её причины.	наносит вред не только жертве, но и агрессору.

В обобщённой форме под доброкачественной агрессией понимается защитная реакция, псевдоагрессия (игровая агрессия, самоутверждение), а под злокачественной — агрессия ради агрессии или удовольствия. Как отмечает Э. Фромм, человек — «это единственное живое существо, способное уничтожить себе подобных без всякой для себя пользы и выгоды» [170, с. 286].

С точки зрения вербальной агрессии основные идеи доброкачественной и злокачественной агрессии сохраняются. Так, к примеру, словесная агрессия порождает словесную защитную реакцию, самоутверждение выражается посредством иронических высказываний, для злокачественной — намеренное нанесение психологического вреда жертве агрессии, психологическое насилие (например, газлайтинг), которое может иметь тяжелые последствия как для жертвы, так и агрессора. Для наглядности примера одной из крайностей психологического насилия и его последствий может быть доведение до самоубийства. Последствия для жертвы очевидны; что же касается агрессора, то в качестве последствий могут выступать чувство вины, остракизм, лишение свободы до 15 лет в зависимости от степени вины агрессора и обстоятельств преступления

(согласно ст. 110 УК РФ) [256].

Обобщая различные мнения исследователей, мы предлагаем выделить ряд основных идей. Как уже упоминалось в пункте 1.1.1, речевая агрессия имеет интенцию, иначе говоря намерение, например, защита или нападение, желание уйти от угрозы или же наоборот её создать. С точки зрения психологии, речевая агрессия имеет ещё один важный компонент – «эмоции», подразумевающие негативное эмоциональное состояние (гнев, страх, ненависть, презрение и т. п.). Речевая агрессия не всегда несёт деструктивность, в некоторых случаях она выступает механизмом необходимой эмоциональной разрядки, вынужденной обороной или даже инстинктивной реакцией на внешний стимул. Особенность речевой агрессии, исходя из поведенческих реакций, может быть неосознанной или, наоборот, исключительно целенаправленной.

Очевидно, эмоции и намерение высказывания имеют особое значение для речевой агрессии. В таком ключе именно психологические компоненты приводят в движение агрессивное поведение, это означает, что в речевой агрессии преобладает психологический аспект. Так, мы можем говорить, что начало речевой агрессии идёт непосредственно из особенностей психологического состояния, а речевые единицы выступают своего рода требуемой оболочкой, доступной возможностью для намерения «защититься» или «напасть». Поскольку немаловажным фактом в механизме агрессии выступают внешние стимулы, мы находим необходимым изучить аспект речевого агрессивного взаимодействия в социуме через призму социолингвистического аспекта.

1.1.3. Социолингвистический аспект изучения речевой агрессии

Ранее (в пункте 1.1.2) мы упоминали мнение М. А. Гамильтона о возможных последствиях речевой агрессии (подразумевается следующая идея: «чрезмерная вербальная агрессия может привести к разжиганию ненависти и представляет собой неминуемую опасность для цивилизованного общества» [210, с. 6]), в связи с чем мы считаем необходимым рассмотреть социолингвистическую

составляющую речевой агрессии.

Речевая агрессия в рамках социолингвистических исследований изучалась Р. М. Блакаром [17], В. И. Карасиком [80], Л. П. Крысиным [101], О. С. Коробковой [97], Ю. В. Щербининой [192] и др. Исследователи рассматривали социальные факторы, влияющие на процессы восприятия речевой агрессии, взаимодействие аксиологических ценностей и социального пространства, социальное поведение в социально-культурных условиях и др.

Особенности зарубежных исследований заключаются преимущественно в механизме дискриминаций посредством речевой агрессии или грубости (Marc Debono, H. Kadhimi и W. Mehdi и др.).

В труде Л. П. Крысина «Очерки по социолингвистике» автор отмечает, что внимание социолингвистов сосредоточено на том, как «пользуются языком люди, составляющие то или иное общество» [101, с. 12]. В том числе нередко социолингвистика изучает различные языковые ситуации и социальные роли, которые «занимают» люди при общении. Так, к примеру, М. Георгиева придерживается мнения, что «участники, социальная обстановка и тема или цель общения являются ключевыми факторами, определяющими выбор языка» [207, с. 12]. В свою очередь, Л. П. Крысин затрагивает не менее значимый фактор – позиции участников коммуникации: «в каждой ситуации человек может занимать разную позицию: быть собеседником «на равных» или чувствовать свое превосходство над партнером по коммуникации (либо, напротив, свою подчиненность ему)» [101, с. 6]. Разумеется, построение диалога в ролях ребенок-родитель, сверстник-сверстник, ученик-преподаватель, покупатель-продавец будет иметь разный характер как в выборе языковых средств, так и в выборе позиции. «Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких социальных ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как ребенок постепенно превращается во взрослого» [Там же, с. 12]. Такой процесс автор называет языковой социализацией, то есть языковым «вхождением» в данное общество.

На наш взгляд, формирование языковой социализации играет ключевую роль в реализации речевой агрессии. Отметим особенно значимое умозаключение, к

которому пришли Н. В. Девдариани и Е. В. Рубцова, изучая этот процесс: по своей сути проявление речевой агрессии в обществе циклично. Авторы предлагают проанализировать источники возникновения речевой агрессии. При взаимодействии родителя с ребёнком, первый может проявлять словесную агрессию по разным причинам, будь то непослушание ребёнка, плохие оценки по школьным предметам или же просто выброс накопившейся отрицательной энергии (например, из-за проблем личного характера, недопонимания в рабочем пространстве и т. д.). Поскольку ребёнок перенимает модель поведения родителей, для него речевая агрессия становится нормой. Далее подключается этап социализации в пределах школьного взаимодействия (с одноклассниками, учениками старших или младших классов, учителями) [51]. Здесь следует упомянуть исследование Ю. В. Щербининой «Речевая агрессия и пути ее преодоления» [192]. В научном труде автор отмечает, что речевая агрессия в общении учитель-ученик присутствует достаточно часто. И снова причиной выступает различие позиций: учитель действует с позиции превосходства возраста, знаний, статуса; ученик – в роли подчинённого. Автор указывает на то, что речевая (в работе – вербальная) агрессия «достаточно распространённое, если не типичное явление в современной педагогической речевой среде» [192, с. 101].

Н. В. Девдариани и Е. В. Рубцова отмечают, что у обучающихся старших классов проявление агрессии преимущественно сокращается, одними из причин этому служат поиски компромиссных вариантов общения с окружением, и «чем более высокие цели в плане образования ставит перед собой человек, тем ниже становится уровень речевой агрессии» [51, с. 46].

В высшем учебном заведении уровень агрессии также остаётся низким в основном по тем же причинам. Однако в рабочем коллективе он снова возрастает. Авторы убеждены, что человек всё же органичен в проявлении речевой агрессии в коллективе из-за социальных норм и редко готов идти на прямой конфликт с коллегами и руководителем. Поскольку агрессия требует «выхода», она зачастую переносится в семью, тем самым замыкая круг «семья – дошкольное учреждение – школа – вуз – работа – семья» [Там же].

Нередким выбором для проявления речевой агрессии для человека становится то место, где его не знают; проявляется в отношении тех людей, с которыми едва ли он снова встретится. Здесь подключается социальная психология. Со знакомыми не хочется портить отношения, предстать в плохом свете или быть тем самым «конфликтным коллегой». Отсюда речевая агрессия – частое явление в магазине, в общественных заведениях, в транспорте. Безусловно, особое место в этом списке можно отвести интернету.

Однозначным доказательством речевой агрессии в интернет-коммуникации является множество отечественных и зарубежных исследований последних лет. Особенно тех, которые ставят перед собой цель ослабить градус враждебности среди коммуникантов путём создания специальных программ распознавания агрессии (одна из таких работ Э. Кэинса и др. упоминалась нами в пункте 1.1.1). Интернет-коммуникация открывает существенные возможности для проявления речевой агрессии ввиду того, что позволяет пользователю не соблюдать ряд социальных норм, с которыми он вынужден считаться в реальном мире: широкий диапазон границ свободы слова, возможность сохранить анонимность (чаще частичную, но при сильном желании – абсолютную), нарушение литературных норм языка, этических норм в обществе, создание аудиовизуальных файлов оскорбительного характера и т. д. Так, интернет позволяет осуществить те действия, на которые в реальной жизни человек не всегда решился бы.

В пределах социолингвистики стоит рассмотреть и нарушение этических норм посредством речевой агрессии. В связи с тем что этические нормы поведения представляют важнейший элемент нормативной системы общества, способы их словесного нарушения могут представлять особый интерес для нашего исследования. Дело в том, что «этические нормы воплощают систему защиты нравственных ценностей в каждой культуре и регулируют формы их проявления в речи» [75, с. 156]. Здесь также стоит упомянуть работу А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной, в которой отмечается, что «этическая норма на поверхностном уровне (уровне внешнего проявления отношения к адресату) представлена правилами вербального (речевого) и невербального (поведенческого) этикета,

реализующими принцип, суть которого заключается в том, чтобы не нарушать достоинство партнера (партнеров) по общению» [154, с. 13].

Нарушение достоинства партнёра (партнёров) по общению является одним из существенных элементов речевой агрессии. Часто проблема нарушения этических норм лежит в коммуникативной компетенции говорящего, которая подразумевает использование «ситуативной грамматики», «которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют коммуникативную компетенцию носителя языка» [101, с. 52]. В определённой степени о коммуникативной компетенции говорит умение выстраивания аргументации в общении. А вот отсутствие этих навыков, по мнению Д. Инфанте, является одной из главных причин речевой агрессии [212, с. 5].

Нарушение достоинства партнёра по коммуникации может достигаться разными способами. В рамках речевой агрессии к этому можно отнести оскорбления, угрозы, табуированную лексику или подвиды социолектики (жаргон, сленг, аргю). Разумеется, это далеко не весь перечень. Для более полного понимания отметим, что зачастую можно говорить о нарушении самой коммуникативной ситуации. Напомним, что коммуникативная ситуация имеет определённую структуру: «1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель общения; 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения» [101, с. 45]. Так, например, несоответствие тональности общения коммуникативной ситуации уже является нарушением и приводит к коммуникативным неудачам. По мнению Н. Kadhim и W. Mehdi, «именно отсутствие у людей навыков устной речи приводит к тому, что они не могут справиться с некоторыми трудностями, которые приводят их к социальным

конфликтам» [214, с. 226].

Ещё одной важной категорией этических норм является вежливость. Вежливость обычно связывают с культурой речи и этикетными вербальными и невербальными нормами. Категория вежливости в коммуникации представляет собой сложную «систему ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно принятых норм при интеракциональной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта)» [86, с. 87]. Нарушение и несоблюдение вежливых коммуникативных стратегий приводит к конфликтным ситуациям, недопониманию и будет считаться коммуникативным провалом или неудачей. В таком ключе речевую агрессию и вежливость нередко сравнивают с коммуникативными полюсами социального поведения. Проанализировать теорию вежливости и успешность / неуспешность коммуникации в более развернутой форме предлагается в параграфе 1.3. «Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме».

Говоря об этических нормах общества, нельзя не затронуть и нравственно-духовный аспект. Т. Н. Бояк отмечает, что «духовно-нравственные ценности занимают в структуре ценностей одно из важных мест» [20, с. 42], что вполне оправдано, поскольку нравственные ценности определяют общий культурный уровень жизни общества. Исследователь уверен, что «духовная сила человека и общества определяются, главным образом, их способностью сохранять нравственные ценности в любых социальных условиях, при любых, даже тяжелых испытаниях» [Там же]. Одним из компонентов духовно-нравственных ценностей выступает вера. Ю. В. Щербинина в работе «Речевая агрессия в оценке православия» [189] задаётся вопросом представления речевой агрессии через призму христианского мировоззрения. Автор замечает, что «словесная агрессия рассматривается как проявление греховного начала в человеческой природе, препятствующее получению милости Божией» [Там же, с. 126]. В труде Ю. В. Щербининой приводятся выдержки из Священного Писания,

подтверждающие умозаключения автора. Отмечается, что оскорбление любого рода (ругань, хула, осуждение, клевета), к примеру, «возникают в жизни человека для испытания прочности его веры и очищения души от других грехов» [Там же, с. 129].

Заслуживающим внимания здесь становится исследование «Религия и общество: мониторинг», опубликованное Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 27 июля 2023 года. Согласно представленным данным, 57% россиян называют себя православными; неверующими – 19%; 40% говорят, что религия играет важную роль в их жизни (1993 г. – 28%); 66% с разной периодичностью посещают церковь (мечеть, синагогу) (2012 г. – 71%) [265].

Интересной в этом плане может быть работа Н. А. Пробста «Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе» [140], в которой приводятся примеры речевой агрессии со стороны верующих людей (*«На статью 282 Уголовного Кодекса РФ – вы тут уже наговорили, фейковый “отец 5 детей”», «Вы шестерка уголовницы Пеуновой. Так что врете хотя бы правдоподобней»* [140, с. 223]). Получается, даже те коммуниканты, которые относят себя к группе «верующих» и наверняка знакомы с религиозной литературой своего вероисповедания, по каким-либо причинам также употребляют средства речевой агрессии в коммуникации. Отметим слова Н. А. Дьячковой: «Не удерживая свой злой язык, говорящий или пишущий соблазняет миллионы людей. Но тем самым он вредит и себе. Совершая грехи осуждения, злословия и пустословия, человек губит свою душу» [67].

Социолингвистический аспект – один из ключевых составляющих речевой агрессии. Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что важная роль в механизме речевой агрессии отводится следующим факторам: позиции коммуникантов по отношению к друг другу, коммуникативной ситуации, нарушению морально-нравственных принципов в социуме. Немаловажен и тот факт, что социолингвистика помогает проследить корни появления речевой агрессии в жизни человека. Однако мы склонны согласиться с исследователями (Т. А. Воронцовой, Ю. Б. Можгинским, Е. И. Шейгал, Ю. В. Щербининой и др.),

которые считают, что в современном коммуникативном пространстве явление речевой агрессии становится всё более распространённым. Вероятно, одна из проблем заключается в том, что человек не всегда осознаёт её опасность и нередко далеко идущие последствия. Выше мы неслучайно выбрали пример с упоминанием Уголовного Кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, юрислингвистический аспект имеет особое значение, поскольку может проявить возможные последствия применения речевой агрессии для индивида через призму действующего законодательства.

1.1.4. Юрислингвистический аспект исследования речевой агрессии

В юридических исследованиях последних лет отмечается, что значительное количество правонарушений и преступлений тесно связаны с речевой деятельностью. Так, Г. Р. Шагиева называет целый ряд речевых взаимодействий, которые могут прямо или косвенно относиться к проступкам и преступной деятельности. Среди них есть и те, что непосредственно касаются настоящего исследования, а именно: запугивание, принуждение, доведение до суицида, психологическое давление, психологические манипуляции, обман, издевательства, дискредитирующая информация, размещение клеветнической информации в средствах массовой информации или манипулирование информацией при публичных выступлениях, подстрекательство и др. [174, с. 124]. В связи с этим в условиях современной правовой реальности, где вербальные выражения приобретают статус юридически значимых фактов, а их семантические особенности непосредственно детерминируют правовые последствия, появилась необходимость в образовании такой научной дисциплины, как юридическая лингвистика, или юрислингвистика.

Юрислингвистика представляет собой междисциплинарную область научного знания, предметом которой является исследование функциональных аспектов языка в правовом поле, а также анализ воздействия юридических норм на использование языка [40]. Для точного понимания значимости

юрислингвистического аспекта в толковании речевой агрессии мы считаем необходимым кратко рассмотреть это научное направление.

Отечественные исследователи отмечают, что для научной мысли XIX–XX столетий характерна тенденция к синтезу и междисциплинарному взаимодействию смежных областей знания. Именно таким интеграционным продуктом, возникшим на стыке лингвистики и юриспруденции, стала юрислингвистика, основоположником которой в российской науке является Н. Д. Голев. Термин «юрислингвистика» был введён в 1999 г. коллективом учёных Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета, созданной по инициативе учёного. В 2021 году Н. Д. Голев выпустил учебное пособие «Юрислингвистика. Вводный очерк теории», в котором излагаются основные понятия отрасли научного знания и практической деятельности.

В зарубежных исследованиях развивался термин «forensic linguistics» (судебная лингвистика), появление которого связывают с именем шведского лингвиста Яна Свартвика. Как упоминается в книге Джона Олссона «Слово как улика. Всё, что вы скажете, будет использовано против вас» [131], исследователь впервые употребил этот термин в 1968 году [131, с. 8]. Активное развитие направление «forensic linguistics» получило в 2003 году при появлении двух исследовательских трудов – «Forensic Linguistics: An Introduction to Forensic Linguistics» Джона Гиббонса и «Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System» Джона Олссона. Дж. Гиббонс сосредоточил своё внимание на теоретическом осмыслении языка как социального явления в контексте права, Дж. Олссон – на применении лингвистики в правовой системе с примерами из юридической практики (анализ угроз, признаний, установление авторства). В западной научной мысли оба исследователя считаются «столпами» современной юрислингвистики.

В России и за рубежом в юрислингвистике выделяют следующие направления: «судебная лингвистическая экспертиза (методология лингвистической экспертизы по диффамационным делам, делам об экстремизме и разжигании межнациональной розни, лингвистическая экспертиза текста закона на коррупциогенность»

(Н. Д. Голев, Л. Голетиани, С. П. Хижняк), «лингвокриминалистика (идентификация личности по языковым признакам, идентификация документов)» (Н. Д. Голев, Л. Голетиани), «юридический дискурс» (Л. Голетиани, С. П. Хижняк), «экология языка (речевое хулиганство: брань, нецензурные выражения)» (Н. Д. Голев), «юридические тезаурусы (терминология)» (Л. Голетиани), «защита чести и достоинства (клевета, распространение порочащих сведений, оскорбление)» (Н. Д. Голев) и др. [39, с. 90–91].

Н. Д. Голев отмечал, что «любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания, недопонимания, "не так понимания", двусмысленного понимания» [40], что при возникновении определённых условий может привести к судебным или экспертным разбирательствам.

Так, можно говорить о том, что одним из ключевых векторов исследований в юрислингвистике выступает проблема речевой агрессии, которая анализируется в контексте правовых отношений: юрислингвистика разрабатывает критерии для идентификации и квалификации вербальных действий, носящих оскорбительный, клеветнический или экстремистский характер, с целью их дальнейшей юридической оценки. Таким образом, к основным задачам юрислингвистики, которые могли бы быть применимы к проблеме изучения речевой агрессии, можно отнести квалификацию агрессивных высказываний с точки зрения закона, доказательство речевых правонарушений и лингвистическую экспертизу конфликтных текстов.

Сегодня российская юрислингвистика особенно сосредоточена на вопросах лингвистической экспертизы. Е. И. Галяшина трактует судебную лингвистическую экспертизу как эффективный вид процессуальной деятельности, направленный на исследование содержательно-смысловой и формально-языковой стороны речевой информации, которая зафиксирована на любом материальном носителе и выступает доказательством по делу. Результатом этой деятельности является письменное экспертное заключение, составленное квалифицированным лингвистом или их комиссией, отвечающее на поставленные судом вопросы,

разрешение которых требует применения специальных познаний в области языкознания [34, с. 31–32].

Л. В. Моисеенко отмечает разнообразие дел, для рассмотрения которых может потребоваться обращение к этому виду экспертной деятельности, среди которых: «а) защита чести и достоинства граждан (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений и т. д.); <...> в) разжигание межнациональной и религиозной розни; г) квалификация речевых действий как манипулирования сознанием (реклама, политическая агитация)» и др [129, с. 103–104]. Так, например, в 2016 году Верховный Суд РФ опубликовал «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» [279] за период с 2010 по 2015 г. Согласно приведённым в обзоре данным судебной статистики, ежегодно в судах общей юрисдикции рассматривается в среднем 5000 дел указанной категории, в арбитражных судах – порядка 800.

Г. Р. Шагиева также отмечает появление нового вида экспертной оценки продуктов речевой деятельности – семантической экспертизы, которая проводится «в целях разъяснения и точного определения смысла речевой деятельности, определения эмоциональной оценки в том или ином высказывании, для определения негативной информации, анализа семантического ядра и определения всех возможных лексических значений, определения соответствия и адекватности в передаче в тексте высказывания человека», а также в рамках расследований дел экстремистского и террористического характера, клеветы, оскорблений, угроз, делам по защите чести и достоинства и т. д. [174, с. 127]. Ниже предлагается рассмотреть применение лингвистической экспертизы по некоторым подобным делам.

Клевета

В российском законодательстве под клеветой в уголовно-правовом смысле понимается «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» (ст. 128.1 УК РФ) [271]. В отечественных исследованиях регулярно поднимается вопрос о

толковании «порочащий» в контексте определения клеветы. Обращаясь к словарю русского языка А. П. Евгеньевой, мы находим следующее определение: клевета – это «ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение таких слухов» [237, с. 56]. Однако и к словарной статье сохраняется вопрос о точности значения «позорящий». С. П. Кушнерук в отношении этой проблемы предлагает описательную модель: «распространенные о субъекте данные отражают фактические сведения о действиях или результатах действий, связанных с конкретным субъектом; действия или их результаты имеют явно предосудительный характер, чернят лицо, представляемое посланием» [111, с.26]. Тем не менее автор поясняет, что эта формулировка несомненно вызовет споры о содержании единиц «чернить» и «предосудительный».

Рассматривая случаи обращения к лингвистической экспертизе по делам о клевете, С. П. Кушнерук отмечает, что обращения к лингвистам-экспертам часто лежат в юридической области, а не лингвистической [Там же].

В зарубежных трудах клевету (*libel*) на ряду с оговором (*slander*) принято относить к общему термину – «диффамация». Р. Шуи в книге «Язык дел о диффамации» [224] кратко характеризует понимание порочащих сведений о лице (лицах) в законодательных системах разных стран. Так, например, в американском и британском законодательстве под клеветой понимается письменная диффамация (в том числе и в СМИ), а устное распространение ложных, вредоносных или дискредитирующих сведений называют оговором (*slander*) (*опуз. «In American and British law “libel” refers to written defamation whether in newspapers, magazines, books, electronic messages, distributed memos or letters, while slander refers to spoken defamatory expressions, as in speeches, sermons, or other public oral presentations»* [224, с. 11–12]), в Шотландии все три термина считаются синонимами. В Германии злонамеренные сплетни и оскорбления также относят к диффамации [215, с. 116–117].

Р. Шуи настаивает, что в делах о распространении ложных, вредоносных или дискредитирующих сведений лингвистическая экспертиза обладает потенциалом для решения адвокатских споров (*опуз. «Defamation cases are built on language for*

which linguistic analysis has the potential to help lawyers resolve their disputes» [224, с. 29]). Одной из ярких иллюстраций необходимости лингвистической экспертизы, который описал автор, является случай «Учитель 6-ого класса преследует местную прессу». Это дело является хрестоматийным примером того, как буквальная точность фактов может конфликтовать с общим ложным и порочащим впечатлением, которое создаёт текст в целом. Итак, суть конфликта: учитель подала в суд на местную газету за клевету, утверждая, что статья, хотя и содержала технически верные факты, создала о ней совершенно ложное и наносящее ущерб её репутации впечатление. Статья освещала случай, произошедший в классе: один ученик ударил другого ручкой по лицу, в результате чего пострадавший ученик получил небольшую царапину. Проведённый автором лингвистический анализ подтвердил использование журналистами определённых техник, которые и вызывали негативное ложное впечатление о случившемся у читателей. К таким техникам исследователь относит: использование слов с сильной негативной коннотацией («драка» ("fight"), «травма» ("injury"), «удар по лицу» ("struck in the face")); намеренное употребление множественного числа участников конфликта и «возмущённых» родителей (в действительности речь шла о двух учащихся и одной матери); создание ложной имплицитной возлагалась на учителя вина за то, что она допустила насилие и не справилась с дисциплиной в классе; замалчивание контекста: в газете не упоминалось, что этот случай был единственным и занял мгновение, и учитель отреагировала сразу. Проведённую лингвистическую экспертизу приравнивали к доказательству; судом было установлено, что статья в целом создала порочащее и ложное впечатление о профессиональных качествах учителя, даже несмотря на формальную точность отдельных фактов. В результате этот случай стал важным прецедентом для судебной системы [224, с. 45–54].

Оскорбление

В зарубежной литературе приводится интересный факт о статуте штата

Вирджинии, запрещающему «все слова, которые по своей обычной конструкции и общепринятому смыслу считаются оскорблениями и ведут к насилию и нарушению общественного порядка». Отмечается, что этот закон был схож с Законом этого штата о борьбе с дуэлями, принятым в 1810 (*опуз. «The Virginia statute was similar to that state's Anti-Dueling Act, passed in 1810, prohibiting "all words which from their usual construction and common acceptation are considered as insults and lead to violence and breach of the peace"»*) [221, с. 2].

Как отмечает К. И. Бринев, понятие «оскорбление» находится «на стыке языка и права», в связи с чем появляется необходимость разграничивать высказывания, определяемые как оскорбление с точки зрения и лингвистики, и юриспруденции [21, с. 24].

В российских юридических документах под оскорблением понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (ст. 5.61) [270]. Отметим, что некоторые коммуникативные ситуации, содержащие оскорбление, могут рассматриваться и Уголовным кодексом РФ (ст. 319 «Оскорбление представителя власти», ст. 297 «Неуважение к суду»).

Если в правовом аспекте оскорбление должно точно соответствовать заявленному определению (где нередко возникает вопрос «неприличной формы»), то в обычном понимании, как отмечает Г. В. Кусов, концепт оскорбления оценивается на основе бытовых этических представлений о моральных и нравственных категориях справедливости и целесообразности [110, с. 17-18].

Несмотря на многочисленные разработки в области судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, исследователи приходят к выводу, что единой методики пока не существует. Подобная ситуация объясняется отсутствием координации между изысканиями, которые осуществляются различными научно-исследовательскими группами на базе экспертных (как государственных, так и негосударственных) и академических институтов.

М. В. Кочеткова и И. В. Головинская, анализируя ряд дел об оскорблении, также приходят к похожему выводу. Так, например, по делу, описанному в работе

как «из постановления о возбуждении дела об административном правонарушении В. следует, что В. вместе с П. вышли из магазина и встретили С., которая на почве неприязненных отношений стала оскорблять В., называя её “ш*лавой, проституткой, шкурой”, тем самым унизив её человеческое достоинство в неприличной форме» [100, с. 370] была проведена лингвистическая экспертиза, в результате которой было установлено, что в представленных единицах содержится негативная оценка личности потерпевшей; употреблённые выражения носят непристойный характер и в конкретном коммуникативном контексте приобретают унижительный смысл, то есть выступают по отношению к С. оскорблением.

В другом же деле, рассматриваемом авторами, выражения «У вас с головой не в порядке» и «Вы живёте за счет...» при проведении лингвистической экспертизы не содержат «помет, указывающих на выражение отрицательной оценки или дисфункциональную, неприличную форму употребления» [Там же, с. 371].

При проведении лингвистической экспертизы основным источником для выводов эксперта является словарь как наиболее надёжный [74, с. 100] и легитимный [41, с. 152] источник. Общего списка, как отмечают исследователи, на сегодняшний день не существует, но можно выделить те, к которым обращаются специалисты. К словарям *общей направленности* относят: «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова; «Толковый словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой и др. *Для выявления степени интенсивности оценочности*: «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой; «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна. *Стилистические словари*: «Стилистический словарь русского языка» под ред. М. Н. Кожинной; «Словарь оценочной лексики» Т. Н. Рогожниковой. *Специальные работы*: «Большой словарь русской разговорной речи» под ред. В. В. Химика; «Словарь русского просторечия» В. Д. Девкина; «Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка» Н. Д. Голева; «Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.)» В. С. Елистратова; «Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых

выражений» В. Буя; «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной и т. д.

Таким образом, лингвисты-эксперты в отношении установления факта оскорбления в обязательном порядке должны руководствоваться словарями и доказать «неприличную форму» выражения, иначе юридический факт оскорбления не может быть подтверждён. Помимо неприличной формы обязательным пунктом в высказывании выступает точное определение объекта: если высказывание не содержит прямого указания на адресата (н-р, личного местоимения 2 лица), то доказательство оскорбления сильно осложняется.

Угроза

В законодательстве разных стран «угрозу» квалифицируют по-разному. Различают угрозы частным лицам (уголовное право), общественному порядку (административное право) и национальной безопасности (специальное законодательство), устанавливая за них разную степень ответственности. Однако можно выделить и общие элементы: наличие коммуникации (речевого действия), реальности осуществления и конкретного характера вреда. Рассмотрим некоторые примеры.

Статья 180 «Угроза», расположенная в Разделе 4 УК Швейцарии («Преступления и проступки против свободы»), криминализирует действия, повлекшие за собой состояние страха или боязни у другого лица. При этом диспозиция нормы не содержит перечня возможных способов угрозы. Это даёт основания полагать, что основной акцент в данной статье сделан на самом факте причинения указанного психологического вреда (состоянии страха и боязни), а не на методе воздействия [275, с. 204].

Уголовный кодекс Австралии, включающий значительный массив дефинитивных положений, также устанавливает общие основания для квалификации угрозы в одноимённой статье 138.2. В силу предписаний данной статьи, перечень угроз охватывает:

- угрозу (выраженную вовне или подразумеваемую) осуществить поведение, которое является вредоносным или неприятным для другого лица;

- угрозу совершения вредоносного или неприятного поведения, которое подразумевается на основе статуса, должностного титула или положения автора угрозы [273, с. 227-228].

Статья 112 УК Республики Узбекистан предусматривает ответственность за угрозу убийством или применением насилия при наличии достаточных оснований опасаться осуществления такой угрозы. Эта статья также содержит ряд квалифицированных видов преступления: часть 2 – совершение того же деяния особо опасным рецидивистом (п. «а»), членом организованной группы или в её интересах (п. «б»); часть 3 – в отношении лица или его близких в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга [274, с. 147, 301].

В Уголовном кодексе Российской Федерации основной статьёй по угрозам (угроза убийством / причинением тяжкого вреда здоровью) является ст. 119 УК РФ. Отмечается, что под квалификацию угрозы подпадают намерения, высказанные лично или через третьих лиц, одному человеку или нескольким, разовые и многократные, словесные, жестами, действиями – при физическом контакте, а также переданные по телефону, в соцсетях, мессенджерах, письмом. Однако ключевым пунктом является гипотеза, предусмотренная статьёй 119: «если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы» [271].

«Угроза» в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой имеет следующие определения: «1. Обещание причинить какое-либо зло, неприятность; 2. Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события; тот, кто (или то, что) может причинить зло, неприятность» [237, с. 462]. К наиболее опасным видам угроз относят: убийство, нанесение тяжких телесных повреждений или уничтожение имущества – и образуют специальные составы преступления и караются в уголовном порядке [233].

Согласно статистическим данным Судебного департамента, в судебном порядке рассматриваются тысячи дел, связанных с угрозами. В таблице 1. представлены данные за 2020–2024 гг. только по статье 119 УК РФ [282].

Статистические данные Судебного департамента по ст.119 УК РФ

Статья УК РФ	Количество осуждённых	Год
Ст. 119 ч.1	10 633	2024
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.	12 375	2023
	15 287	2022
	16 309	2021
	16 732	2020
Ст. 119 ч.2	46	2024
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга.	35	2023
	30	2022
	28	2021
	14	2020

Данные табл. 1.2. демонстрируют снижение количества осуждённых по статье 119 часть 1, однако по части 2 мы наблюдаем обратную тенденцию. Разумеется, сравнение тысяч и единиц в контексте 2 частей статьи УК может показаться не совсем уместным, однако увеличение количества осуждённых по части 2 приблизительно в 3 раза за обозначенный период требует повышенного внимания к проблеме угроз по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Т. В. Каримова, изучая вопрос вербальной угрозы, настаивает на том, что ядро угрозы – интенция говорящего внушить страх, продемонстрировать власть и оказать давление на адресата, и без установления этой злой воли квалификация невозможна. Автор отмечает, что угрозу можно распознать по ряду признаков: использовании лексических средств определённого семантического поля (часто глаголов в форме первого лица будущего времени с обобщённым значением нежелательного для адресата действия) и относительно устойчивых

грамматических средств (конструкций «если...то...», я-высказываний +глагол и т. п.). Т. В. Каримова настаивает, что корректный вывод о наличии угрозы можно сделать только при комплексном анализе: лингвистического содержания, контекста (предыстории, отношений сторон) и коммуникативного намерения говорящего [82, с. 22–28].

Т. С. Шахматова, исследуя речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы, также отмечает важность правильной интерпретации всего коммуникативного события, в том числе предшествующие и последующие события, а также отношения между участниками ситуации [180, с. 293]. Более того, автор указывает на сложность интерпретации косвенной угрозы, поскольку в этом случае ключевую роль играет не форма высказывания, а его подтекст и обстоятельства произнесения.

К правонарушениям и преступлениям, связанным с речевым взаимодействием, относятся и другие статьи российского законодательства, в частности публичные призывы к экстремизму, терроризму, развязыванию агрессивной войны (ст. 280, 205.2, 354 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) и др.

Таким образом, изучение юрислингвистического аспекта речевой агрессии, на наш взгляд, имеет особую важность. Этот аспект демонстрирует, что высказывания (особенно в публичном пространстве), которые оскорбляют, унижают личность и достоинство, вызывают опасения за жизнь и здоровье, разжигают ненависть (по религиозному, национальному и т. п. признакам), могут иметь юридические последствия (*административная ответственность*: штраф, административный арест; *уголовная*: штраф, обязательные работы, лишение свободы; *гражданско-правовая*: публикация опровержения, компенсация морального вреда).

Следует отметить, что в судебных разбирательствах достаточно непросто доказать речевые действия, которые предполагают юридическую ответственность. Однако, как показывает судебная практика, вполне возможно. Тем не менее стоит признать, что в правовом поле ключевым критерием является не столько речевой

акт как таковой, а его юридически релевантная интенция (иллокутивная сила) и те правовые последствия, которые он порождает (перлокутивная сила).

Существенным доказательством при рассмотрении дел, изложенных в этом пункте исследования, как уже отмечалось, является судебная лингвистическая экспертиза. Настоящая работа, направленная на изучение форм и средств речевой агрессии в СМИ, также может быть полезна при проведении такого типа экспертизы.

1.2. Основные подходы к классификации видов речевой агрессии

Проблема типологизации речевой агрессии находит отражение в трудах ряда исследователей, среди которых А. Басс, Л. М. Закоян, А. К. Михальская, К. Ф. Седов, Е. И. Шейгал, Ю. В. Щербинина и другие. В научной литературе представлен ряд типологизаций, сформированных на основе различных дифференцирующих признаков, таких как степень осознанности интенции субъекта, характер и интенсивность манифестации, направленность агрессивного высказывания, а также количественный состав коммуникантов.

В связи с тем что одной из задач исследования является изучение форм и средств выражения речевой агрессии, мы считаем необходимым определить границы этих понятий для дальнейшего распределения существующих типологизаций по этим категориям.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля форма определяется как «фигура, наружный вид, ураз, образ, очерк или статья» [236]. С. И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» предлагает несколько определений: «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением; внешнее очертание, наружный вид предмета; в языкознании: материальное выражение грамматического значения» [251]. В «Большой российской энциклопедии» выделяют следующее толкование: «в языкознании, 1) внешняя, наблюдаемая, связанная со слуховым (или зрительным) восприятием сторона языка. Употребляясь по отношению к языку

вообще, термин “форма” соответствует терминам “выражение” у Ф. де Соссюра или “план выражения” у Л. Ельмслева и обозначает область материальных средств, служащих для передачи языковых сообщений» [231]. Г. О. Винокур считает, что форма – это «то или иное устройство единства, отличающее его от других и выражающееся в том, как оно функционирует в речи». Так, под формой речевой агрессии в нашем исследовании мы предлагаем понимать внешнее, структурное выражение речевой агрессии, определяющее его видимые границы и способ существования содержания, то есть объединяющее средства речевой агрессии по какому-либо характерному признаку (или нескольким признакам).

Одной из базовых и сохраняющих свою авторитетность в научном сообществе является типология, разработанная психологом А. Бассом в 1960-е годы, которую мы предлагаем отнести к формам речевой агрессии. Согласно предложенной автором модели, всё многообразие агрессивных актов поддаётся систематизации с помощью трёх бинарных шкал: «физическая – вербальная», «активная – пассивная» и «прямая – непрямая (косвенная)» [цит. по 30]. Комбинация этих параметров формирует восемь потенциальных категорий, охватывающих большую часть агрессивных актов. Т. А. Воронцова отмечает те, что могут быть применимы в отношении речевой агрессии:

1) активная прямая агрессия – агрессия, ориентированная на достижение немедленного подчинения (потенциально может перейти в физическую). Предполагает вербальное оскорбление или унижение человека (группы лиц); часто проявляется через сарказм, открытую критику, табуированную лексику и попытки высмеять собеседника [30, с. 80];

2) активная непрямая агрессия – вербально выраженные агрессивные действия в отсутствии объекта агрессии (распространение недостоверной информации, клеветы, порочащих слухов относительно объекта) [Там же];

3) «пассивная прямая агрессия – отказ контактировать с оппонентом любым способом» [Там же];

4) «пассивная непрямая агрессия – отказ дать конкретные словесные объяснения или пояснения» [Там же].

Схожий механизм бинарных оппозиций, но в более глубоком и развёрнутом виде, предлагает К. Ф. Седов, применяя в исследовании синтез лингвистических и психологических подходов:

1. Вербальная / невербальная.

Согласно данной оппозиции, речевая агрессия может принимать вербальную или невербальную форму. Вербальная агрессия воплощается в конкретных речевых действиях (оскорбления, угрозы, насмешки, призывы); невербальная, по К. Ф. Седову, включает жесты и молчание (угрожающее, ироническое, протестующее и и т. п.) [150, с. 89].

2. Прямая / косвенная (непрямая).

Прямая форма речевой агрессии реализуется в речевом акте, содержащем маркеры открытой, очевидной враждебности. Согласно определению В. В. Дементьева, непрямая коммуникация – «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [52, с. 3]. Наиболее очевидно «проявляется в речевых жанрах (актах, субжанрах) колкости и насмешки, иллокутивная сила которых зависит от игры пресуппозициями» [150, с. 89].

3. Инструментальная / неинструментальная.

Инструментальная агрессия характеризуется не только враждебной интенцией в отношении объекта, но и наличием дополнительных прагматических целей (например, дискредитации оппонента ради личной выгоды). В противоположность ей, неинструментальная агрессия, как указывает исследователь, выполняет экспрессивную функцию (выражение негативных эмоций) – «это агрессия ради агрессии» [Там же, с. 90].

4. Инициативная / реактивная.

В этом случае речь идёт о «нападении» (инициативная) и «защите» (реактивная). Как отмечает К. Ф. Седов, «принцип, по которому строится сценарий реактивной агрессии, можно было бы сокращённо обозначить как “сам

дурак”» [Там же].

5. Активная / пассивная.

Автор, развивая типологию вслед за А. Бассом, отмечает, что данная диада может иметь сходства с ранее рассмотренной оппозицией «инициативная / реактивная», однако содержательно отличается. Так, реактивная агрессия трактуется как ответное агрессивное поведение, возникающее в качестве реакции на агрессивное воздействие. Пассивная агрессия, в свою очередь, проявляется в уклонении от коммуникации (например, в прекращении контакта или в демонстрации нежелания вступать в него). К пассивной агрессии исследователь относит также коммуникативный саботаж, реализуемый, в частности, посредством тактики ответа вопросом на вопрос, а «молчание» определяет как крайнюю форму [Там же, с. 91].

6. Непосредственная / опосредованная.

Данная оппозиция строится на временном параметре коммуникативного контакта. Непосредственная речевая агрессия проявляется в ситуации взаимодействия, когда коммуниканты объединены общим пространством и временем в рамках одного речевого акта; опосредованная – когда речевое воздействие и его восприятие происходят в разные временные отрезки. [Там же, с. 91–92].

7. Спонтанная / подготовленная.

Ключевым критерием разграничения служит специфика порождения высказывания: спонтанная – вербально проявляется практически одновременно с соответствующим намерением (агрессии), подготовленная – носит характер «спланированной акции» [Там же].

8. Эмоциональная / рациональная.

Эмоциональная агрессия, как правило, реализуется в спонтанном речевом акте. Согласно пояснениям К. Ф. Седова, к ней относятся агрессивные речевые действия, совершаемые в состоянии аффекта. В противоположность ей рациональная агрессия представляет собой заранее спланированное речевое высказывание, реализуемое посредством не прямых форм воздействия (например,

колкости, шутки и т. п.) [Там же, с. 93].

9. Сильная / слабая.

Речевой акт, обладающий признаками сильной агрессии, продуцирует устойчивые негативные изменения в эмоциональном состоянии коммуниканта (например, провоцируя ощущение унижения, страха и т. п.). Вместе с тем, по мнению К. Ф. Седова, корреляция между интенсивностью речевого воздействия и использованием грубого речевого акта является нелинейной, то есть подобное изменение в состоянии может вызвать и ядовитая шутка или колкость [Там же, с. 94].

10. Враждебная / невраждебная.

Ядро исследуемого речевого феномена, по К. Ф. Седову, образует враждебная агрессия. Невраждебная агрессия характеризуется сугубо внешними, формальными признаками агрессивности. Несмотря на наличие соответствующих маркеров, ключевая интенция подобного речевого акта лишена стремления причинить ущерб коммуниканту и функционирует преимущественно в рамках неофициального дружеского общения [Там же, с. 94–95].

По мнению Е. И. Шейгал речевая (вербальная) агрессия имеет три типа: эксплицитная речевая агрессия (прямая, резкая), манипулятивная (рационализированный подход к выбору средств (инвективные ярлыки, средства диффамации)) и имплицитная (завуалированное выражение иллюкутивного намерения, например, через иронию) [182, с. 221].

А. К. Михальская предлагает классификацию речевой агрессии, в которой ключевым параметром является численность коммуникантов – массовая и социально-замкнутая. Массовая речевая агрессия реализуется в ситуации, когда значительные по численности группы людей под руководством лидера объединяются для осуществления агрессивного речевого воздействия в отношении общего «врага». Социально-замкнутая, в свою очередь, реализуется в малых группах и характеризуется ограниченным числом коммуникантов [128, с. 149]. По отношению к объекту автор считает возможным говорить о «переходной» и «непереходной» речевой агрессии. Для различения этих видов А. К. Михальская

выделяет такие параметры, как «наличие / отсутствие определённого объекта агрессии; представленность / непредставленность объекта агрессии в фактической речевой ситуации; конкретность / абстрактность объекта» [Там же, с. 66]. Так, о переходной агрессии можно говорить в том случае, «если объект четко определён, тогда как при непереходной брани агрессия направлена “вокруг”, на всё окружающее, как бы “рассеяна”» [Там же, с. 67].

Часть уже рассмотренных типологизаций находят отражение в работе Ю. В. Щербининой. Исследователь предлагает различать речевую агрессию по следующим критериям в виде оппозиций: по интенсивности (слабая / сильная), по характеру, способу выраженности (явная / скрытая) и по отношению к объекту (переходная / непереходная) [190, с. 109].

Подводя итог описанному выше, мы предлагаем взять за основу разработку К. Ф. Седова, дополнив оппозициями «переходная / непереходная» и «массовая / социально-замкнутая» (по А. К. Михальской); использовать предложенные 12 диад как формы речевой агрессии. Поскольку упомянутые оппозиции предполагают разные критерии разделения речевой агрессии, мы считаем возможным для определения характера выражения речевой агрессии в целом и в СМИ в частности, их комбинации, а доминирующую позицию займёт *прямая* (синонимичные вариации: открытая, явная, эксплицитная) и *непрямая* (синонимичные вариации: косвенная, скрытая, имплицитная). Следовательно, к формам речевой агрессии следует отнести следующие **12 диад**: «1) вербальная / невербальная; 2) прямая / косвенная (непрямая); 3) инструментальная / неинструментальная; 4) инициативная / реактивная; 5) активная / пассивная; 6) непосредственная / опосредованная; 7) спонтанная / подготовленная; 8) эмоциональная / рациональная; 9) сильная / слабая; 10) враждебная / невраждебная» [150]; 11) переходная / непереходная»; 12) «массовая / социально-замкнутая» [128].

Следует также отметить особые формы речевой агрессии, которые в большинстве своём находят применение в интернет-коммуникации: троллинг, фрейминг и кибербуллинг.

Изучению троллинга и фрейминга на сегодняшний день посвящено немало

социологических, психологических и лингвистических работ, связанных с проблемами интернет-коммуникации (Т. А. Воронцова, С. И. Агагюлова, Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко и др.). Несмотря на существующий терминологический плюрализм, в лингвистике можно обозначить ряд консолидирующих позиций относительно их природы:

а) «троллинг и флейминг рассматриваются как специфические явления, свойственные исключительно интернет-коммуникации» [30, с. 111];

б) «троллинг и флейминг представляют собой рядоположенные коммуникативные реалии» [Там же];

в) «троллинг и флейминг квалифицируются либо как речевые стратегии, либо как специфические жанры интернет-дискурса» [Там же].

О. В. Лутовинова объединяет оба феномена в понятие «флейм», интерпретируя его в качестве специфического, дискурсоприобретённого жанра виртуальной коммуникации: «Флейм, во-первых, представляет собой грубое провокационное сообщение, направленное на разжигание ссоры, а также сам процесс этой ссоры, заключающийся в отходе от темы дискуссии, переходе на личности спорящих и использовании упрёков и брани вместо аргументов, а, во-вторых, трактуется как пустой разговор, то есть разговор ради самого факта разговора, разговор с нулевой информативностью» [120, с. 21].

Сложившаяся в научной литературе традиция определяет троллинг как речевую провокацию, нацеленную на эскалацию конфликта (например, *«На носу зарубил, нет? Или опять не разобрался, чукча»* [Пр., с. 249]), в то время как флейминг трактуется как «спор ради спора» в условиях виртуального полилога (*«Вам с дивана виднее про успехи! А то что у всу за эти 2 года перемолота почти вся техники и особо упоротое бандерё то-же почти без успеха?»* [Пр., с. 252]). В таком ключе ни один из этих феноменов не представляет собой принципиально нового коммуникативного формата, уникального для цифровой среды. Как речевая провокация, так и полемика давно стали предметом пристального изучения в лингвистике в контексте анализа деструктивных стратегий в рамках реальной (офлайн) коммуникации.

Т. А. Воронцова считает, что «если троллинг – это агрессивное речевое действие, то флейминг – это агрессивное речевое взаимодействие» [31, с. 113]. Автор называет троллинг причиной, а фрейминг – следствием, определяя их формами выражения «речевой агрессии, обусловленными спецификой интернет-коммуникации» [Там же, с. 115].

Понятие травли в сети Интернет (кибербуллинга) ввёл норвежский психолог Дан Ольвеус в 1993 году, определив это явление как систематическое преследование, создающее неравенство власти и силы [219]. Автор выделил следующие критерии отнесения высказываний к кибербуллингу: «моральное и психологическое насилие; доминирование одного участника над другим; принуждение жертвы кибербуллинга к совершению каких-либо действий его инициатором; социальная изоляция и запугивание жертвы кибербуллинга его инициатором» [121, с. 227].

Исследователи выделяют ряд разновидностей кибербуллинга. «Прямой кибербуллинг – это целенаправленная компания, развёрнутая одноклассниками: травля ребёнка в пространстве современных технологий через письма или сообщения. Распространение как правдивой, так и ложной информации о человеке с целью дискриминации и унижения его достоинства и др. При косвенном – в процесс травли жертвы вовлекаются другие люди (как дети, так и взрослые), массированная атака сообщениями по мобильному телефону с угрозами» [19, с. 180–181].

Возвращаясь к задачам исследования, рассмотрим средства выражения речевой агрессии, прежде всего определив границы этого понятия.

В отношении содержания понятия «средство» источники предлагают однотипное определение: «приём, способ действия для достижения чего-н.» [259, 251]; «орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-н. деятельности» [233, 251, 259].

В таком случае оправданным видится вывод: форма определяет КАК выражена речевая агрессия (прямо / косвенно, открыто / пассивно, сильно / слабо, переходно / непереходно и т. д.), а средство – ЧЕМ выражено это явление.

В нашем исследовании предлагается определять средства выражения речевой агрессии через речевые единицы. Для изучения речевой агрессии в поликодовых медиатекстах также будут учитываться и паралингвистические единицы.

Речевые единицы могут быть представлены как морфемным, лексическим, синтаксическим уровнями языка, так и синтагмами, и целыми высказываниями.

Самыми объёмными по численности можно назвать лексико-семантические единицы, которые «могут быть разделены на две основные группы: имеющие самостоятельное инвективное / негативное значение и приобретающие подобное значение в контексте» [193, с. 12].

В первую группу могут входить инвективная и негативно-оценочная лексика (В. И. Жельвис, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская), обценная и стилистически сниженная лексика (Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская, Б. Я. Шарифуллин, Е. И. Шейгал), пейоративы (Е. И. Шейгал), сленг, вульгаризмы (Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская), дисфемизмы (П. П. Лобас), просторечные фразеологизмы (Г. Н. Кобякова), разговорные выражения, просторечия, этнофоллизмы (этнические этнонимы) (А. А. Робак, А. И. Грищенко, Н. А. Николина, О. С. Коробкова), глаголы с семантикой негативной оценки, жаргон (Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская), окказионализмы, направленные на оскорбление / унижение (Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская), модальные слова и частицы и т. п.

Ко второй группе предлагается отнести каламбурные новообразования (например, обыгрывание имени (Л. В. Соснина)), уничижительные сравнения и метафоры (А. П. Костяев, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская) и другие средства, приобретающие негативное значение в определённом контексте.

К морфоло-синтаксическим единицам мы относим показатели форм частей речи (например, форма будущего времени для глаголов деструктивной семантики (то есть значения разрушения, нарушения целостности или нормального функционирования чего-либо)), императив, «псевдоимператив» (В. Ю. Апресян); парцелляцию, риторические вопросы, восклицания с конфликтогенным компонентом, определённо-личные и неопределённо-личные предложения, личные местоимения 2-ого лица, безличные конструкции.

К паралингвистическим единицам относят «фонационные (темп, тембр, громкость речи, заполнители пауз, мелодика речи и т. д.), кинетические (мимика говорящего, жесты, позы) и графические (особенности почерка, графические дополнения к буквам, заменители букв» [157, с. 255], кавычки и полемические скобки, многоточие как текстовый маркер намёка (В. Ю. Апресян, Ю. В. Щербинина, Ю. В. Яковлева) и т. д.). В рамках изучения речевой агрессии в число таких средств могут войти повышение тона речи; гневная и пренебрежительная интонация; мимика, характерная для демонстрации раздражения, злости, гнева, отвращения; нападающая поза, жесты говорящего и др.

К речевым единицам, с помощью которых выражается речевая агрессия, мы также относим высказывания, содержащие набор определённых языковых знаков, которые реализуют конфликтогенный (содержащий конфликтоген, провоцирующий или усиливающий конфликт) речевой субжанр речевого жанра «ссора». А. П. Костяев, исследуя многообразие деструктивных проявлений, заявляет, что совокупность агрессивных речевых действий (в том числе и тех, что мы отнесли к конфликтогенным субжанрам речевого жанра «ссора») можно обозначить как агрессивную (эмотивную) дискурсивную практику. Под этим автор понимает «специфическую форму использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящее к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения» [99, с. 102].

Как отмечают исследователи, составить исчерпывающий список конфликтогенных тактик речевой агрессии не представляется возможным ввиду того, что «параметры ситуаций общения / дискурса / событий чрезвычайно многообразны» [52, с. 14]. Однако их объединяющим компонентом выступает связанность «с принятыми нормами успешного общения, знаниями участников общения о мире, проблемами адекватного истолкования слов, явлением интертекстуальности» [136, с. 113].

Так, агрессивная (эмотивная) дискурсивная практика характеризуется применением конфронтационных стратегий и тактик, целью которых является

деструктивное воздействие на адресата.

Другой дискурсивный подход к исследованию речевой агрессии рассматривает возможность изучения реализации этого явления через речевые жанры. Так, например, в рамках коммуникативно-лингвистического подхода ключевое значение приобретает типология речевых жанров, традиционно разделяемых на информативные и фатические. Детальную классификацию фатических жанров предлагает В. В. Дементьев, выделяя их по степени воздействия на межличностные отношения:

- «нейтральные (светская беседа, непринуждённый разговор);
- потенциально конфликтогенные (колкость, ирония, насмешка, сплетни);
- прямо деструктивные (обвинение, оскорбление, ссора, порицание);
- имплицитно улучшающие отношения (шутка, флирт);
- эксплицитно улучшающие отношения (признание, комплимент, исповедь, проповедь)» [52, с. 217–237].

В свою очередь, к информативным жанрам исследователь относит личностно-нейтральные (передача или запрос информации без оценочной составляющей); оценочно-субъективные (комментарий); личностно-релевантные, которые подразделяются на гармоничные и дисгармоничные (напрямую относятся к речевой агрессии, проявляясь в таких формах, как ультиматум, выговор или объявление войны).

Важно отметить, что в современных исследованиях рассмотренная типология дополняется оценочным жанром, к которому относятся упрёк и одобрение.

К. Ф. Седов выделяет 14 субжанров, «которые также могут быть «тактиками жанра «ссора»: инвектива, угроза, проклятье, обвинение, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, упрёк, возмущение, насмешка, колкость, констатация некомпетентности, демонстрация обиды, агрессивное молчание» [150, с. 96].

К вышеперечисленным субжанрам жанра «ссора» мы предагаем также добавить «непрощенный совет» и «сомнительный комплимент» (в интернет-коммуникации известен как «оскорблимент» – термин, образованный путём

контаминации).

К числу конфронтационных стратегий относят стратегию диффамации, подчинения и убеждения, захвата инициативы и контроля над ситуацией, а также стратегию вербальной дискриминации (отражает стремление говорящего продемонстрировать своё превосходство над оппонентом, подорвать авторитет собеседника или словесно унизить). Кроме того, к конфронтационным относят стратегии уклонения, ухода от ответа и игнорирования (направлены на саботирование взаимодействия с собеседником) и стратегию открытого негативного реагирования (А. В. Карякин, Г. В. Кусов, Н. Л. Шамне).

Реализация конфронтационных стратегий осуществляется разнообразными тактиками. К основным приёмам относят: упрёк, возмущение, обвинение, оскорбление, грубый отказ, грубый приказ, грубое требование, угрозу, порицание, претензию, критическое замечание, насмешку, издёвку. В числе дополнительных тактик рассматриваются: демонстрация обиды, дистанцирование, игнорирование, провокация, апелляция к негативным чувствам, создание эмоциональной напряжённости, тактика «анализ-минус», а также обличение и стигматизация (И. И. Волкова, Л. М. Закоян, Г. В. Кусов, Б. Я. Шарифуллин, Ю. В. Щербинина). В работах ряда исследователей тактики выражения речевой агрессии трактуются как система инвективных жанров (Д. С. Аскерко, А. С. Комалова).

Таким образом, в нашем исследовании предлагается использовать 12 диад для определения форм выражения речевой агрессии (с доминирующей оппозицией «прямая / непрямая») и речевые единицы в качестве средств выражения речевой агрессии. Напомним, что к речевым единицам мы относим языковые знаки лексического, морфологического, синтаксического уровней языка, паралингвистические единицы и высказывания, соответствующие по содержанию 16 конфликтогенным субжанрам речевого жанра «ссора».

1.3. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме

Как уже упоминалось ранее, проблема агрессии в человеческом общении является междисциплинарной, находящейся на стыке лингвистики, психологии, социологии и юриспруденции. Если в лингвистическом понимании речевая агрессия часто рассматривалась как явление, нарушающее нормы кооперативного общения (по Г. П. Грайсу), то в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы она представляется как системный компонент коммуникации, отражающий глубинные социальные противоречия, механизмы власти и идеологической борьбы.

Преобладающая часть научных трудов по изучению речевой агрессии относится к психологии и психолингвистике. Развивалось также и альтернативное направление, обозначаемое в научной литературе как «лингвоэтическое», объединяет социолингвистический, стилистический, лингвоэкологический и юрислингвистический подходы [30, с. 11]. Однако Т. А. Воронцова настаивает, что «речевая агрессия как коммуникативное явление не может рассматриваться без учёта функции высказывания в контексте конкретного дискурса, поскольку именно это определяет роль языковых и речевых средств в коммуникативном акте» [Там же, с. 83–84].

Коммуникативно-дискурсивный подход предполагает изучение языка не как абстрактной системы, а как социальной практики, погружённой в конкретный исторический, культурный и ситуативный контекст. В этой парадигме речевая агрессия перестаёт быть просто набором «грубых слов» и понимается как сложный коммуникативный акт, направленный на достижение определённых прагматических целей: доминирования, дискредитации, манипуляции или сплочения группы.

Остановимся на понятии «дискурс», поскольку в современной лингвистике данный термин трактуется неоднозначно. Полисемичность определения «дискурс» представлена в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста,

употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [249, с. 467].

В исследованиях вопроса трактовки понятия «дискурс» можно выделить несколько основных подходов: коммуникативный (функциональный) подход – дискурс как вербальное общение (диалог, речь, употребление и функционирование языка); структурно-синтаксический – дискурс как часть текста (два и более предложения, образующих смысловое единство); социально-прагматический – дискурс как текст, неразрывно связанный с коммуникативной ситуацией («текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [4, с. 136–137]).

Так, выделенные подходы позволяют заключить, что дискурс обладает тройственной природой: он охватывает прагматический аспект (типичные ситуации общения), когнитивный (процессы и механизмы сознания коммуникантов) и собственно текстовый.

Так, понятие «дискурс» предполагает его рассмотрение не только в аспекте текстовой структуры, но и в рамках условий его реализации. Ключевой для данного подхода является дефиниция, предложенная В. В. Петровым и Ю. Н. Карауловым, синтезирующая теоретические основания, заложенные в трудах Т. А. Ван Дейка, чей вклад в становление современной теории дискурса является фундаментальным: «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [25, с. 7], «в дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [24, с. 47]. Заметим, что именно это определение выступает концептуальной основой многочисленных лингвистических исследований текста современного периода.

Термин «дискурс» также рассматривался в работах немецкого философа Ю. Хабермаса. Автор считал, что под дискурсом стоит понимать особую,

идеализированную форму коммуникации, которая возникает, когда нарушается повседневное общение. В системе Ю. Хабермаса дискурс – это не просто «разговор» или «текст», а рациональная процедура проверки и обоснования значимых утверждений и норм, необходимая для функционирования демократического общества и легитимации власти через свободное публичное обсуждение. Так, в его работах дискурс – «вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни» [209, с. 571–606].

На наш взгляд, предпочтительной является интерпретация дискурса как единства двух компонентов: собственно языковой деятельности, погружённой в социальный контекст, и порождаемого ею текста. В связи с этим, в нашем исследовании мы придерживаемся следующего определения: «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [25, с. 7].

Поскольку коммуникативно-дискурсивный подход изучает единство процесса коммуникации и его продукта (дискурса), неразрывно связанных друг с другом, речевая агрессия рассматривается как целенаправленная стратегия агрессивного речевого поведения (Дж. Лич, Т. А. Ван Дейк, Т. А. Воронцова, О. С. Иссерс, Ю. В. Щербина и др.).

В рамках прагмалингвистического подхода ключевым теоретическим конструктом, позволяющим интерпретировать речевую агрессию как осознанную коммуникативную стратегию, выступает Принцип Вежливости (Politeness Principle), разработанный британским лингвистом Джоффри Личем.

Сам принцип вежливости, являясь дополнением к Кооперативному принципу Г. П. Грайса, постулирует, что участники коммуникации стремятся минимизировать выражения, неприятные для собеседника, и максимизировать выражения, благоприятные для него. Как отмечает сам Лич, «Вежливость, в её основном проявлении, представляет собой форму поведения, направленную на то, чтобы избежать конфликта» [218, с. 112]. Эта стратегия поддерживается рядом

максим (такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии), которые формируют рамки социально приемлемого взаимодействия. Если Грайс фокусировался на логических основаниях успешной коммуникации, то Лич сместил акцент на её социальные и межличностные предпосылки.

Однако именно системность и нормативность этого принципа позволяют рассматривать его намеренное нарушение не как коммуникативный сбой, а как целенаправленное действие. В таком ракурсе речевая агрессия представляет собой стратегию отклонения от максим вежливости, предпринимаемую коммуникантом для достижения специфических прагматических целей, которые оказываются недостижимыми или неэффективными в рамках «вежливого» дискурса. Исследователь О. С. Иссерс, развивая эту мысль, указывает, что «нарушение постулатов вежливости... является одним из механизмов реализации конфликтного сценария» [77, с. 78].

Таким образом, инвективное высказывание, вербальная конфронтация или намеренная коммуникативная провокация анализируются не просто как акты эмоционального срыва / разгрузки, а как рационально выбранные тактики, позволяющие:

- 1) продемонстрировать доминирование и установить асимметричные роли в коммуникации (целенаправленное нарушение максим великодушия и такта);
- 2) целенаправленно понизить социальный статус адресата через его дискредитацию или унижение (системное нарушение максим одобрения и симпатии);
- 3) создать конфликтный контекст, в котором агрессор получает тактическое преимущество, выводя оппонента из зоны комфортного взаимодействия;
- 4) актуализировать групповые границы, где агрессия по отношению к «чужим» служит маркером солидарности для «своих».

Ю. В. Щербинина подчёркивает, что речевую агрессию не следует рассматривать как симптом психического расстройства; исследователь определяет её как модель речевого поведения, специфическую стратегию и тактику общения [191, с. 45]. Этот взгляд напрямую коррелирует с теорией Лича: если вежливость –

это стратегия избегания конфликта, то агрессия – это стратегия его целенаправленного инициирования и эскалации.

Следовательно, теория Дж. Лича предоставляет прочный методологический фундамент для исследования речевой агрессии как инструментального компонента коммуникативного поведения, где нарушение этикетных норм становится осмысленной, прагматически нагруженной стратегией достижения коммуникативных целей в условиях социального противостояния.

Проблема речевой агрессии в свете коммуникативно-дискурсивной парадигмы наиболее целостно отражена в работе Т. А. Воронцовой «Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход» [30]. Автор перевела изучение речевой агрессии из узко лингвистической плоскости в междисциплинарную, связав её с прагматикой, теорией дискурса, психологией и социолингвистикой. В данном труде Т. А. Воронцова выделяет три коммуникативно-прагматических типа проявления речевой агрессии.

1. Вторжение в речевое пространство адресата. На уровне непосредственного речевого взаимодействия речевая агрессия проявляется в стремлении захватить коммуникативную инициативу.

2. Вторжение в аксиологическое пространство адресата. Проявляется через агрессивное навязывание негативного отношения к референту высказывания.

3. Вторжение в когнитивное пространство. Адресант стремится изменить представление адресата о предмете речи в негативную сторону и, как следствие, его место в картине мира адресата [30, с. 16–17].

Типы, описанные Т. А. Воронцовой, демонстрируют, что речевая агрессия систематически искажает сам механизм коммуникации: вместо обмена смыслами происходит внедрение чужих оценок и моделей. Подобное искажение коммуникативного акта неизбежно ведёт к его провалу, что позволяет рассматривать указанные типы речевой агрессии как универсальные модели возникновения коммуникативной неудачи, при которой намерения адресата не просто не достигаются, но и целенаправленно разрушаются.

Изучая модели коммуникативной удачи и неудачи, нам следует упомянуть,

прежде всего, работы Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрля, основоположников теории речевых актов. Исследователи ввели ключевое различие между локутивным (произнесение высказывания), иллокутивным (коммуникативное намерение, например, просьба, обещание, согласие) и перлокутивным (фактический эффект на адресата) актами. Термин «коммуникативная неудача», собственно, и появился в рамках развития теории речевых актов.

Б. Ю. Городецкий даёт следующее определение коммуникативной неудаче: «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» [42, с. 69].

Согласно позиции О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской, суть коммуникативных неудач заключается в том, что коммуникативное намерение говорящего либо не достигается вовсе, либо реализуется лишь частично. Учёные классифицируют такие неудачи на три группы в зависимости от их происхождения: вызванные структурными особенностями языка, обусловленные различиями между коммуникантами и возникающие из-за прагматических факторов [69].

Ценной представляется концепция Е. М. Мартыновой, разводящая такие категории, как «коммуникативный дискомфорт», «коммуникативная неудача» и «коммуникативный конфликт». Исследователь исходит из того, что коммуникация успешна лишь при совпадении намерений говорящего с полученным результатом; в противном случае констатируется коммуникативная неудача или дискомфорт. Под коммуникативным конфликтом понимается «явление диалогической ситуации, в которой коммуниканты сознательно идут на конфликт, т.е. столкновение мнений о приемлемости той или иной стратегической линии в развитии диалога» [125, с. 10]. Коммуникативная неудача определяется как положение вещей, при котором коммуниканты не могут реализовать свои намерения или коммуникативные ожидания.

Здесь мы считаем необходимым сделать пояснение к пункту 1.2. работы. Ряд исследователей (А. Вежбицкая, В. В. Дементьев, Т. В. Шмелева и др.) отождествляют речевые акты и речевые жанры. В основе речевых актов, как

известно, лежит глагол – цель, которую преследует говорящий. Речевые жанры представляются более широким явлением. Невозможно не согласиться с М. М. Бахтиным, который подчёркивал, что «мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. <...> Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан нам родной язык» [13, с. 448]. Содержательность жанра при погружении его в реальную речь может изменяться, в связи с чем О. С. Иссерс считает рациональным отнести слово «стратегия» к авторской инстанции, за комплексным речевым жанром оставить слово «тактика», а за его компонентами (первичными жанрами, по М. М. Бахтину) – термин «коммуникативные ходы» [76].

Особенно следует отметить разработку Т. В. Шмелёвой, которая развивала теорию речевых жанров М. М. Бахтина, – структурно-содержательную модель описания жанра, включающую 7 параметров: коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, фактор прошлого, фактор будущего, языковое воплощение, диктумное (событийное) содержание [186]. Данную модель мы предлагаем использовать для определения дополнительных субжанров выражения речевой агрессии, представленных в пункте 1.2.

Проведённый теоретический обзор позволяет заключить, что ключевым для современного понимания речевой агрессии стал коммуникативно-дискурсивный подход, в рамках которого речевая агрессия исследуется как целенаправленная коммуникативная стратегия. Эта стратегия, сознательно нарушая принципы кооперации и вежливости, используется для достижения конкретных прагматических целей: установления доминирования, дискредитации оппонента, манипуляции сознанием или сплочения группы. Такой взгляд находит своё полное отражение в типологии Т. А. Воронцовой, описывающей речевую агрессию как системное вторжение в речевое, аксиологическое и когнитивное пространство адресата. Заявленный характер речевой агрессии закономерно приводит к коммуникативным сбоям. Поскольку её целью является не взаимопонимание, а

нанесение коммуникативного ущерба и разрушение диалога, она выступает одной из наиболее деструктивных причин коммуникативных неудач.

Таким образом, речевая агрессия предстаёт как системный компонент конфликтного общения, целенаправленно искажающий его механизм и приводящий к коммуникативному провалу. Отметим, что в ключе коммуникативного подхода для понимания речевой агрессии необходимо анализировать не отдельные слова, а весь контекст общения, цели говорящих и правила, по которым строится коммуникация в той или иной социальной сфере.

Выводы к Главе 1

Проведённый комплексный анализ позволил систематизировать теоретические подходы к изучению речевой агрессии и сформулировать исходные позиции настоящего исследования.

1. Сформированы ключевые доминанты определения «речевая агрессия». Речевая агрессия понимается нами как сложное многоаспектное явление, возникающее на стыке лингвистики, психологии и социолингвистики. Его ядро составляет коммуникативная интенция негативного характера, которая реализуется через языковые средства и направлена на объект агрессии. При этом психологический аспект (эмоциональное состояние, установка) выступает движущей силой, а социолингвистический – определяет условия и формы её проявления в конкретном коммуникативном пространстве.

2. Определена практическая значимость. Рассмотрение юрислингвистического аспекта продемонстрировало, что речевая агрессия, особенно в публичной сфере, может повлечь юридически значимые последствия. Это подтверждает социальную востребованность исследований в данной области и потенциальную применимость их результатов в практике судебной лингвистической экспертизы.

Для наглядности выбранные нами доминанты представлены в виде схемы (рис. 1.1.).

Рис. 1.1. Ключевые доминанты понятия речевой агрессии

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем под *речевой агрессией* понимать *коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.*

3. Обоснована методологическая база. В качестве основной парадигмы избран коммуникативно-дискурсивный подход, в рамках которого речевая агрессия интерпретируется как целенаправленная стратегия, сознательно использующая нарушения принципов кооперации и вежливости для достижения прагматических целей (доминирование, дискредитация, манипуляция). Типология Т. А. Воронцовой, описывающая вторжение в речевое, аксиологическое и когнитивное пространство адресата, подтверждает статус речевой агрессии как системного деструктивного компонента общения, закономерно ведущего к коммуникативным неудачам.

4. Разграничены смежные категории. В работе уточнено соотношение терминов «форма» и «средство» выражения речевой агрессии:

– форма определяется через систему из 12 бинарных оппозиций, характеризующих способ организации агрессивного высказывания: «1) вербальная

/ невербальная; 2) прямая / косвенная (непрямая); 3) инструментальная / неинструментальная; 4) инициативная / реактивная; 5) активная / пассивная; 6) непосредственная / опосредованная; 7) спонтанная / подготовленная; 8) эмоциональная / рациональная; 9) сильная / слабая; 10) враждебная / невраждебная»[150]; «11) переходная / непереходная; 12) массовая / социально-замкнутая» [128].

– средства выражения речевой агрессии представляют собой речевые единицы, которые включают единицы лексического, морфологического, синтаксического уровней языка, паралингвистические единицы (тон, темп, интонация, мимика, жесты и др.), а также высказывания, которые можно отнести к конфликтогенным субжанрам речевого жанра «ссора».

К конфликтогенным субжанрам речевого жанра «ссора» относятся инвектива, угроза, проклятье, обвинение, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, упрёк, возмущение, насмешка, колкость, констатация некомпетентности, демонстрация обиды, молчание, непрошенный совет и сомнительный комплимент.

Таким образом, в первой главе разработан целостный теоретико-методологический фундамент исследования. Выявленная комплексная природа речевой агрессии, её стратегический характер и разработанный терминологический аппарат позволяют перейти к эмпирическому анализу конкретных форм и средств реализации речевой агрессии в материалах современных СМИ.

ГЛАВА 2. СМИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

2.1. Основные подходы к определению понятия «средства массовой информации»: границы объекта исследования

В научных изысканиях последних пятидесяти лет исследователи приходят к выводу, что современный этап развития цивилизации следует охарактеризовать как информационное общество. Так, например, И. Н. Курносов утверждает, что информационное общество характеризуется удалённой коммуникацией, дистанционной работой и досугом и, как следствие, формированием новых моделей отношений [107, с. 4–5]. В частности, одной из реалий, ключевым компонентом информационного общества, становится и медиапространство.

Вслед за Ю. А. Дашевским, под медиапространством мы понимаем «стихийно создаваемую и частично саморегулирующуюся наднациональную и надгосударственную систему социального, политического, культурного взаимодействия, функционирующую на принципах свободного создания и распространения информации при использовании цифровых технологий, но не исчерпываемую ими» [50, с. 13]. Автор подчёркивает, что современное состояние медиапространства следует рассматривать как интеграцию виртуального и физического мира на базе слияния традиционных и электронных СМИ [Там же, с. 13].

Понятие «средства массовой информации» (СМИ) является центральным для теории журналистики, коммуникативистики и права. Несмотря на свою распространённость, оно не имеет единственного универсального определения. В научной литературе и законодательной практике сформировалось несколько взаимодополняющих подходов, которые рассматривают разные аспекты этого сложного социального института.

В Российской Федерации регулирование отношений в сфере информации опирается на несколько ключевых правовых актов. Среди них – статьи

Конституции РФ (в частности, статьи 23, 24, 29, 44) [272], Гражданский кодекс РФ, который рассматривает информацию как объект гражданского права [269], Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [276], Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» [268], а также другие федеральные законы, направленные на защиту информации.

В правовом поле дефиниция СМИ представлена следующим образом: «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [268], а массовую информацию определяют как «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» [Там же]. Так, в Федеральном законе «О средствах массовой информации» это понятие толкуется в собирательном смысле (ст. 2) [Там же].

В современной научной литературе обсуждается вопрос о значении «средств массовой информации». В советский период вместо понятия СМИ использовалось понятие «массовая коммуникация» [257, с. 778]. В постсоветский период такая практика не сохранилась, и ни в одном из словарей нового периода такой конструкции нет [232; 253]. В современных словарях даны определения отдельных составляющих понятия «средства массовой информации» – телевидение, радио, пресса, информация.

Согласно «Энциклопедическому словарю СМИ», к традиционным СМИ следует относить «печатные издания, теле- и радиовещание» [242]. Понятие «новые медиа» возникло в конце XX века как категория, позволяющая разграничить традиционные СМИ и новейшие, основанные на цифровых технологиях, форматах. «В настоящее время под ним обычно подразумевают цифровые медиа, такие как интернет, компьютерные игры, цифровые фильмы и фотографии, мобильная телефония и виртуальный мир» [165].

Учитывая эту новую тенденцию, С. А. Куликова утверждает, что в

законодательстве следует модернизировать понятие СМИ. По мнению автора, следует определять СМИ как «средство массовой информации – лицо, занимающееся деятельностью по сбору, созданию, редактированию и распространению сообщений и материалов для неопределенного круга лиц, периодически обновляющее и заменяющее медиаконтент, осуществляющее редакционный контроль (модерацию) за содержанием распространяемых сообщений и материалов, обладающее постоянным наименованием и несущее ответственность за нарушение законодательства и этических стандартов журналистики» [106, с. 19]. Однако здесь рождаются споры о применении такого определения к понятию субъекта СМИ, а не СМИ.

Обладая возможностью использовать все существующие формы мультимедиа и их комбинации, постоянно развивая и расширяя их, новые медиа сразу же вступили во взаимодействие с традиционными СМИ. Эти отношения большинство исследователей характеризуют как «конкуренцию» [165, с. 89], предметом которой является «аудитория, её свободное время и интерес» [Там же, с. 90] и которая воспринимается как тренд и как «вызов журналистике» [6, с. 24]. В этой конкуренции традиционные СМИ часто проигрывают, закрываясь или переходя (полностью или частично) в онлайн-формат, пополняя ряды новых медиа.

Обобщив научные исследования по этой проблематике, выделим основные отличия новых медиа от традиционных. Новые медиа распространяют информацию в реальном времени, используют интерактивные методы предоставления информации (для создания «картинки»), обеспечивают пользователю возможность принимать участие в создании и распространении контента [162]. В результате новые медиа можно охарактеризовать как «высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту» [130, с. 45].

Отечественные и зарубежные исследователи применяют различные подходы к выделению интернет-медиа. Так, ряд российских учёных придерживается мнения, что частью медиасистемы являются те ресурсы, которые провозглашают себя СМИ (А. А. Калмыков, Л. А. Коханова и др.). М. Дёзе, в свою очередь,

определяет границы медийного сектора интернета шире, полагая, что к СМИ относятся не только средства массовой информации, создаваемые журналистами, но и сайты, индексирующие информацию или классифицирующие её по категориям, «метамедийные», «комментарийные» сайты, а также блоги, поскольку все эти ресурсы выполняют главную цель журналистики в выборных демократиях мира – предоставляют гражданам информацию, необходимую для реализации свобод и самоуправления [204].

Возвращаясь к юридическому аспекту регулирования СМИ, отметим, что, согласно Закону РФ «О средствах массовой информации» [268], регистрация СМИ является добровольной. При этом в конце 2024 года в СМИ появляется информация об обязательной регистрации телеграм-канала в Роскомнадзоре для каналов, соответствующих определённым критериям: количество подписчиков превышает 1000 человек, канал распространяет массовую информацию, публикуется новостной или аналитический контент, канал ведётся на регулярной основе (не реже 1 раза в неделю), контент имеет общественно-политическую направленность, канал позиционируется как информационный ресурс, публикуются материалы о текущих событиях, канал влияет на формирование общественного мнения [285]. На основании вышеизложенного предлагается за основу взять следующее определение СМИ: «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [268], а также, ввиду существенного смещения внимания на новые медиа, рассмотреть некоторые публичные страницы и телеграм-каналы в рамках настоящего исследования.

Отметим, что, согласно «Большой российской энциклопедии», к интернет-СМИ относят две крупные типологические группы, которые различаются по своему отношению к традиционным медиа. В первую группу входят «сайты СМИ, которые имеют материнские издания в традиционных форматах – на бумаге и в теле- и радиовещании» [230], во вторую – «"оригинальные" онлайн-СМИ, которые возникли в 2000-х гг. главным образом на базе интернет-технологий и

функционируют только в онлайн-среде» [Там же].

Таким образом, в качестве эмпирической базы предлагается изучить медиатексты и высказывания в традиционных СМИ и новых медиа (включая публичные страницы и телеграм-каналы). В нашей работе мы рассмотрим СМИ, реализующие информационную и развлекательную функции. На наш взгляд, такие СМИ безусловно влияют на аудиторию: информационные источники, по объективной причине, представляют интерес в связи с «зависимостью» общества от информации, особенно в отношении новостей геополитики; развлекательные СМИ несут существенную угрозу, поскольку потребление такого контента предполагает снижение критического восприятия и, с другой стороны, повышение «уязвимости» аудитории при эмоциональной вовлечённости (через юмор, драматизацию событий и т. д.), когда речевую агрессию сложнее идентифицировать: реципиент потребляет это как развлечение, не осознавая, что параллельно усваивает определённые идеологические и оценочные установки, перенимает конкретные модели построения диалога, агрессивные тактики и т. д.

Поскольку ключевым фактором определена возможность СМИ влиять на мнение и язык общества, мы выбрали следующие материалы:

- для традиционных СМИ – газетные тексты Донецкой Народной Республики (информационные, информационно-развлекательные); телепроекты федеральных каналов «Мужское / Женское» (остросоциальный проект), «Звёзды в Джунглях» (жанр «реалити»), «60 минут» (общественно-политическое ток-шоу); радиопередачи «Авторadio» и «Дорожное радио»;

- для новых медиа – сетевые печатные издания («РИА Новости», «Коммерсантъ» (имеет материнское издание в традиционном формате)), портретные интервью («Осторожно, Собчак», «Стрелец-Молодец», «Алёна, блин!)), пресс-конференции по чрезвычайным ситуациям и информационные телеграм-каналы («Mash», «Baza», «ДНР INFO»).

Традиционные СМИ

Газетные тексты, издаваемые на территории Донецкой Народной Республики, изначально появились в поле зрения нашего исследования до вхождения региона в состав Российской Федерации. Мы считаем уместным изучить заявленные региональные издания, поскольку они могут представлять ценность для лингвокраеведения (как печатные тексты прифронтовых территорий). К таким СМИ были отнесены «Народная Волна», «Итоги и факты», «Итоги недели», «Неделя», «Комсомольская правда – Донбасс». Все перечисленные издания на территории Республики тиражируются более чем 100 тысячами экземпляров.

Выбранные телепроекты определялись, прежде всего, необходимостью рассмотрения разных жанров, во-вторых коэффициентом рейтингов (по данным Mediascope) на протяжении длительного периода времени. Мы проанализировали данные аналитического ресурса по следующим критериям: исследуемая аудитория – население в возрасте от 18 до 54 лет, вся Россия, домашний и дачный просмотр; программы-лидеры на каналах. Телепроект «Мужское / Женское» на регулярной основе (в пределах от самого раннего промежутка на ресурсе Mediascope – лето 2024 года) занимает лидирующие позиции на федеральном канале «Первый канал» (3–5 место в рейтинге) наряду с выпусками новостей. По этим же параметрам была выбрана телепередача «60 минут» для федерального канала «Россия 1» (2–8 место в рейтинге) и достаточно новый проект реалити-шоу выживания «Звёзды в Джунглях» (1 сезон), который вышел на канале ТНТ 22 сентября 2024 года и завершился 29 декабря 2024 года (1–3 место в рейтинге за период показа) [277].

Радиостанции «Авторадио» и «Дорожное радио» также занимают устойчивые позиции с 2021 года (с начала нашего исследования). Коэффициент охвата аудитории колеблется в промежутке от 7% до 13%. Отметим, что эти радиостанции регулярно находятся в относительно одинаковом процентном диапазоне по отношению друг к другу и чаще всего опережают другие радиостанции. Для изучения речевой агрессии были выбраны несколько

транслируемых на указанных радиостанциях радиопередач, для которых характерно речевое взаимодействие в студии.

Новые медиа

Сетевые издания «РИА Новости» и «Коммерсантъ» представляют собой три разные модели медийного дискурса в современной России. Сравнивая их функции, мы можем заключить, что «РИА Новости» реализует идеологическое влияние и формирование официального дискурса, а «Коммерсантъ» – деловое информирование, анализ.

По данным «РОСКОНГРЕСС. Пространство доверия» «РИА Новости» является лидирующим российским информационным агентством и новостным сайтом с совокупной аудиторией более 17 млн подписчиков. Агентство является самым цитируемым информационным агентством в СМИ и социальных сетях [284]. Этот сетевой ресурс не имеет печатного аналога и издаётся исключительно в интернет-пространстве.

Ежедневная общенациональная деловая газета «Коммерсантъ» выпускается издательским домом «Коммерсантъ» и представляет собой авторитетную деловую газету. Напомним, «Коммерсантъ» реализует два формата передачи информации – традиционный печатный и сетевой печатный. В нашем исследовании мы рассмотрим сетевое печатное издание газеты «Коммерсантъ».

Таким образом, сетевые издания охватывают разную целевую аудиторию, что позволяет получить репрезентативную и многогранную картину манифестации речевой агрессии.

Портретные интервью, представленные на медиа платформах «Осторожно, Собчак», «Стрелец – Молодец», «Алёна, блин!», часто вызывают резонанс в медийном пространстве, прежде всего, по причине демонстрации тактик речевой агрессии. Ведущие (К. Собчак, Н. Стрелец, А. Жигалова) используют агрессию не как эмоциональный срыв, а как продуманную коммуникативную стратегию для достижения конкретных целей: К. Собчак реализует стратегию «срывания масок»

для разрушения публичного имиджа гостя, Н. Стрелец – стратегию обличения, А. Жигалова – стратегию нападения с помощью резких неожиданных вопросов и высказываний. Изучение портретных интервью в таком формате позволяет исследовать речевую агрессию в её наиболее концентрированном, инструментализированном и социально значимом виде.

Информационные телеграм-каналы «Mash», «Baza» и «ДНР INFO» (последний выбран в интересах изучения регионального аналога) представляются нам наиболее приближёнными форматами к средствам массовой информации. Они отвечают всем критериям, предъявляемым к источникам публичного распространения информации, требующей обязательной регистрации в Роскомнадзоре, среди которых телеграм-канал позиционируется как информационный ресурс, публикуются материалы о текущих событиях, канал влияет на формирование общественного мнения. Охват аудитории в мессенджере Telegram составляет: для «Mash» – более 3 миллионов, «Baza» – более 1,5 миллионов, «ДНР INFO» – более 150 тысяч подписчиков.

Таким образом, выбранные нами материалы исследования позволили изучить проявление речевой агрессии в СМИ разносторонне, а также такой разноформатный выбор материалов даёт возможность выявить особенности речевой агрессии в пределах различных медиаплатформ.

Как упоминалось ранее, значимым инструментом любых СМИ является возможность влиять на формирование общественного мнения, с связи с этим целесообразной представляется необходимость исследовать этот аспект подробнее в пункте 2.2.

2.2. Воздействие СМИ на общественное сознание

2.2.1. Особенности механизма воздействия СМИ на общественное сознание

В современном мире всё чаще становится заметным коллективное настроение ненависти, цинизма, агрессии, которое приводит к неустойчивости общественного мнения, деморализует и дезинтегрирует социум. Самым непосредственным

образом такое нестабильное состояние находит своё отражение в языке СМИ, поскольку «наши СМИ говорят тем языком, каким говорит «наше общество» [95, с. 54]. Как отмечает В. Г. Костомаров, «масс-медиа же, особенно телевидение, как бы погружают в себя, создают «вовлеченность» (envolvement) – иллюзию участия зрителя в том, что звучит в репродукторе и тем более происходит на экране, не заставляя его домысливать информацию, на что единственно способна книжность, вербально компенсирующая отсутствие культурной обстановки» [98, с. 183].

Невозможно не осознавать влияние средств массовой информации на язык и даже на современный образ жизни. Исследователи регулярно отмечают подобные изменения. СМИ, взятые как целое и являясь важной составной частью массовой коммуникации общества, несут в себе различные социально-политические роли, имеющие особую общественную значимость. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. Речь идёт и об отрицательном воздействии в том числе. Так, к примеру, демонстрация агрессивного поведения в любых видах СМИ, как правило, имеет негативные последствия для социума. Так, специалист в области социальной коммуникации Л. Берковиц неоднократно представлял доказательства того, что «частое и массированное воздействие насилия, демонстрируемого по телевидению, не является общественным благом и даже может способствовать формированию антисоциальных моделей поведения» [16, с. 274].

СМИ выполняют стратегическую функцию по поддержанию целостности общества и координации взаимодействия его участников. Их влияние носит опосредованный характер: оно не распространяется на общество напрямую, а реализуется через воздействие на отдельного человека. Именно через индивидуальный уровень массовая коммуникация оказывает эффект на общество в целом [50, с. 80].

Ю. А. Дашевский отмечает три основные функции медиа, в рамках которых они «реализуют свои властные возможности: означение (определение какого-либо понятия для формирования у получателя определенного образа, то есть подбор

определённой лексики в зависимости от поставленной цели), информирование (своевременная подача сведений и удержание интереса аудитории на теме) и побуждение к действию, соотносящиеся с семантикой, прагматикой и риторикой» [Там же, с. 80–81].

Мы разделяем мнение Ю. А. Дашевского, поскольку выделенные исследователем функции, на наш взгляд, отражают возможности влияния СМИ на аудиторию. Так, механизмы осуществления обозначенных функций СМИ можно условно разделить на лингвистические (подбор определённых языковых средств) и логические (подмена понятий, подмена причины и следствия).

Единицей языка СМИ считается медиатекст. Это появилось в англоязычной литературе в конце XX века и стремительно вошло в круг интересов зарубежных и отечественных исследователей. В отечественной литературе теорию медиатекста развивали В. Г. Костомаров, М. М. Лукина, С. И. Сметанина и др. Исследование Т. Г. Добросклонской внесло значительный вклад в изучение теоретических основ вопроса, так как автором была впервые сформулирована концепция медиатекста как базовой категории медиалингвистики.

Определение медиатекста всё же стоит начать с пояснения содержания понятия «текст», поскольку компонент «медиа» в этом случае носит преимущественно уточняющий характер. Одно из универсальных определений текста предлагает В. Г. Костомаров в труде «Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики» [98]. Автор рекомендует рассматривать текст как «любое вербальное произведение, любой результат общения: высказывание, сообщение, обмен информацией и мнениями, «реализацию функциональной разновидности» или «стиля языка», «речевой стиль», «отрезок речетворческого процесса», «воплощение языка-речи», т. е. продукт порождения и предмет восприятия, процесс генерации и интерпретации» [98, с. 33]. В свою очередь, В. И. Карасик отмечает, что «практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чём-то или выражаем эмоции» [81, с. 49].

Т. Г. Добросклонская считает, что «уровень массовой коммуникации придаёт

понятию "текст" новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного СМИ» [62, с. 27]. Исследователь полагает, что текст – это сообщение, а медиатекст – это сообщение плюс канал коммуникации. Каждый канал обладает набором медийных признаков, которые оказывают значительное влияние на содержание и на форму воспроизведения медиатекста, а именно: способ производства текста (авторский / коллегиальный), форма создания (устная / письменная), форма воспроизведения (устная / письменная), канал распространения (СМИ-носитель: печать, радио, телевидение, интернет), функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама), тематическая доминанта (принадлежность к устойчивым тематическим медиа, например к политике, экономике, спорту и т. д.) [63, с. 40].

Существенный вклад в системное изучение медиатекстов внесла Л. М. Майданова. Исследователем в числе медиатекстов рассматривался и газетный текст [123, с. 22–28]. Согласно её концепции, газетный текст характеризуется следующими базовыми параметрами: письменный, полиадресатный и социально ориентированный. Также автором были исследованы структурный, семиотический и функциональный аспекты. Последний аспект представляет особую значимость: этот текст полифункциональный, сочетающий установку на информирование и воздействие.

Фактически медиатекст – обобщающее понятие для текстов массовой коммуникации, которые распространяют СМИ. Учёные считают, что понятие «медиатекст» шире понятия «текст», так как оно выходит за пределы вербальной знаковой системы. Так, например, А. Белл в книге «Approaches to mass media discourse» отмечает, что понятие «медиатекст» включает визуальные образы, звуковые эффекты, музыку, голосовые качества, то есть медиатексты отражают технологии, которые используются для их создания [200, с. 3]. Итак, медиатекст – это разновидность текста, рассчитанного на массовую аудиторию, в котором сочетаются вербальные, визуальные и аудиовизуальные компоненты речи.

Именно в тексте наиболее ярко проявляются две основные функции речи, выделенные выдающимся советским учёным В. В. Виноградовым, – сообщение и

воздействие.

Исследователи отмечают, что существует ряд приёмов и методов, характерных для оказания речевого воздействия через тексты СМИ. Э. И. Глинчевский определяет границы понятий «метод» и «приём». Так, под методом речевого воздействия в СМИ стоит понимать «способ достижения речевого воздействия, решения задачи оказания речевого воздействия (далее РВ) на массовую аудиторию; для достижения данной задачи метод РВ применяет входящие в него разнообразные приемы РВ» [37, с. 19–20]. Приём, по мнению автора, – «частное, конкретное средство решения задачи оказания речевого воздействия на массовую аудиторию, входящее в один из методов РВ» [Там же]. Так, каждый метод речевого воздействия может содержать множество приёмов.

Э. И. Глинчевский предлагает следующую классификацию [Там же]:

1. Базовые методы РВ, связанные с композицией медиатекстов и оценкой описываемых и анализируемых событий и явлений:

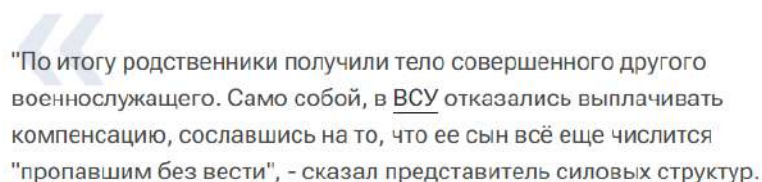
1. *Качественная интерпретация событий (как эксплицитная, так и имплицитная).* Реализуется через подачу факта через призму определённой оценки, используя оценочную лексику или создавая определённый контекст («Для сравнения: потолок зарплат в НБА в этом сезоне превышает \$140 млн на команду, но не все участники в него укладываются и платят "налог на роскошь"» – эксплицитная) («Коммерсантъ», апрель 2025 г.).

2. *Аргументированный комментарий событий.* Использование мнений экспертов, аналитиков или «очевидцев» для придания веса определённой точке зрения. Воздействие может заключаться в выборе эксперта, чьё мнение соответствует нужной линии, и в подаче его слов как объективных («Обитатели интернета часто производят впечатление буйнопомешанных (и психологи говорят, что это недалеко от истины)» (газета «Неделя», от 03.05.2022 г.). Поясним, что буйнопомешанный – «тот, кто находится в состоянии буйного помешательства» [244]; буйный – «несдержанно и бурно проявляющий свои желания, чувства, склонный к насилию; необузданный» [Там же], помешательство – «потеря рассудка, умопомешательство, сумасшествие» [Там же], то есть

подразумевается несдержанный человек, который не находится в здравом уме, сумасшедший, и, вероятно, склонный к насилию. Следом указывается «экспертное мнение» – «*психологи говорят*», которое предлагается здесь для подтверждения заявления автора.

3. *Трактовка ключевых понятий и оценка происходящих событий как проявления категории субъективной модальности.* Использование лексических единиц, имеющих яркую положительную или отрицательную окраску, для обозначения одних и тех же явлений, например, определение «*ополченцы*» («участник, боец ополчения» [237]) для государственных СМИ и «*сепаратисты*» («сторонник политического сепаратизма» [Там же], *сепаратизм* – «стремление к отделению, обособлению от кого-, чего-л.» [Там же]) – для СМИ с оппозиционным мнением.

4. *Выдвижение, в том числе и графическое, отдельных фрагментов композиции текста для привлечения к ним большего внимания.* Реализуется через визуальные и композиционные средства для акцентирования нужной информации, например, крупно оформленные цитаты (рис. 2.1.):

"По итогу родственники получили тело совершенного другого
военнослужащего. Само собой, в ВСУ отказались выплачивать
компенсацию, сославшись на то, что ее сын всё еще числится
"пропавшим без вести", - сказал представитель силовых структур.

Рисунок 2.1. Выдержка из публикации сетевого издания «РИА Новости» (октябрь, 2025 г.)

5. *Выигрышное построение композиции текста с целью усиления РВ.* Последовательное расположение аргументов и информации для максимального воздействия на аудиторию (например, по принципу «от сильного к сильному» или по принципу «проблема-виновник-спаситель»). Для примера предлагается рассмотреть новостную статью от 13.10.2025 г. в издании «РИА Новости». Заглавие статьи «*Продление ареста Карапетяну рассмотрит провластный судья, считают адвокаты*» уже закладывает определённую идею через лексическую единицу «провластный» (то есть буквально «про власть», действующий в интересах существующего политического режима). В заголовке также подаётся авторство,

кому это мнение принадлежит – *«считают адвокаты»*. Так, аудитории предлагают идею: *судья будет действовать исходя из интересов власти, а не справедливости*. Далее следуют аргументы заложенной идеи:

- первый абзац (обычно передающий ключевую мысль) содержит следующее высказывание в отношении судьи *«принимающий желательные для властей решения по резонансным делам, говорится в заявлении команды адвокатов бизнесмена»*, что подчёркивает заложенную идею в заглавии статьи;

- в следующих двух абзацах кратко поясняются подробности обвинения, в том числе с пояснениями *«в заявлении защиты Карапетяна отмечается»* после крупно выделенной цитаты адвокатов, затем следует цитата-дополнение *«"Эти действия также не поддаются какой-либо правовой логике. Политическое преследование Самвела Карапетяна неоспоримо, масштабные грубые нарушения очевидны и беспрецедентны"»*, указывая на незаконность обвинения и юридического преследования;

- заключительный абзац начинается с высказывания *«Карапетян вкладывает много средств в развитие Армении»* в попытке «обелить» репутацию обвиняемого и вызвать положительную реакцию общественности.

Представленный структурный анализ новостного текста наглядно демонстрирует, как выигрышное построение композиции используется в медиатексте для формирования у аудитории заданной оценки событий: статья выстроена по классической модели «проблема – виновник – страдающая сторона».

II. Вспомогательные (лингвостилистические экспрессивные) методы РВ:

1. *Метод РВ на графико-фонетическом уровне языка.* Использование нестандартного написания, пунктуации или звукописи для привлечения внимания, создания эмоционального эффекта или имитации разговорной речи, к примеру, с помощью кавычек *«Под "крышей" ГИБДД»* («Коммерсантъ», ноябрь, 2025 г.), фонетическое подражание украинскому языку *«На Украине зрада»* (телеграм-канал «ДНР INFO», октябрь, 2025 г.) и др.

2. *Метод РВ на лексическом и морфолого-синтаксическом (грамматическом) уровнях языка.* Реализуется через использование оценочной

лексики, стилистически окрашенных слов, а также специфических грамматических конструкций для формирования отношения: *«Контрразведка докопалась до канализации»*, *«Что взрыв грядущий нам готовит»* («Коммерсантъ», октябрь-ноябрь, 2025 г.), *«освобождение территорий»* VS *«оккупация территорий»* и др.

3. *Выдвижение фрагментов текста* перекликается с пунктом I.4, также сюда можно отнести подчёркивание отдельных слов, выделение курсивом или полужирным начертанием текста и др.

Таким образом, манипулятивное воздействие в СМИ реализуется через тщательный отбор и специфическое структурирование контента, что может вызывать у аудитории необходимые для СМИ положительные или отрицательные ассоциации и влияет на восприятие информации. Однако потенциал манипуляции не является абсолютным. Его ограничивают, во-первых, личный опыт реципиентов, а во-вторых, альтернативные, не подконтрольные власти каналы коммуникации, такие как общение в кругу семьи, друзей и коллег. Кроме того, границы возможного манипулирования определяются текущим состоянием общественного сознания, например, устойчивыми взглядами граждан.

2.2.2. Определение текущего уровня доверия к СМИ

В современном мире проблема доверия к средствам массовой информации становится особенно острой. Если раньше СМИ воспринимались как основной источник достоверных сведений, то сегодня их авторитет существенно снизился. На это повлияло несколько ключевых факторов. Прежде всего, к ним стоит отнести цифровизацию и появление социальных сетей, что разрушило монополию традиционных медиа на информацию (теперь каждый пользователь может стать создателем контента, что привело к дроблению аудитории и появлению так называемых «эхо-камер» – информационных пространств, где люди потребляют только ту информацию, которая соответствует их взглядам). При этом язык СМИ остаётся «мощным средством коммуникативного воздействия на массовое поведение» [96, с. 682], однако аудитория стала более критично относиться к

манипулятивным приёмам.

Ещё одной серьезной проблемой стала политическая ангажированность СМИ. Во многих странах медиа открыто поддерживают определённые политические силы, что заставляет аудиторию воспринимать их не как независимых наблюдателей, а как «рупор» чьих-то интересов. Такая модель особенно заметна в периоды избирательных кампаний и политических кризисов, когда представление одних и тех же событий различными изданиями существенно различается.

Дополнительную сложность создаёт распространение дезинформации. «Фейковые новости» и теории заговора активно распространяются в интернете, подрывая доверие ко всем медиа в целом. Многие люди перестают отличать достоверную информацию от ложной, что ведёт к общему разочарованию в СМИ.

В современном обществе доверие представляет собой сложный феномен, который имеет многоуровневую структуру. В последнее время в гуманитарных науках намечается переход от «жёстких» переменных, детерминирующих доверие (класс, статус), к «мягким» переменным» (ценности, символу, дискурсу) [27].

В классических трудах по русской лексикографии зафиксированы базовые семантические характеристики изучаемых понятий. Так, В. И. Даль определяет доверие как «чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить; вера в надежность кого-нибудь, чего-нибудь» [236], акцентируя тем самым его психологическую природу и оценочный компонент. В данной системе координат недоверие закономерно занимает позицию антонимичного понятия.

Схожую семантическую трактовку находим у С. И. Ожегова, который интерпретирует доверие как «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь...» [251], тогда как недоверие определяется через сомнение в правдивости и подозрительность. Н. С. Ушаков, в свою очередь, сводит доверие к вере и уверенности [258], а его антоним – к сомнению в достоверности.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой доверие

означает «убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-либо» [237]. Такое же толкование предлагает «Большой толковый словарь» под редакцией С. А. Кузнецова [232]. Недоверие в этих двух источниках определяется через «отсутствие доверия, подозрительное отношение к кому-, чему-либо» [232, 237].

Таким образом, лексикографическая традиция единодушно представляет доверие и недоверие как бинарную оппозицию. Однако в научном дискурсе существует альтернативный подход, рассматривающий недоверие не просто как отсутствие доверия, а как самостоятельный феномен, производный от концепта «вера» и характеризующийся иррациональным отношением к будущему [27], что свидетельствует о более сложной природе данных категорий, не сводимой к простой дихотомии.

Согласно концепции Ф. Фукуямы, «доверие» трактуется как социальные ожидания, формирующиеся у индивидов относительно предсказуемости, честности и этичности поведения других членов общества в соответствии с разделяемыми нормами [169]. Исследователь определяет данный феномен как «ожидание того, что в обществе возникает регулярное, честное и кооперативное поведение, основанное на общепризнанных нормах» [Там же].

Важным аспектом теории Фукуямы является рассмотрение уровня доверия в качестве фундаментальной культурной характеристики социума, отражающей степень приверженности его членов общим ценностным ориентациям [Там же]. Учёный подчёркивает нормативную природу доверия, отмечая, что его базисом могут выступать различные институциональные системы – религиозные доктрины, правовые механизмы, а также профессиональные стандарты и этические кодексы. Так, доверие предстаёт не как индивидуально-психологическое состояние, а как системный социальный ресурс, детерминированный культурными паттернами и институциональной средой.

В контексте настоящего исследования ключевое значение приобретает политологический подход к определению доверия. Появление научного интереса к изучению доверия как основы отношений между обществом и институтами власти

прослеживается в трудах классиков политической мысли Т. Гоббса и Дж. Локка (XVII–XVIII вв.) [38; 119]. Значимым представляется тезис Дж Локка о том, что общественное доверие формируется на основе «неоспоримого свидетельства и опыта» [119], что актуализирует роль рациональных оснований в его генезисе.

Современный политологический анализ развивает данную традицию, интерпретируя доверие в качестве фундаментального условия обеспечения политической стабильности. Как отмечают исследователи, оно выступает «основой для формирования стабильности власти в долгосрочном периоде» [143]. Таким образом, в политологическом дискурсе доверие предстаёт не только как морально-психологический феномен, но и как структурный компонент политической системы, определяющий её легитимность и функциональную эффективность.

В качестве одного из индикаторов доверия к СМИ можно рассмотреть вопрос медиапотребления обществом. Безусловно, медиапотребление следует оценивать как косвенный показатель доверия к СМИ, однако статистические данные аналитических центров позволяют предположить, что регулярное использование одних и тех же медиаплатформ может говорить о высоком уровне доверия к источнику информации. Некоторые исследования (например, работы Г. У. Солдатовой, С. В. Чигарьковой, С. Н. Илюхиной) анализируют эту зависимость и приводят к заключению, что критерии доверия аудитории (достоверность, актуальность, объективность информации) напрямую связаны с выбором источников потребления.

Медиапотребление активно исследуют крупнейшие российские аналитические центры, такие как «ВЦИОМ», «ФОМ РФ», «Левада-центр», «Медиаскоп», выделяя те тенденции, которые характерны для России в целом. Согласно данным последних опросов, использование исследуемых нами средств массовой информации может быть представлено следующим образом:

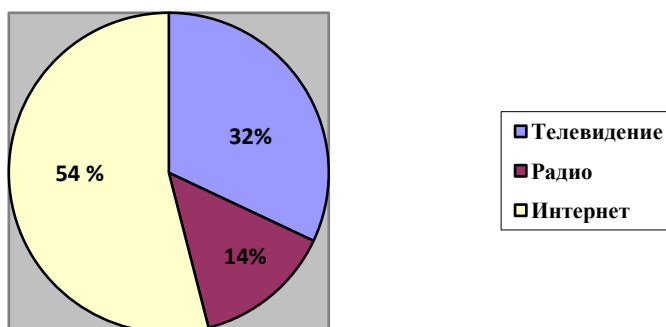

Рисунок 2.2. Результаты опросов ФОМ РФ за 2021 г. [280]

На рисунке представлены данные опросов россиян, направленные на изучение способа получения ими информации. Результаты показали, что чаще всего россияне используют Интернет, наименее популярным средством массовой информации считается радио.

Интересно сравнить эти данные с 2025 годом. По исследованиям «Mediascope» (рис. 2.2), в среднем каждый россиянин ежедневно тратит до 9 часов на взаимодействие с двумя крупнейшими медиасредами – ТВ и интернетом. Таким образом, при всем разнообразии, основной объём времени пользователя приходится на ТВ и интернет. На рис. 2.2 представлен бюджет потребления медиа за январь–июнь 2025, вторая колонка – потребление в минутах на человека в день, третья – доля в общем времени потребления медиа.

ВСЕГО	530	100%
Телевидение	216	41%
Видео на ТВ экране	48	9%
Видео в интернете (мобайл и десктоп)	266	50%

Рисунок 2.3. Бюджет времени на потребление медиа (по данным «Mediascope») [277]

Как мы можем пронаблюдать, ситуация критически не изменилась. Однако радиовещание не было представлено в оценке медиапотребления аналитическим

центром «Mediascope».

Наиболее достоверным способом определения уровня доверия к СМИ можно считать социологические исследования: опросы, анкетирование, статистические данные.

Рассмотрим показатели социологических исследований «ВЦИОМ» за 2023 год. Согласно результатам опросов, в современной России наблюдается выраженная иерархия доверия к различным каналам информации. Наибольший уровень общественного доверия фиксируется у центрального телевидения, которое пользуется доверием 53% респондентов. Значимым конкурентом выступает местное телевидение, демонстрируя показатель в 47%. Совокупный индекс доверия (разность между долей доверяющих и не доверяющих респондентов) к телевизионным медиа в январе 2023 года достиг 24 процентных пунктов (при возможном диапазоне от – 100 до 100 процентных пунктов, далее – п. п.), что свидетельствует об их доминирующем положении в медиаландшафте.

Средний уровень доверия характерен для следующих источников: новостные и официальные интернет-порталы (35%, индекс 8 п. п.); центральные и региональные печатные издания (33%, индексы 8 и 9 п. п. соответственно); телеграм-каналы (31%, индекс 8 п. п.). Радиовещание демонстрирует относительно скромные показатели: региональному радио доверяет 25% аудитории, центральному – 24% (индексы 7 и 5 п. п. соответственно).

Наименьший уровень доверия зафиксирован в отношении мессенджеров (WhatsApp, Viber) и социальных сетей. Критическим показателем является отрицательное значение индекса доверия: – 8 п. п. для мессенджеров и – 20 п. п. для соцсетей, что обусловлено превышением доли недоверяющих респондентов (35% и 43% соответственно) над долей доверяющих (27% и 23%) [280].

Для изучения изменений в медиапотреблении и уровня доверия к СМИ рассмотрим данные медиаметрических исследований исследовательского холдинга «РОМИР» за 2024 год. Результаты опросов свидетельствуют о сохранении значимой роли телевидения в структуре информационного потребления россиян. В IV квартале 2024 года телевидение оставалось наиболее

востребованным источником информации (59% аудитории), демонстрируя положительную внутригодовую динамику (+ 3 п. п. к III кварталу), хотя и незначительно уступая показателям годичной давности (– 2 п. п. к IV кварталу 2023 года). При этом 41% респондентов идентифицируют телевидение как основной информационный канал. Парадоксальным образом наблюдается снижение уровня доверия к телевизионному контенту: текущий показатель (33%) демонстрирует отрицательную динамику как в квартальном (– 2 п. п.), так и в годовом (– 3 п. п.) разрезе.

Сектор радиовещания продолжает испытывать системный кризис. Доля потребителей радиоконтента сократилась до 17%, при этом лишь 3% респондентов рассматривают радио как основной информационный ресурс. Уровень доверия к радио достиг минимального значения (23%), снизившись на 3 п. п. за год. Следует отметить наблюдаемый исследователями феномен диссоциации между частотой использования медиаканалов и уровнем доверия к ним.

Цифровые платформы демонстрируют разнонаправленные тенденции. Онлайн-ресурсы показывают рост популярности (27% пользователей в IV квартале) и укрепление позиций как основного источника информации (12%). Уровень доверия к ним также демонстрирует позитивную динамику (22%, + 2 п. п. к предыдущему кварталу). Мессенджеры, в частности Telegram, уверенно наращивают аудиторию (34% пользователей) и значимость как основного информационного канала (18%), однако уровень доверия к ним стагнирует на отметке 22%.

Социальные сети демонстрируют противоречивую динамику. «ВКонтакте» фиксирует рост популярности (19% пользователей) при одновременном снижении доверия (12%, – 2 п. п. за квартал). YouTube сохраняет стабильную аудиторию (18%) при уменьшении уровня доверия (14%, – 2 п. п. за квартал) [287].

Сравнение представленных выше социологических исследований («ВЦИОМ» и «РОМИР») позволяет сделать вывод о состоянии медиапотребления в России: наблюдается системный разрыв между формальным лидерством традиционных СМИ в структуре доверия и реальными тенденциями в вопросе

доверия медиасреде.

Парадокс телевидения. «ВЦИОМ» фиксирует его безусловное лидерство по уровню доверия (53%). Однако исследование «РОМИР» показывает, что это лидерство постепенно уменьшается (33%) – доверие к ТВ снижается, в то время как его аудитория остаётся наибольшей.

Цифровая трансформация. «РОМИР» выявляет ключевую динамику, которая не отражается в данных «ВЦИОМ»: аудитория активно мигрирует в цифровую среду (рост использования онлайн-ресурсов, Telegram, «ВКонтакте»), однако этот рост не сопровождается адекватным ростом доверия. Мессенджеры и соцсети, даже увеличивая аудиторию, остаются на последних позициях по доверию («ВЦИОМ»).

Диссоциация «потребление – доверие». Данные убедительно доказывают, что выбор источника информации и уровень доверия к нему всё меньше коррелируют друг с другом. Аудитория вынужденно пользуется каналами, которым не доверяет в полной мере, что формирует новый тип медиапотребления, основанный на удобстве, скорости и доступности, а не на первичном доверии к институту СМИ.

Таким образом, статичная картина высокого доверия к телевидению, отражённая в исследованиях «ВЦИОМ», является лишь частью сложной медиареальности. Статистические данные «РОМИР» раскрывают процессы, ведущие к реформатированию всей медиасистемы, где традиционные лидеры постепенно теряют монополию на доверие, а новые платформы – увеличивают аудиторию, но пока не обрели статус полноценных и авторитетных институтов.

2.2.3. Речевая агрессия как способ речевого воздействия в СМИ

Основным аспектом влияния СМИ является целенаправленное формирование общественного мнения, осуществляемое через манипуляцию сознанием аудитории с использованием широкого инструментария речевых средств, среди которых значимое место принадлежит речевой агрессии. Под

влиянием текущих социально-политических и экономических условий речевую агрессию в современных СМИ можно отнести к наиболее действенным средствам манипуляции.

Соотношение понятий «речевая агрессия», «воздействие» и «манипуляция» может быть представлено следующим образом: речевая агрессия через всё многообразие средств выражения всегда производит воздействие на объект, в том числе предполагает манипулирование мнением и поведением индивида. В то же время воздействие и манипулирование могут быть реализованы через средства речевой агрессии. Другими словами, речевая агрессия является частным случаем речевого воздействия, обладая своей специфической природой и целями. Если речевое воздействие представляет собой широкую категорию, охватывающую любые формы влияния через речь, то речевая агрессия – это специализированный инструмент, направленный на принудительное изменение установок реципиента или нанесение ему психологического ущерба (как было отражено в параграфе 1.3). Манипуляция, в свою очередь, выступает одной из стратегий речевой агрессии, но не исчерпывает всего её многообразия. Важно подчеркнуть, что наряду с манипулятивными стратегиями (скрытое воздействие) существуют и прямые формы агрессии (открытая дискредитация, инвектива). Таким образом, не всякое речевое воздействие является агрессивным; не всякая речевая агрессия является манипулятивной; манипуляция может осуществляться и неагрессивными средствами. Прежде всего, считаем необходимым остановиться на общем понимании воздействия и манипулирования с помощью языковых знаков.

В общем смысле языковое манипулирование представляет собой стратегический отбор и использование языковых средств для оказания скрытого воздействия на адресата, являясь, таким образом, частным случаем речевого воздействия. С когнитивных позиций, как отмечает Р. М. Блакар, речевое воздействие интерпретируется как осуществление власти, поскольку даже нейтральное использование языка имплицитно структурирует мировосприятие реципиента [17, с. 90]. Ключевым признаком манипулятивного речевого акта является сокрытие истинных интенций говорящего, что исключает осознание

адресатом факта внешнего влияния.

В лингвистике принято разграничивать прямые и косвенные формы речевого воздействия, различие между которыми детерминировано выбором соответствующих речевых актов. Наибольший интерес в контексте манипуляции представляет косвенная форма, связанная с трансформацией исходной информации. В современном медиадискурсе широко применяется метод плавной модификации семантики высказывания, реализуемый через использование эвфемизмов (эмоционально-нейтральные единицы, замещающие социально табуированную или нежелательную лексику) и дисфемизмов (изначально нейтральные выражения, которым придаётся негативная оценочность). Их функционирование обусловлено тенденцией к замене нейтральной лексики на экспрессивные единицы, способные более точно передавать оценочное отношение. Как подчёркивает Ю. С. Баскова, эвфемизмы обладают значительным манипулятивным потенциалом благодаря своей низкой распознаваемости в условиях интенсивного информационного потока. Они дистанцируют реципиента от запретного понятия, маскируя сущность явления под нейтральной или позитивной коннотацией, а высокая скорость потребления информации препятствует их критическому осмыслению [11, с. 88]. Среди лексических средств языковой манипуляции выделяют многозначные слова, омонимы и окказионализмы. Окказионализмы, будучи индивидуально-авторскими новообразованиями, повышают экспрессивность речевого сообщения и способствуют привлечению внимания реципиента.

Речевая агрессия сама по себе реализуется через систему лингвистических и паралингвистических средств (основной перечень был представлен в параграфе 1.2), включающих использование инвективной и оценочной лексики с негативной коннотацией; намеренное нарушение этических норм коммуникации (угрозы, дискредитация); манипуляцию эмоциональными состояниями через нагнетание конфликтности.

Е. И. Шейгал, исследуя речевую агрессию в политическом дискурсе, отмечает манипуляторные функции речевой агрессии и определяет их как «...более

рационально-осознанные формы вербальной агрессии, основанной на идеологических трансформациях исходного смысла (инвективные ярлыки, средства диффамации) [182, с. 221]. Как замечает В. Н. Степанов, «провокационная речь... изображает и передает определенное психологическое состояние говорящего для его собеседника и как бы “заражает” его, а цель этого – вызвать у собеседника желаемое внутреннее состояние, возбудить в нем психическую активность особого рода – коммуникативную, основанную на желании соответствовать предъявляемым собеседником коммуникативным требованиям» [162, с. 161].

Исследователи отмечают, что «СМИ формируют языковые вкусы общества. Они быстрее всего реагируют на изменения в языке и отражают их» [96, с. 13]. Так, средства массовой информации актуализируют потенциал языка, где он становится «мощным средством коммуникативного воздействия на массовое поведение. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интегрировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку» [32, с. 682].

В условиях конкуренции за аудиторию журналисты часто используют методы агрессивного воздействия, обусловленные текущим социально-политическим контекстом. Вместо информирования осуществляется навязывание определённой позиции путём нагнетания негатива и нарушения профессиональной этики. Такой подход представляет собой форму целенаправленного языкового воздействия, способного трансформировать оценочные и идеологические установки массового сознания [159].

В рамках изучения оказания воздействия на реципиента уместно будет обратиться к работе Л. М. Майдановой, которая выделяет следующие случаи речевой агрессии в СМИ:

1) автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи (*«Ты недостойна ни защиты, ни поддержки. В тюрьме тебе место за то, что ты чуть не угробила 4-х детей»* [Пр., п. 134]);

2) автор своим представлением предмета речи вызывает и поддерживает в адресате агрессивное состояние (*«Если мы тысячу раз ловили западную прессу на лжи, какие у нас основания верить ей сегодня? У меня, например, таких оснований нет»* [Пр., п. 111]);

3) автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить не агрессивное, но прямо или косвенно выгодное автору действие (*«А я стесняюсь спросить, не помните по какому поводу был майдан?»* [Пр., п. 105]) [123, с. 9–13].

В пределах речевой агрессии можно выделить несколько стратегий, которые наиболее эффективно воздействуют на реципиентов.

1. Стратегия демонизации (создание образа «врага») (Е. И. Шейгал, Г. Г. Почепцов, Т. Н. Воронцова, А. В. Манченко, Б. В. Дубин и др.). Основной целью является необходимость представить оппонента или группу как абсолютное зло, угрозу базовым ценностям, лишённую человеческих черт. Реализуется через тактики: инвективного наименования (ярлыки) (например, *«нацисты», «террористы», «пятая колонна», «иноагенты»*); дегуманизации (обсуждение мигрантов с использованием метафор, приравнивающих их к природной стихии или животным: *«поток мигрантов хлынул через границу», «стадо нелегалов»,* что может привести к оправдыванию жёстких мер против объекта агрессии); обвинения в абсолютной аморальности (*«у них нет и не может быть никаких моральных принципов», «они готовы на всё ради денег / власти»*).

2. Стратегия нагнетания паники и страха (Г. Г. Почепцов, Е. Л. Доценко, А. П. Короченский, А. В. Манченко, С. Г. Кара-Мурза). Целью данной стратегии является создание у аудитории чувства постоянной угрозы, незащищённости и зависимости от «спасителей» (власти, определённых сил). Реализуется через тактики: катастрофизации (подача любого события через апокалиптические сценарии: *«Если они победят на выборах, это будет конец нашей стране»*); создания образа «осаждённой крепости» (повестка, построенная на идее, что *«весь Запад против нас», «нас окружили враги, желающие нашего уничтожения»,* что мобилизует аудиторию через страх и сплачивает её против внешнего врага).

3. Стратегия апелляции к «своим» / «чужим» (Е. И. Шейгал, Г. Г. Почепцов, Т. Н. Воронцова, А. В. Манченко, Б. В. Дубин и др.). Цель заключается в разделении мира на бинарные оппозиции (мы / они), сплотив целевую аудиторию вокруг общих ценностей и противопоставив её враждебному окружению. Чаще всего достигается через тактики: использования «лозунговых слов» (использование понятий *«традиционные ценности»*, *«национальные интересы»*, *«духовные скрепы»* в противовес *«либеральной толерантности»*, *«гендерной идеологии»* и т. п., что определяет «свою» идентичность); обвинения в предательстве (использование характеристик *«национальные изменники»*, *«пособники врага»*).

4. Стратегия дискредитации и унижения (Е. И. Шейгал, Г. Г. Почепцов, А. В. Манченко, Е. Л. Доценко, А. П. Короченский) часто прослеживается в политическом дискурсе. Целью становится не просто оспаривание аргументов, а унижение личности, подорвав доверие к оппоненту на эмоциональном уровне. Реализуется преимущественно через тактики сарказма и насмешки (*«Вы вообще в курсе, о чём говорите?»*, *«Еле стоит на ногах... жамкающий старик»*); навешивания психиатрических ярлыков (*«Вы безухие что ли? Потому что на такое выступление не встать – надо быть совсем без ушей»*, *«Я не могу этот бред слушать»*, где «бред» отсылает к психическому нездоровью, лишая высказывание рациональной основы).

В современном медиапространстве технологии речевого воздействия приобрели способность эффективно управлять массовым сознанием. Путём целенаправленного формирования негативного восприятия фактов, событий, политических деятелей, а также с помощью оценочных суждений, речевая агрессия формирует оценки массового сознания. Характерными лексическими средствами речевого манипулирования выступают эвфемизмы, дисфемизмы, «лозунговые слова» и метафоризация. Основным способом обогащения этого инвентаря является употребление слов в переносном значении, которые создают неоднозначность, подтекст и имплицитные смыслы и позволяют манипулировать восприятием адресата незаметно, то есть выступают косвенной формой речевого воздействия. Как уже отмечалось ранее, манипулятивное воздействие базируется

на целенаправленном отборе и комбинации языковых единиц, провоцирующих формирование заданных ассоциативных связей, что обеспечивает управление восприятием информации целевой аудиторией.

2.3. Проблемы лингвистической безопасности в СМИ-пространстве

2.3.1. Язык СМИ как отражение социокультурных процессов в современном обществе

Широко распространённая в социолингвистике метафора языка как зеркала эпохи или конкретного события получает дополнительное измерение в контексте концепции «looking glass self» (зеркального «Я») [228, с. 89]. Согласно данному подходу, «человек говорящий» (*homo eloquens*), его коммуникативные действия, среда и интенции становятся объектом исследования, где отражение действительности в самосознании личности служит целям согласования социальных позиций [Там же, с. 129].

Наиболее репрезентативным пространством социальной жизни, ключевым актором которой является человек, выступают СМИ. Однако, как справедливо отмечает Т. Г. Добросклонская, функциональный механизм СМИ предполагает не столько пассивное отражение действительности, сколько её активную интерпретацию, комментарий и оценку, что способствует формированию специфического идеологического фона [64, с. 213]. Идеология как система взглядов и представлений является неотъемлемым атрибутом общества, что, в свою очередь, обуславливает востребованность «лингвистики убеждения» в рамках публицистического дискурса, особенно в периоды социальных трансформаций [88, с. 9–10].

Большинство исследователей отмечают, что именно СМИ выступают отражением современного состояния языка нации и тенденции языковых изменений. Несмотря на то что тексты СМИ традиционно ориентируются на литературную норму, исследователи отмечают рост числа отклонений от неё в

современной речевой практике медиа (О. А. Лаптева, С. И. Сметанина, Н. И. Клушина и др.). Поскольку принципы изложения информации в этой сфере имеют отличительные черты от художественного, официально-делового и других стилей языка, лингвисты предложили обозначить язык СМИ, в частности язык электронных СМИ, как самостоятельную «номинацию» [176, с. 8].

Существуют различные подходы к определению языка СМИ. Теоретической базой для разработки данной проблемы послужили работы таких отечественных исследователей, как Г. В. Степанова, Д. Н. Шмелева, В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, Ю. В. Рождественского, С. И. Сметаниной, Т. Г. Добросклонской и др. В. Г. Костомаров настаивает, что СМИ оказывают огромное влияние на формирование языковой нормы. В работе «Языковой вкус эпохи» исследователь анализирует языковые процессы, происходящие в русском языке с учётом этого влияния и различных экстралингвистических факторов. В свою очередь, Ю. В. Рождественский определяет важнейшие социолингвистические аспекты языка СМИ, отмечая, что «массовая информация является глобальным текстом, объединяющим разные языковые сообщества с их различными социальными речевыми структурами» [142, с. 477]. Значительным вкладом в развитие концепции языка СМИ выступают также работы С. И. Сметаниной «Медиа-текст в системе культуры» [156] и Т. Г. Добросклонской «Вопросы изучения медиатекстов» [64].

Основываясь на анализе контекстного употребления словосочетания «язык СМИ», С. В. Давыдова в исследовании «Язык средств массовой информации» [49] предлагает несколько распространённых определений. Одним из наиболее концептуальных для данного исследования мы видим следующее: под языком СМИ понимается «особая знаковая система смешанного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации – печати, радио, телевидения, Интернета» [49].

Повторимся, что современный медийный дискурс выполняет культурологическую функцию языка-эталона (образца нормы, который задаёт стандарты речи). Важно подчеркнуть, что генезис этого эталона имеет

двойственную природу: он формируется как под влиянием целенаправленного журналистского творчества, так и под воздействием спонтанной повседневной коммуникации, которая служит отражением актуальных культурных парадигм и коммуникативных установок. Так, Г. Я. Солганик в статье «Современная публицистическая картина мира» [158] замечает: «Общеизвестно, что язык создается по мерке человека. Язык откликается на потребности общества, словесно выражая новые идеи, мысли, знания. Таким образом, используя специальную лексику, язык отражает религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную, публицистическую картины мира» [158].

Таким образом, язык функционирует в качестве фундаментального инструмента коммуникации, аккумулирующего и репрезентирующего культурно-обусловленные смыслы и социальные характеристики лингвокультурного сообщества. В современном медиaprостранстве данная функция реализуется через активное использование специфических лингвистических стратегий, нацеленных на привлечение и удержание аудитории. Так, например, для русскоязычного медиадискурса характерна *риторика эмоционального воздействия*, что находит выражение в широком использовании образных средств и оценочной лексики, апеллирующей к традиционным ценностям и коллективной идентичности. Это проявляется в устойчивых словосочетаниях, таких как «*наша Родина*» или «*национальная культура страны*», которые формируют определённый эмоционально-ценностный контекст.

Содержательное наполнение медиатекстов также служит индикатором глубинных социокультурных процессов. В СМИ устойчиво присутствует акцент на *коллективистских и традиционных ценностях*, таких как патриотизм и значимость семейных институтов, что вербализуется, к примеру, в декларативных утверждениях («*семья является основой общества*»). Средства коммуникации, в свою очередь, также служат важным показателем языковых и культурных изменений. Так, например, в медиа преобладает образность и метафоричность («*цифровой мост*», «*экологический кризис*», «*политический спектакль*» и т. п.).

Невозможно не отметить, что для отечественных СМИ характерно

государственное регулирование языковых процессов, что проявляется в законодательных инициативах, направленных на укрепление статуса русского языка. Примером может послужить Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"», который ограничивает использование иностранных слов в официальной сфере, кроме случаев, когда у них нет русских аналогов. Аналогичную цель – очищение языка от избыточных заимствований – преследовало издание крымского словаря «Говори по-русски» (2022 г.). Совокупность этих мер свидетельствует о формировании пуристической тенденции в языковой политике, направленной на сокращение использования англицизмов и других заимствований.

Л. П. Крысин в работе «Эвфемизмы в современной русской речи» [102] справедливо отмечает, что «... в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обесцененной лексики. Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи – следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [102, с. 385–386]. Таким образом, речевая агрессия в СМИ также выступает отражением социальной реальности, культурных и языковых трансформаций.

Выявленные лингвистические стратегии, социокультурный контекст и коммуникативные модели в российских массмедиа позволяют определить механизмы воздействия информационных платформ на формирование общественного дискурса и ценностных ориентаций. Обладая высокой степенью динамизма, современный медиаландшафт, который характеризуется цифровизацией, доминированием социальных сетей и фрагментацией контента, приводит к появлению новых форм репрезентации культурных смыслов. Это

закономерно ведёт к трансформации языковых норм, появлению гибридных жанров и пересмотру самих принципов коммуникации, что определяет перспективное поле для дальнейших изысканий в области лингвистики, медиалингвистики и культурологии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, возникнув как инструмент для фиксации, передачи и тиражирования информации, СМИ быстро эволюционировали во влиятельный социальный институт, оказывающий значительное воздействие на формирование массового сознания, языковых тенденций и социокультурных смыслов. Поскольку медиа фактически выполняют функцию установления и распространения языковых норм, на них лежит особая ответственность за проведение целенаправленной работы по повышению общей речевой культуры и грамотности.

2.3.2. Современное состояние языка СМИ в лингвоэкологическом аспекте

Понятие «лингвоэкология» (или «экология языка» – дискуссии относительно выбора термина ведутся до сих пор, мы придерживаемся мнения А. П. Сковородникова) сформировалось в рамках антропоцентрической лингвистики как ответ на усиление деструктивных процессов в современной речевой практике. Объектом её исследования является состояние языковой среды, понимаемой как один из ключевых компонентов культурного и социального пространства. В данном контексте язык СМИ приобретает особый статус, поскольку выступает не только в роли отражения языковых тенденций, но и в качестве инструмента формирования речевых стандартов и вкуса массовой аудитории. Мы можем говорить о том, что лингвоэкологический подход к анализу медиадискурса представляется научно актуальным и социально значимым.

Лингвоэкология (лингвистическая экология) представляет собой междисциплинарную область знания, синтезирующую достижения различных гуманитарных наук. Учёные единодушно подчеркивают её высокую значимость в аксиологической, социальной, лингвокультурной и духовно-нравственной сферах

(А. П. Сковородников, Н. Л. Галеева, В. В. Воробьев, В. В. Красных, В. Н. Телия и др.). В рамках этого подхода традиционные лингвистические проблемы предлагается переосмыслить через призму экологии. Как отмечает А. П. Сковородников, «язык, точнее его «здоровье» является объектом этой науки, а экология – субъектом, задающим идеологию, методологию, а во многом и понятийную систему этой дисциплины» [155, с. 13]. Напомним, в некоторых исследованиях (например, труды А. А. Бернацкой, Е. А. Сущенко) термины «лингвозэкология» и «эколингвистика» выступают синонимами и часто взаимозаменяемы. Однако мы, вслед за Н. Н. Белозёровой, Н. В. Лабунец, В. П. Коровушкиным [107], считаем, что эколингвистика представляет собой более широкое направление (язык как система в среде); лингвозэкология – более узкое (сохранение конкретного языка и его норм).

Известные эколингвисты А. Филл и С. Стефенсен полагают, что эколингвистика структурируется вокруг четырёх ключевых аспектов: символического (исследующий применение экологической метафоры для описания языковых процессов); натуралистического или биологического (рассматривающий язык в качестве живой биосистемы); социокультурного (изучающий проблемы речевой культуры и языковой нормы); когнитивного (ориентированный на анализ процессов формирования представлений и убеждений, а также на дискурс-анализ, выявляющий ментальные концепты). Отметим, что в рамках когнитивного аспекта сами концепты понимаются как обладающие свойствами биосистемы, то есть имеющие собственную экологию и подверженные определённым нагрузкам [227]. Поскольку СМИ являются одним из значимых факторов языковых изменений и их роль в сохранении национального языка и культуры речи трудно переоценить приоритетным для нашего исследования является социокультурный аспект лингвозэкологии, нацеленный на диагностику и «оздоровление» медийной речевой среды.

Причина, по которой мы считаем, что язык СМИ может нести угрозу безопасности лингвистической экологии, отмечается в научном труде Т. Г. Добросклонской: «СМИ выполняют функции своего рода катализатора в

формировании и протекании языковых процессов.» [65, с. 46]. Исследователь также отмечает, что «слово в масс-медиа обладает необыкновенной силой: появившись однажды в телевизионной речи или на страницах прессы, оно мгновенно подхватывается массовой аудиторией, всё глубже проникая в родной язык, каким бы чуждым поначалу оно ни казалось» [Там же]. Таким образом, СМИ обладают существенной «властью» над современными процессами, протекающими в языке.

В. В. Воробьёв приводит обобщённый перечень отличительных характеристик языка СМИ. Несмотря на тот факт, что работа В. В. Воробьева отражает состояние публицистического стиля массовых коммуникаций в конце XX века, мы считаем, что это исследование остаётся актуальным материалом для изучения современных способов передачи массовой информации. Итак, для языка СМИ характерными чертами являются:

«1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего интернет, в котором развиваются новые виды текста и диалогических форм);

2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;

3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) следование речевой моде;

5) “американизация” языка СМИ» [28, с. 16].

Специалисты в сфере печатных медиатекстов считают, что газеты и журналы до сих пор пользуются спросом. Обобщая названные учёными основания для подобного вывода, мы можем выделить следующие наиболее реальные из них:

1) вопрос доверия – общество больше доверяет печатным СМИ, так как любой человек может опубликовать информацию в сети, а газетные тексты подвергаются контролю; 2) печатные СМИ имеют целевую аудиторию, чаще всего среди тех, кто не имеет доступа к электронным средствам массовой информации;

3) «осязаемость» печатного издания поясняется как «возможность подержать в руках», «приятно перелистывать страницы».

По мнению Е. А. Земской, язык газет «стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, даже грубых, пронизанных элементами жаргона и просторечий» [67, с. 91]. Исходя из этого, мы полагаем, что газетные тексты могут представлять интерес для оценки состояния современного языка средств массовой информации в лингвоэкологическом аспекте.

Следуя высказыванию индийского философа Махатмы Ганди «Хочешь изменить мир – изменись сам (начни с себя)», мы считаем необходимым прежде всего изучить газетные тексты Донецкой Народной Республики и рассмотреть возможные угрозы лингвоэкологии. Рассмотрим газетные тексты Донецкой Народной Республики за февраль – май 2022 г. и сентябрь – октябрь 2025 г. К ним относятся: «Народная Волна», «Итоги недели», «Итоги и факты», «Неделя» и «Комсомольская правда – Донбасс».

Нами был собран материал из перечисленных выше изданий методом сплошной выборки с целью проиллюстрировать некоторые характерные особенности современных газетных текстов, а также в общих чертах обозначить актуальное состояние языка печатных СМИ на территории Республики.

Напомним, что с точки зрения психолингвистики исследователи часто относят речевую агрессию к разновидности речевого поведения (отсылка к указанному ранее перечню особенностей языка СМИ). В языке газетных СМИ речевая агрессия может быть выражена в имплицитной и эксплицитной формах. Определяя способы её проявления, мы заметили, что в её основе могут лежать как языковые средства (в основном, лексические), так и тактики конфронтации и конфликтогенные субжанры.

В анализируемых изданиях были обнаружены следующие примеры *речевой агрессии*: «Обывателей “цивилизованного мира” запугивают возрождением великой державы» (комментарий к фото, «Неделя» от 03.05.2022 г.) – использование кавычек для словосочетания “цивилизованный мир” с целью

высмеивания, *запугивают* является глаголом с отрицательной коннотацией (заставлять бояться; «угрозами внушить боязнь, испуг, застрашать» [237]); *«Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит»* («Неделя» от 03.05.2022 г.) – цитата принадлежит Никите Мендковичу, в словах политолога ярко выражена оценка – *«коррупционные интересы местных элит»*; *«Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”»* («Итоги и Факты. События недели» от 03.05.2022 г., ст. «Большое ограбление по-киевски») – усилительная частица *«уж»* использована с целью дополнительного эмоционального окрашивания последующего слово *«потом»* (в п-ую очередь). Заголовок статьи также выражает речевую агрессию: автор ссылается на цитату Майкла Бейзилера, писавшего о политике ариизации: *«Холокост был одновременно величайшим убийством и величайшим грабежом в истории»*, – и этим проводит параллель.

Ещё одним ярким примером можно назвать другую статью в этом же выпуске *«Макрон мечтает править долго»*: *«Теперь шутят, что совсем скоро Макрон в восьмой раз позвонит Путину и откажется от предвыборного заявления, что Франции вообще не нужны ни российская нефть, ни её газ»* – формулировка предложения указывает на высмеивание ситуации в целом и поведения Макрона в частности. *«То есть, по мнению Мерца, получается, что Россия собирается завоевать Украину, а потом взяться за Европу»* – использование конструкции «то есть, получается», которая акцентирует внимание на авторской интерпретации события при воспроизведении, изложении или вкраплении чужой речи в нашем случае. Задействование лексических единиц с негативной окраской «обвинять», «запугивание»: *«Лидер объединения Ирина Влах обвинила молдавские власти в запугивании оппозиции»* (Итоги недели, от 16.09.2025 г.). Употребление таких единиц создаёт определённую импликатуру, которую сложно отнести к ложным или истинным ввиду отсутствия полного контекста ситуации. Однако смысл, закладываемый в высказывание, прослеживается – *«обвинила»* (усматривает вину); *«запугивание»* (применение каких-либо воздействий: словесных, физических, социальных).

Распространение аббревиатур и склонение аббревиатур в тексте. Одной из существенных проблем в языке СМИ Т. А. Воронцова считает «тенденцию к экономии языковых средств (распространение аббревиатур, склонение аббревиатур: вуз, СПИД, ОМОН)» [32, с. 25]. Для того чтобы подтвердить / опровергнуть данное утверждение в отношении газетных текстов Донецкой Народной Республики, мы выбрали газету «Неделя» с временным промежутком в 4 года: № 19 от 08.05.2018 г., № 18 от 3 мая 2022 года и № 41 от 07.10.2025 г. В анализируемом выпуске газеты – 32 страницы. Для анализа были выбраны 26 страниц (1, 28–32 страницы были исключены по следующим причинам: 1-ая страница – титульная, 28–32 – «Готовим вместе» и страницы, содержащие анекдоты, сканворд, гороскоп на неделю). Результаты количественного анализа выпусков печатного издания «Неделя» представлены в таблице ниже.

Таблица 2.1.

Результаты количественного анализа аббревиатур в исследуемых фрагментах

Наименование критерия	«Неделя» (май, 2018 г.)	«Неделя» (май, 2022 г.)	«Неделя» (октябрь, 2025 г.)
Анализируемый фрагмент в страницах	26	26	26
Общее количество аббревиатур в анализируемом фрагменте	61	120	86
Среднее число повторений аббревиатур в пределах всего фрагмента	2	4	4
Самые частые аббревиатуры (количество)	СССР (18) США (14)	ОМС (20) США (16)	США (11) СССР / ВВС (7)
Количество аббревиатур, встречающихся единожды	10	15	26
Склонение аббревиатур (количество в фрагменте)	2 (МИДу, СПИДа)	8 (БАДом, ВГИКе, СПИДом, МХАТ(а/е/е), ГОСТ(у/ам,)	6 (ЗИЛа/ом, ВГИКа, ГОСТа/у)

На основании проведенного анализа (табл. 2.1.) мы считаем возможным заключить, что тенденция к экономии языковых средств (в виде использования аббревиатур) всё ещё актуальна для современных текстов газет.

Заимствования. Изучая особенности следования речевой моде и

«американизации» СМИ, на сегодняшний день мы считаем допустимым говорить об их объединении. В связи с определённым стремлением русскоязычного общества к заимствованию так называемых «модных» англо-американских слов, а также учитывая масштабный характер этого процесса, исследователи предполагают появление угрозы сохранения литературной нормы языка. Подобная популяризация заимствований, на наш взгляд, обусловлена пропагандой западной культуры за счёт различных рекламных кампаний, а также сети Интернет. Примерами могут послужить слова, которые используются средствами массовой информации для передачи новостей в области экономики, политики, искусства, спорта: *импичмент, венчурный фонд, дрейф (дрейфовать), мониторинг, антиклерикал, рестрикция, эскалация, пиар, рейтинг, апартаменты, инсайдер, дедлайн, лейбористы, стелсфляция, биф, бренд, шринкфляция, фитнес, паркинг, троллинг* и др. («Народная Волна» от 14.02.2022 г., «Итоги и факты» от 08.02.2022 г., 03.05.2022 г., 07.10.2025 г., «Неделя» от 08.02.2022 г., 03.05.2022 г., 07.10.2025 г.; «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.).

Избыток модальных и вводных слов. Избыточность модальных и вводных слов, на наш взгляд, ведёт к подрыву авторитета издания и трудностям в интерпретации текста: размывает ответственность автора за публикуемый текст, снижает доверие читателя и затрудняет восприятие основной информации. В анализируемых текстах мы обнаружили следующие примеры: *при этом, впрочем, вполне возможно, якобы, по словам, причем, кто знает, может, помимо, к несчастью, конечно, вот только* и др. («Итоги и факты» от 08.02.2022 г., 03.05.2022 г., 07.10.2025 г., «Неделя» от 08.02.2022 г., 03.05.2022 г., 07.10.2025 г.; «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.).

Таким образом, мы рассмотрели основные особенности современного языка СМИ. Некоторые из них, чьё проявление в современных газетных текстах выражено достаточно ярко, были рассмотрены на конкретных примерах.

Опираясь на теоретические положения лингвоэкологии (А. П. Сковородников, Н. Н. Белозёрова, Н. В. Лабунец, В. П. Коровушкин и др.), мы рассмотрели ключевые угрозы состоянию языковой среды в газетных текстах и

выявили основные тенденции, влияющие на речевую культуру.

Речевая агрессия в газетных СМИ Донецкой Народной Республики проявляется как в эксплицитной, так и в имплицитной формах, например, использование лексических единиц с негативной окраской («*запугивают*», «*коррупционные интересы*», «*буйнопомешанные*»); иронические приёмы (кавычки для высмеивания – «*цивилизованный мир*») и др.

Тенденция к экономии языковых средств подтверждается ростом использования аббревиатур в газетных текстах. Количественный анализ выпусков газеты «Неделя» (2018, 2022, 2025 гг.) показал увеличение общего количества аббревиатур (с 61 до 120, затем снижение до 86); активное склонение аббревиатур («МИДу», «СПИДа», «БАДом», «ВГИКе»), что соответствует наблюдениям Т. А. Воронцовой.

«Американизация» и заимствования также создают потенциальную угрозу сохранению литературной нормы. В анализируемых текстах зафиксированы многочисленные англицизмы (*импичмент, мониторинг, дедлайн* и др.), проникающие в сферы политики, экономики, спорта и повседневной коммуникации.

Избыточное употребление модальных и вводных слов (*впрочем, вполне, возможно, якобы, по словам*) снижает доверие к изданию, степень авторской ответственности и затрудняет восприятие информации.

Выводы к Главе 2

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, раскрывающих специфику функционирования современного медиадискурса и его воздействие на языковую практику и общественное сознание.

Сформирована репрезентативная эмпирическая база исследования, охватывающая ключевые сегменты медиапространства: традиционные СМИ (газеты, федеральные телепроекты, радиоформаты) и новые медиа (сетевые издания, интервью, телеграм-каналы). Такой подход позволяет выявить как общие

тенденции, так и специфические особенности речевой агрессии в разных медиасредах.

Исходя из принятого нами в качестве рабочего определения СМИ (см. п.2.1.), мы предлагаем уточнить понятие речевой агрессии для СМИ. Так, речевая агрессия в СМИ – *коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами, в публичном поле (пространстве) с помощью технических средств передачи информации для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.*

Установлен двойственный механизм влияния СМИ на аудиторию. С одной стороны, информационные медиа эксплуатируют социальную зависимость от новостного контента, особенно в сфере геополитики. С другой стороны, развлекательные форматы представляют повышенную опасность вследствие снижения критического восприятия и повышенной эмоциональной вовлеченности реципиентов, что облегчает имплицитное внедрение идеологических установок и агрессивных коммуникативных моделей.

Определены основные тенденции в языке СМИ, представляющие угрозу лингвоэкологии: использование речевой агрессии, заимствования, склонение аббревиатур, избыточная модальность.

Проведённый анализ отражает тенденции, характеризующие влияние СМИ на современный русский язык, в том числе процессы, способные ослаблять устойчивость литературной нормы. Как отмечает Г. Я. Солганик, язык откликается на потребности общества, словесно выражая новые идеи и знания. Соответственно, СМИ участвуют не только в формировании речевых стандартов, но и отражают актуальные культурные парадигмы, что повышает их ответственность за сохранение речевой культуры и актуализирует задачу повышения медиаграмотности аудитории.

ГЛАВА 3. МАНИФЕСТАЦИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СМИ

3.1. Комплекс вербально-коммуникативных средств речевой агрессии в СМИ

Напомним, что во второй главе мы предложили определение речевой агрессии для СМИ: *коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами, в публичном поле (пространстве) с помощью технических средств передачи информации для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.*

Несмотря на то что проявления речевой агрессии в медиа носят крайне разнородный и ситуативный характер, они поддаются систематизации. Ключевым шагом для такого упорядочивания является выделение и описание комплекса вербально-коммуникативных средств, выступающих маркерами агрессивного высказывания, для повышения точности интерпретации примеров речевой агрессии в нашей картотеке. Данный параграф посвящён решению этой задачи.

Лексико-семантическое выражение агрессии

Согласно параграфу 1.2. нашей работы, к лексическим единицам выражения речевой агрессии относятся те, которые имеют инвективное / негативное значение и приобретающие его в контексте. К первой группе относятся инвективная и негативно-оценочная лексика, обценная и стилистически сниженная лексика, пейоративы, глаголы с семантикой негативной оценки, жаргон, сленг, дисфемизмы, фразеологизмы, этнофоллизмы (этнические этнонимы), окказионализмы, направленные на оскорбление, модальные слова и частицы. Ко второй группе предлагается отнести каламбурные новообразования (например,

обыгрывание имени), деструктивные сравнения и метафоры и другие единицы, основанные на возможностях полисемии и реализуемые негативное значение в определённом контексте. Некоторые из заявленных средств, на наш взгляд, нуждаются в пояснении.

Инвективная лексика

Рассматривая инвективную лексику в качестве средства речевой агрессии, мы предлагаем уточнить её характерные особенности для дальнейшего исследования.

Современное состояние инвективной лексики русского языка изучалось с точки зрения юридического (Н. Д. Голев), психолингвистического (В. И. Жельвис), функционального, прагматического, лингвокультурологического (А. Ю. Позолотин) и других аспектов, что обусловило возникновение нескольких подходов к исследованию данного феномена.

Инвективу принято считать типом речи (в качестве языкового феномена) или литературным жанром (входящим в область исследований культурологии). В свою очередь, инвективная лексика подразумевает определённую категорию слов или выражений. Считаем уместным обратиться к научным трудам В. И. Жельвиса, которые являются одними из основополагающих для теоретической базы по изучению инвектив. Исследователь предлагает рассматривать этот феномен с двух ракурсов: «способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий и табуированный» и «вербальное нарушение этического табу, осуществляемое неcodифицированными средствами» [70, с. 13]. Мы предлагаем трактовать инвективную лексику как совокупность лексических единиц с признаком «гневного резкого – устного или письменного – выступления против кого-либо или чего-либо; обвинение, обличение, оскорбление, брань» [237].

На сегодняшний день существует множество классификаций инвективной лексики: в зависимости от признака выделяют семантическую, тематическую, функциональную и другие. В рамках исследования мы придерживаемся лексико-

семантических групп инвектив, которые были предложены А. Ю. Позолотиным:

- 1) отрицательные черты характера (русофоб, жадина, стерва и т. п.);
- 2) заболевания и нестандартная внешность (косой, горбатый, хромой и т. п.);
- 3) интеллектуальные недостатки (тупой, дурак, тугодум, тормоз и т. п.);
- 4) отрицательные характеристики поведения (фашист, мошенник и т. п.);
- 5) отрицательные характеристики образа жизни (пьющий, вор и т. п.);
- 6) уничижительное название человека (гнусный тип, лох, гадина и т. п.);
- 7) вредные привычки (алкаш, обжора, стукач и т. п.);
- 8) отсутствие жизненного опыта (зелёный и т. п.);
- 9) эмоциональное состояние (бешеный, припадочный, псих и т. п.) [цит. по 55, с. 82–83].

Обценная и стилистически сниженная лексика

Л. Г. Самотик считает, что сниженная лексика полифункциональна и выполняет моделирующую, характерологическую, номинативную, эмотивную, кульминативную, эстетическую, фатическую, иногда – метаязыковую функции. Моделирующая функция сниженной и народно-разговорной лексики заключается в создании эффекта достоверности и реализма путём воспроизведения живой народной речи. Эта функция является центральной, тогда как остальные – производные от неё. Эмотивная функция передает субъективно-оценочное отношение автора или персонажа к сообщаемому. Кульминативная функция служит для акцентирования внимания читателя / слушающего на определённом слове. Это достигается двумя основными способами: нарушением графической целостности слова (орфографические или грамматические отклонения, отражающие фонетические, словообразовательные или грамматические диалектизмы); введением в текст единиц, выходящих за пределы литературной нормы, то есть лексических диалектизмов [133].

Сниженные элементы выделялись нами на основе словарей под редакцией Н. Ю. Шведовой [252], под редакцией С. А. Кузнецова [232], словарей жаргонов

В. С. Елистратова [238], Т. Г. Никитиной [248] и т. д.

Пейоративы

Исследователи отмечают, что языковые единицы могут обладать пейоративностью. Под пейоративами понимаются их свойство выражать семантику неодобрения, презрения или порицания. Объектом такой негативной оценки становятся лица, чьи действия или личностные качества противоречат принятым в обществе нормам и наносят ущерб (этический, моральный) другим членам социума. Языковые единицы, обладающие этим свойством, называются пейоративами [117, с. 6]. В. И. Карасик выделяет общие (отрицательная оценка таким людям выносится не на основе их постыдного поступка или порочного образа жизни, а вследствие несоответствия таких людей усредненному типу человека в обществе) и специальные пейоративы, которые делятся на два класса слов: объективные (обозначают глупость, лень, распущенность и т. д.) и субъективные пейоративы (расовые, национальные и прочие ярлыки) [80, с. 271–272].

Сленг / Жаргон

В российском языкознании чаще всего приводится определение В. А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [173, с. 43–44]. Однако споры в отношении определения ведутся до сих пор. В «Словаре лингвистических терминов» сленг определяется как «жаргон. Социальный диалект, групповой язык,

характеризующийся экспрессивной направленностью. Наиболее распространены следующие формулировки: 1. То же, что групповой жаргон. 2. То же, что молодежный жаргон. 3. Совокупность жаргонизмов, употребляемых в условиях непринужденного общения, составляющих слой разговорной лексики» [240, с. 333].

Жаргон трактуется как некая разновидность языка, социальный диалект, который отличается от общенационального языка особым лексическим составом, фразеологией и т. п. Существенной особенностью жаргона является то, что он используется определёнными социальными, профессиональными или иными группами, объединёнными общими интересами (ср. военный или уголовный жаргон). В лингвистике существует подход, рассматривающий жаргон как средство конспирации. Такую точку зрения разделяет А. Д. Швейцер, определяющий жаргон как своеобразную «зашифрованную речь», малопонятную для посторонних [181, с. 158].

Вместе с тем данная трактовка встречает возражения. Так, Л. И. Скворцов отмечает, что многие жаргонизмы активно проникают в просторечие и пополняют экспрессивный фонд разговорной речи, что было бы невозможно в случае их сугубо тайного характера [153, с. 53–57].

В отличие от жаргона, сленг отличается не узкогрупповой, а интегрированной социальной ограниченностью. Он не закреплён за конкретной профессиональной или социальной группой и может использоваться представителями разного социального статуса, образования и рода занятий. Эта особенность обуславливает такие его черты, как широкая употребительность и общеизвестность (ср.: *тусовка, телега, темнить, доставать, наезжать, баксы*).

Ещё одним важным отличием является вторичность образования сленга по отношению к жаргонам, поскольку он активно заимствует лексику из групповых и профессиональных подсистем. Помимо жаргонизмов в его состав входят отдельные просторечные и даже вульгарные единицы. Однако при переходе в сленг они обычно подвергаются метафорическому переосмыслению и расширению значения. Для сленга также характерны повышенная экспрессия, склонность к

языковой игре и неологизация.

Этнофолизмы

Отечественные исследователи отмечают, что термин «этнофолизм» изначально пришёл к нам из зарубежных источников, в связи с чем мы видим необходимость обратиться прежде всего именно к работам иностранных учёных для определения содержания рассматриваемого понятия.

Автором понятия «этнофолизм» («as I have named them, “ethnophaulisms”» [267, с. 13]) является А. А. Робак, который предпринял попытку создания словаря оскорбительных слов и выражений по отношению к другим народам на материале, собранном из более 20-ти языков – «A Dictionary of international slurs». Однако, как отмечает Д. Р. Райс и др., ранее был предложен другой термин для обозначения схожих лексических единиц – «эктроним»: «At about the same time that Roback (1944) coined the term ethnophaulism, Ericson (1939) proposed ecthronym (from the Greek roots meaning “hostile” and “name”) to identify the same words used as ethnic slurs to refer to out-groups» [220, с. 170]. Тем не менее в научных трудах его использование встречается редко [Там же].

В научных изысканиях существуют и другие варианты для обозначения лексических единиц, указывающих на принадлежность к какой-либо национальности и содержащих оценочный компонент. Так, например, А. И. Грищенко и Н. А. Николина полагают, что этнофолизм в большей степени применим в области социологии, чем лингвистики: «...мы считаем целесообразным употребление более широкого, хотя и составного термина экспрессивный этноним, который, на наш взгляд, адекватней термина этнофолизм характеризует собственно лингвистическое, а не социальное явление» [46, с. 177]. Относительно обоснования выбора термина авторы рассуждают так: «нельзя считать /.../, что слово хохол ‘украинец, малоросс’ обладает исключительно пренебрежительной коннотацией; в нём сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно уничижительного до ироничного и ласково-

добрососедского» [Там же]. Учитывая сегодняшние реалии, мы полагаем, что лексическая единица «*хохол*» на текущий момент всё же содержит в большей степени уничижительный компонент.

На ряду с «экспрессивным этнонимом» и «этнофолизмом» встречаются также «национальные прозвища», «пейоративные псевдоэтнонимы», «прозвищные этнонимы», «экспрессивные этнонимы», «этнические клички», «этнические ярлыки», «этнодисфемизм», «эктроним» и др. Мы придерживаемся термина «этнофолизм», поскольку, на наш взгляд, он более приближён к природе языка вражды.

О. С. Коробкова под этнофолизмом понимает «экзоэтноним с отрицательной коннотацией, относящийся к пейоративной лексике просторечия, где под пейоративной лексикой понимаются слова и словосочетания, показывающие негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение» [97, с. 205]. А. В. Гладилин предлагает рассматривать этнофолизм как «негативно окрашенное именование представителя другого этноса» [36]. В качестве основного мы предлагаем взять определение О. С. Коробковой, поскольку оно видится нам наиболее полным для последующего отбора лексических единиц, соответствующих содержанию понятия «этнофолизм».

Наиболее широко представлена типологизация подобных наименований в работе А. И. Грищенко. Напомним, что исследователь предлагает использовать другой термин – «экспрессивный этноним». В рамках механизма языка вражды считаем, что такая номинация не точно отражает именно отрицательную коннотацию этнонимов.

Итак, А. И. Грищенко выделяет 3 основные группы (прим. «ЭЭ» – экспрессивный этноним): I. немотивированные ЭЭ (обычно заимствованные из других языков, диалектов и т.д.); II. ЭЭ, мотивированные антропонимами – именами и фамилиями; III. ЭЭ, мотивированные в пределах данного языка [45]. Заметим, что вторую группу ЭЭ исследователь считает не столько самостоятельной, сколько переходной между мотивированными и немотивированными экспрессивными этнонимами; наиболее разнообразно по

способам образования в труде автора представлена третья группа.

Несмотря на то что упомянутая в настоящей работе типологизация охватывает многочисленные аспекты возникновения этнофолизмов (мотивированные / немотивированные, модели словообразования), основное внимание направлено на лингвистический принцип создания заявленной типологизации. Мы предлагаем попробовать рассмотреть возникновение этнофолизмов в современной речи с другого ракурса – больше антропологического, но с учётом лингвистических процессов.

Определяя антропологический фактор в качестве основного, мы предполагаем возможность деления этнофолизмов по следующим группам: клишированные этнофолизмы, оригинальные этнофолизмы и этнофолизмы-граффоны. Ниже приведём параметры для каждой группы.

Мы придерживаемся мнения, на наш взгляд вполне обоснованного, что изначально рождение этнофолизма происходит за счёт творческого начала, а значит его можно отнести к группе «оригинальные». Оригинальными этнофолизмами мы считаем оскорбительные номинации этноса, образованные путём словотворческих процессов, мотивированные различными признаками: будь то сравнение с животным, характерная одежда / причёска или любой другой этнокультурный стереотип. Те оскорбительные или некогда шуточные экзоэтнонимы, наиболее понравившиеся или, возможно, запомнившиеся народу, начинают появляться в речи настолько часто, что становятся шаблоном, штампом. Такие этнофолизмы мы определили как «клишированные».

На сегодняшний день мы отмечаем, что оригинальные этнофолизмы могут быть образованы несколькими способами: путём «усовершенствования» клишированного этнофолизма или этнонима (через изменение морфемной структуры), созданием новообразований, основанных на текущих политических событиях или характерной этнической черте, или даже заимствованием номинации из различных популярных текстов (художественной литературы, кинофильмов, игр, музыки и др.).

Под клишированными мы предлагаем понимать те этнофолизмы, которые

отличаются наибольшей частотностью употребления, сложившиеся исторически и закрепившиеся в языке (*хохлы, англосаксы, фрицы* и т. д.). Антропологический фактор здесь, на наш взгляд, в основном заключается в освоении устойчивых (ввиду времени) этнофолизмов несколькими поколениями. Так, например, лексема «*москаль*», согласно словарю Д. Н. Ушакова, имеет помету «дорев.» (дореволюционное), тем не менее до сих пор часто употребляется в речи [246].

Ещё один вид этнофолизмов, которые мы предлагаем выделить в отдельную группу, – этнофолизмы-граффоны. Вслед за И. В. Арнольд мы определяем граффон как «стилистически релевантное искажение орфографической нормы, отражающее индивидуальные или диалектные нарушения нормы фонетической» [3, с. 245]. Такие этнофолизмы – достаточно редкое явление. Исходя из данных нашей картотеки, мы полагаем, что в основном граффон используется для привлечения внимания коммуникантов, достижения комичного эффекта и дополнительного выражения пренебрежения. Приведём примеры таких этнофолизмов из нашей картотеки: *хахлы, уропы, бендеровцы* и др.

Окказионализмы, направленные на оскорбление

Окказиональные словообразования, созданные с целью оскорбления или унижения, служат для выражения активного неприятия говорящим определённого лица, его поступков или высказываний и призваны спровоцировать у адресата соответствующую эмоциональную реакцию. Данную особенность можно рассматривать как проявление тенденции к огрублению и варваризации речи [18, с. 358].

Несмотря на содержащийся в них элемент порицания или унижения, окказионализмы не представляют собой прямое оскорбление. В медийном дискурсе такие единицы становятся инструментом выражения оценки и мнения. Они используют существующую в обществе терпимость к грубой и непристойной речи, апеллируют к поиску одобрения и поддержки выраженных негативных чувств. Кроме того, они нередко превращаются в своеобразное развлечение, что

обуславливает их активное использование в юмористических и сатирических контекстах в СМИ.

Модальные слова и частицы

Модальность представляет собой универсальную языковую категорию, обозначающую отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего. Средства её выражения распределены по всем уровням языка, и, хотя модальные слова занимают среди них важное место, едва ли правомерно считать их «основным средством выражения категории модальности» [90, с. 188].

Модальные слова представляют собой лексикализованные словоформы, восходящие к знаменательным частям речи, но в значительной степени утратившие связь с их исходной парадигмой (например, *кажется, к счастью, на удивление*). Их ключевой функцией является роль вводного компонента. При этом наличие распространителей может восстанавливать их связь со знаменательными частями речи (*мне кажется, к нашему счастью, всем на удивление*). В лексико-грамматическом отношении фразеологические сочетания (*честно говоря, не ровен час, судя по всему* и т. д.) функционально эквивалентны слову, что позволяет рассматривать их в одном ряду с модальными словами – аналогично глагольным или субстантивным фразеологизмам.

Основным дифференциальным признаком модальных слов выступает их использование в качестве вводных элементов. При классификации вводных конструкций модальные слова следует выделять не на основе лексико-семантических оппозиций (например, уверенность / неуверенность в достоверности или иные значения), а в соответствии с грамматическими различиями между словом и синтаксическими единицами более высокого порядка – словосочетанием и предложением. Для уточнения их статуса модальные слова целесообразно включать в следующий ряд оппозиций: модальные частицы – модальные слова; модальные слова – вводные словосочетания и предложения [48].

Морфолого-синтаксические средства

К одному из средств речевой агрессии на морфолого-синтаксическом уровне относятся *грубо-фамиллярные частицы*. Данный функциональный разряд, подробно описанный в трудах А. Н. Барулина, Е. В. Падучевой и других исследователей, объединяет частицы, которые вносят в высказывание оттенок грубости, снисходительности или неуместной фамиллярности (ср.: *подойди-ка, ну это же ясно, да брось ты*). Их агрессивный потенциал заключается в способности модифицировать иллокутивную силу высказывания, превращая, например, просьбу в приказ и навязывая адресату определенную коммуникативную дистанцию.

Конфликтотенные эмотивные дискурсивные практики

Напомним, что в рамках конфликтотенных эмотивных дискурсивных практик мы рассматриваем субжанры (по К.Ф. Седову), которые могут выражать агрессию, с нашими дополнениями (непрошенный совет и сомнительный комплимент).

Инвектива

Напомним, что в современной лингвистике принято разграничивать инвективную лексику как совокупность бранных и оскорбительных единиц в системе языка и инвективу как целостный речевой акт, направленный на унижение адресата и реализуемый с помощью этой лексики (В. И. Жельвис). Так, М. А. Можейко определяет инвективу как культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата [246]. Похожим образом понятие «инвектива» трактуется и М. Л. Степко: «...инвектива в широком смысле – выражение негативной информации об адресате, приводящее к искажению

социального образа личности среди остальных членов общества, то есть к уменьшению социальной привлекательности личности» [163]. Другими словами, языковое явление инвективы – слово, то есть инвективная лексика (рассматривалась нами в рамках лексических средств) и речевое – текст (высказывание), обладающий признаками оскорбления.

Угроза

Частично это средство мы исследовали в подпункте 1.1.4 в пределах правового поля. Здесь только дополним уже описанную информацию.

Изучению феномена «угроза» были посвящены работы А. Н. Баранова, К. И. Бринёва, Н. А. Бута, Б. Б. Быстрова, В. С. Ковалевой, Е. В. Любицкой, И. А. Мартыновой, Т. Г. Рабенко, Н. Н. Нестеровой, М. А. Осадчего, Б. Фрайзера, П. Гингисса и др.

С точки зрения конфликтологии наиболее конкретизированное определение предлагает Б. Фрайзер: «Вербализованное, письменное или переданное в электронном виде сообщение, которое содержит прямое или косвенное указание на какое-либо событие, последствия которого окажут негативное воздействие на адресата либо иных лиц, с ним связанных» [206, с. 162].

В. В. Быстров, исследуя менасивные диалогические реплики, отмечает, что важно рассматривать угрозу как социально обусловленный жанр, поскольку именно благодаря анализу сочетания языковых структур и социальных контекстов жанра, в целом, мы можем сделать вывод о том, что коммуникативный акт угрозы представляет собой социально-лингвистический феномен, где намерения и ожидания говорящих интерпретируются индивидуально в зависимости от использованных языковых средств [23].

Различают эксплицитные и имплицитные менасивные реплики. Эксплицитное выражение подразумевает открытую, прямую угрозу, где действие выражено достаточно четко и конкретизировано. Ю. В. Щербинина утверждает, что угроза может принимать скрытую форму, если построена на принципах

косвенного речевого воздействия: умолчания, особой интонации, риторического вопроса. Сюда же исследователь относит враждебный намёк и иносказание [190, с. 225]. Угрозы в скрытой форме могут содержать также напоминание о статусе угрожающего, его опыте поведения в аналогичных ситуациях, влиятельности и авторитете.

Для исследования угрозы мы, вслед за А. Н. Барановым, предлагаем подразделять её на два основных типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения [8]. Автор полагает, что «угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и предупреждает адресата о наказании, которое за это последует» [8, с. 140]. Угроза-предупреждение «используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это» [1, с. 141]. Как уже упоминалось ранее, угрозу можно распознать по ряду признаков: использовании лексических средств определённого семантического поля (часто глаголов в форме первого лица будущего времени с обобщенным значением нежелательного для адресата действия) и относительно устойчивых грамматических средств (конструкций «если..., то...», я-высказываний + глагол и т. п.).

Проклятье и злопожелание

Речевой субжанр проклятия, реализуемые как в перформативной, так и в неперформативной форме, обладают устойчивым набором признаков, определяющих их функционально-прагматическое своеобразие. Эта специфика задаётся иллокутивным значением и способом его языкового выражения. По способу репрезентации выделяются три основных типа: перформативные проклятия, проклятия-пожелания и злопожелания. Кратко охарактеризуем данные типы.

Перформативные проклятия строятся с использованием перформативного глагола (например, *проклинаяю*). Для него характерны полносоставные

синтаксические конструкции, где субъект (может быть не выражен явно местоимением 1-лица), предикат и прямой объект – определяемы [103, с. 5–6]. Типовая структура проклятия-пожелания предполагает глагол *будь/будьте* в форме императива + местоимение 2-го лица *ты/вы* в именительном падеже + краткое причастие *проклят(-а, -ы, -о)*. Коммуникативной целью таких высказываний является выражение крайне негативного отношения к адресату через прямое пожелание ему быть проклятым [103, с. 14]. Для выражения злопожеланий с функцией проклятия используется особая типовая структура – оптативные высказывания с частицей *чтоб*: *Чтоб ты / Чтоб тебя* + глагол в форме на -л. Лексико-семантически глаголы-предикаты в таких конструкциях делятся на две основные группы: глаголы, описывающие действия в мифологическом контексте (например, *провалиться, сгинуть*); глаголы, обозначающие негативное физическое воздействие на адресата или нежелательные для него состояния (например, *лопнул, иссох*) [Там же].

Обвинение

Обвинение – перформативный речевой жанр, поскольку представляет собой коммуникативный поступок, то есть высказывание, являющееся актом социального поведения, что предполагает установку его субъекта на дискурсивную реализацию определенной ценности/антиценности и осознание ответственности за все последствия данного акта. Смысл реального общения при этом актуализируется посредством ценностно нагруженных коммуникативных действий: 1) осуждения, упрека, укора; 2) обвинения (действия по глаголу «обвинять» – считая виновным в чем-н., возбуждать уголовное преследование против кого-н., привлечь к суду (право, офиц.) [251; 259].

Возмущение

Простые речевые акты возмущения, имеющие одну коммуникативную

интенцию – выражение резко негативной оценки слов/действий собеседника, представляют собой краткие, сжатые, но емкие фразы, часто в форме односоставных предложений. Реплики такого типа являются своеобразными «точечными воздействиями», направленными на разрушение авторитета оппонента. Безапелляционный характер данных речевых актов придает им особую иллокутивную силу, которая в вербальном выражении речевых актов данного типа чаще всего реализуется посредством: метафор, лексических единиц с отрицательной коннотацией, идиоматических выражений.

Заметим, что тип коммуникативной ситуации, в которой функционируют приведенные высказывания возмущения, накладывает определенный отпечаток на их план выражения. Зачастую реплики выкрикиваются говорящим с места, прерывая речь основного докладчика. Тем самым эти высказывания принимают дополнительную (психологическую) функциональную нагрузку: нарушая линию сообщения собеседника, они не только выражают критику по отношению к докладчику, но также отвлекают его внимание во время выступления, нарушают его сосредоточение, сбивают с толку, провоцируя оппонента на выражение какой-либо реакции. Сложные речевые акты возмущения характеризуются наличием, как минимум, двух коммуникативных интенций: помимо экспликации отрицательной оценки по отношению к собеседнику, данные единицы могут выражать также аргументацию возмущения [159, с.67–68].

Насмешка

Проведенное нами исследование показало, что речевой жанр насмешки является одним из часто используемых способов выражения речевой агрессии в средствах массовой информации. В связи с этим, появляется необходимость изучить возможные формы проявления насмешки и ее определение.

Согласно словарю С. И. Ожегова, насмешкой называют обидную шутку, издевку [251]. Толковый словарь Д. Н. Ушакова уточняет, что насмешка также выражает ироническое отношение к кому-либо или чему-либо [257]. В свою

очередь, толковый словарь Д. В. Дмитриева предлагает два определения насмешки: 1) «насмешка – это шутка, которая обижает, раздражает вас или ставит в неловкое положение»; 2) «насмешка – ироничное, несерьёзное отношение к кому-либо или чему-либо» [58, с. 645].

Словарь синонимов Н. Абрамова к схожим по значению к насмешке относит следующие лексемы: глумление, издевательство, издевка, укол, шпилька, желчь, острота, шутка, ирония, карикатура, пародия, сарказм и др. [256, с. 246]

Изучив англоязычные словари, мы выбрали наиболее частое определение для лексемы *mockery* (насмешка) – «*insulting or contemptuous action or speech*» (*оскорбительное или презрительное действие / речь*) [266]. Стоит отметить, что ранее *mockery* означало «*act of derision or scorn; ridicule, disparagement; a delusion, sham, pretense*» (*действие, подразумевающее издевку или презрение; высмеивание, принижение; ложное представление, обман, притворство*) [265]. Несмотря на изменения определения насмешки в английском языке, его значение сохраняет негативную коннотацию: уничижительное, презрительное действие или речевой акт.

Анализ имеющихся определений насмешки показал, что исследуемый речевой акт предполагает оскорбление, унижение; является способом «задеть» адресата или объект агрессии, при этом данный акт должен быть юмористически замаскирован, или иметь первоначальный, «видимый» посыл в виде юмористического действия. Принимая во внимание вышеизложенное, мы, вслед за С. В. Дорониной мы полагаем, что «насмешка является одним из способов косвенного выражения негативных чувств» [65, с. 79], которой свойственна иллюкутивная двойственность – направляет агрессию на объект, скрываясь за шуткой. Именно в этом может лежать определенная сложность интерпретации – адресант оставляет себе «путь для отступления», указывая на шуточную форму высказывания. В подобных случаях часто встречаются отговорки: «Это всего лишь шутка, ты все не так понял.» или «У тебя просто нет чувства юмора!».

Согласно использованным для нашего исследования словарям, насмешка может иметь дополнительные особенности, так, например, выделяют легкую

насмешку (незначительную), уловимую (заметную; двойственность сохраняется, но негативное проявление становится более выраженным), откровенную (ничем не замаскированную, открытую), едкую (язвительную, колкую) и издевательскую (оскорбительную; целью которой является издевательство).

Упрёк

Упрёк подразумевает выражение адресантом косвенно (имплицитно) отрицательной оценке поступка, поведения адресата, намереваясь оказать эмоциональное воздействие на адресата с целью приведения межличностных отношений в состояние, которое отвечало бы интересам упрекающего. В своей основной функции упрёк используется для того, чтобы вызвать стыд, раскаяние адресата [147]. Коммуникативная цель упрёка состоит в демонстрации власти, социального положения, профессионального авторитета, противопоставляемых подчинённой, зависимой позиции адресата.

Ирония и сарказм – это коммуникативные тактики, направленные на косвенное выражение негативной оценки через противоречие между буквальным и подразумеваемым смыслом высказывания. Их основное отличие заключается в цели и остроте высказывания: для иронии характерна констатация контраста, скрытое противоречие, сарказм – злая, язвительная насмешка, унижение под маской иронии. Реализуются с помощью комплекса языковых средств, среди которых ключевую роль играет лексика (использование антонимов, гипербол, слов с положительной коннотацией в негативном контексте).

Непрошенный совет

В монологических текстах речевые акты совета регулярно реализуются в рамках описания предстоящей адресату деятельности. Исследователи отмечают различные виды советов, среди которых *совет-инструкция*, *совет-*

предостережение, совет-намёк, совет-рекомендация, совет-предостережение и т. п. (А. А. Соловьёва, О. А. Шутова, Т. И. Шеловских и др.). Однако среди ключевых особенностей совета выделяют именно запрос одного из коммуникантов на совет (наличие / отсутствие). Отсюда, мы можем говорить о том, что советы могут быть непрошенными (то есть отсутствует запрос на совет). Такие речевые акты, как правило, рассматриваются адресатом как нарушение личных границ и воспринимаются скорее негативно. Так, например, в бытовом дискурсе речевой акт непрошеного совета нередко выступает как реакция на действия или результаты действий коммуниканта или как несогласие с принятым им (коммуникантом) решением, выражая негативную оценку.

Конструкции непрошеного совета «в диалоге выражаются лексико-грамматическими конструкциями Тебе / Вам бы лучше + инфинитив; Ты / Вы бы лучше + глагол ед. ч. прош. врем.; (Я) советую вам + инфинитив. Непрошенный совет также может вводиться или сопровождаться вводными оборотами: *Мой тебе совет; Дам тебе совет*. При таких вводных для совета чаще всего выбирается форма императива» [147].

Сомнительный комплимент

Лексикографические источники утверждают, что русское слово «комплимент» происходит «от французского *compliment* (<лат. *complere* – наполнять, исполнять, завершать), то есть изначально оно было связано с исполнением задуманного» [260, с. 306]. С точки зрения Н. Д. Арутюновой, жанровая природа комплимента – фатическая: он служит инструментом налаживания и регулирования межличностных связей [4, с. 52-56].

В. В. Колмакова и Д. Ю. Шалков полагают, что комплименту должна быть присуща искренность, иначе он «будет расценен как издевка, шутка» [Там же, с. 130]. Исследуемый нами субжанр, обозначаемый в русском языке термином «сомнительный комплимент», далеко не всегда предполагает сомнение в искренности – он также может относиться к оскорблению, завуалированному под

комплимент. В таком случае он «сомнителен», потому что неясна интенция говорящего.

С точки зрения интенциональности можно выделить два основных типа сомнительных комплиментов. К первому относятся неуклюжие комплименты, свидетельствующие о языковой либо эмоциональной некомпетентности говорящего и вызывающие чувство неловкости или смех. Второй тип сомнительного комплимента – скрытая колкость, облечённая в форму комплимента (вспомним, что К. Ф. Седов называл колкость комплиментом со знаком минус [147, с. 193]). В межличностной коммуникации подобные комплименты выступают как своего рода провокация, балансирование на грани конфликта. В связи с тем, что открытая коммуникативная агрессия считается социально неприемлемой, используется завуалированная форма оскорбления.

Пограничными, балансирующими между первым и вторым типом можно считать «антикомплименты», в основном юмористические, определяемые Л. В. Балашовой и В. В. Дементьевым как «провокационные высказывания разных типов и интенсивности» [5, с. 463], которые по-простому можно назвать «стёбом».

К средствам, формирующие сомнительный комплимент, относятся сочетание характеризующей конструкции, включающей местоимение второго лица (*ты / вы*) с оценочным предикатом («*Ты – X*»), как в любом комплименте [1, с. 686]; нацеленность на какой-либо аспект личностной идентичности (указывали выше); использование вспомогательных слов *для, хоть (и), зато, тоже, если бы не* и т. д. (*Зато ты умная / добрая*).

Таким образом, проведенная систематизация вербально-коммуникативного инструментария речевой агрессии формирует комплексный аналитический аппарат для последующего выявления и интерпретации агрессивных высказываний в материалах СМИ.

На основании описанных речевых единиц, мы предлагаем создать модель (рис.3.1), с помощью которой появится возможность точнее определять речевую агрессию в высказываниях.

Модель анализа выражения речевой агрессии в СМИ

Речевые единицы, выраженные лексико-семантическими и морфолого-синтаксическими средствами, выступают компонентами конфликтогенного субжанра «ссора» либо служат средствами реализации агрессивных тактик. Эти тактики, в свою очередь, встраиваются в общую коммуникативную стратегию – целенаправленную модель поведения, направленную на достижение определённых целей в конфликтном взаимодействии. Паралингвистические средства (кавычки; многоточие как текстовый маркер намёка; угрожающий, насмешливый тон; использование эмодзи и др.) являются дополнительным компонентом выражения речевой агрессии.

Рис. 3.1. Модель для анализа средств выражения речевой агрессии в СМИ

3.2. Анализ вербально-коммуникативных средств выражения речевой агрессии в СМИ

3.2.1. Средства выражения речевой агрессии в традиционных СМИ

Изучение средств выражения речевой агрессии в традиционных СМИ является значимой задачей для настоящего исследования, которая обусловлена их (СМИ) ключевой ролью в формировании общественного дискурса. В отличие от цифровой среды, где агрессия часто спонтанна, в традиционных медиа (газеты, телевидение, радио) она принимает институционализированный характер. В этом параграфе внимание сосредоточено на выявлении и систематизации конкретных языковых знаков и конфликтогенных эмотивных дискурсивных практик, используемых для реализации агрессивной стратегии в медиатекстах, что позволяет выявить маркеры конфликтности.

Напомним, что в рамках традиционных средств массовой информации мы рассматривали медиатексты следующих медиапродуктов: газетные тексты Донецкой Народной Республики (информационные, информационно-развлекательные); телепроекты федеральных каналов «Мужское / Женское» (остросоциальный проект), «Звёзды в Джунглях» (жанр «реалити»), «60 минут» (общественно-политическое ток-шоу); радиопередачи «Авторadio», «Дорожное радио». Методологической основой для выявления средств речевой агрессии послужили материалы, описанные в параграфах 1.2. «Основные подходы к классификации видов речевой агрессии» и 3.1. «Комплекс вербально-коммуникативных средств речевой агрессии в СМИ».

Как отмечалось в указанных параграфах, наиболее обширно реализация речевой агрессии происходит с помощью лексико-семантических средств, которые либо имеют самостоятельное негативное значение, либо приобретают его в контексте. Исследование конфликтогенных эмотивных дискурсивных практик в традиционных СМИ, в свою очередь, позволяет раскрыть взаимосвязь между языковыми знаками, коммуникативными тактиками и контекстами их

функционирования. Такой подход позволил проследить, каким образом речевые единицы с кофликтогеном трансформируются в связную эмотивную дискурсивную практику.

Рассмотрим каждый медиапродукт отдельно, чтобы изучить характерные единицы для каждого из них.

Газетные тексты

Рассмотрим примеры выражения речевой агрессии из газетных текстов через заявленную модель в параграфе 3.1.

1. *«Радикальные латышские националисты, которые спят и видят тотальную «дерусификацию» и «латышскую Латвию», меньше всего хотят, чтобы на место русских прибывали азиаты. По их мнению, в Риге появилось слишком много темнокожих»* («Итоги и Факты. События недели». № 42 (749) от 20 октября 2025 года).

Лексическо-семантические средства: *радикальный* – прил. сторонник крайних, решительных действий, взглядов [237], *националист* – сторонник «<...> политики, основывающейся на идеях превосходства и исключительности какой-л. нации и оправдывающая господство одних наций над другими» [237, 259]; *тотальный* – всеобщий, всеобъемлющий [там же]; *дерусификация* – процесс вытеснения русского языка и русской культуры из различных сфер жизни в ряде государств на территории бывшего СССР, *меньше всего* – «нареч. совсем не» [241], *слишком* (много) – «свыше меры, свыше какого-нибудь предела» [251], *темнокожий* – «разг. <...> Тот, кто относится к представителям одной из рас или одного из антропологических типов, характеризующихся тёмным цветом кожи» [237]; *«латышская Латвия»* – идеологически окрашенная политическая тавтология; устойчивое выражение *спит и видит* – «прост. экспрес. Очень сильно, страстно хочет чего-либо, постоянно мечтает об осуществлении чего-либо» [262].

Синтаксические средства: инверсия с акцентом на смысл, что не хотят «меньше всего хотят»; вводная конструкция «по их мнению» для возможности

дистанцирования автора от дальнейших слов (создания видимости цитирования чужой позиции) с целью избежать возможных юридических последствий.

Паралингвистические средства: использование кавычек («дерусификацию» и «латышскую Латвию») в первом случае, вероятно, для обозначения не столько процесса притеснения русского языка и культуры, но и вытеснения русского населения, во втором случае – для демонстрации иронического подтекста.

В данном фрагменте перечисленные средства формируют конфликтогенный субжанр «насмешка» с помощью устойчивого выражения *«спят и видят»* и части высказывания *«меньше всего хотят, чтобы на место русских прибывали азиаты»*. Насмешка реализуется за счёт смысла всего фрагмента: сторонники крайних взглядов, поддерживающие идеи превосходства и исключительности своей нации, мечтают избавить страну от русскоязычного населения, но теперь к ним прибыло ещё и «слишком много» азиатов (в новостной статье речь идет о мигрантах из Индии), то есть о «латышской Латвии», которую они «спят и видят», не может быть и речи.

Ещё один конфликтогенный субжанр, который прослеживается в рассматриваемом фрагменте, – обвинение (в данном случае в расизме / этнической нетерпимости) за счёт тех же единиц «дерусификацию», «латышскую Латвию», а также лексической единицы «темнокожих».

Общей коммуникативной стратегией для анализируемого фрагмента можно назвать создание оппозиции «свой / чужой», то есть указание на незаконную деятельность «чужих», направленную против «своих» и моделирование угрозы для «своих» («дерусификация»).

2. *«Ведь на фоне бесконечных разговоров о гендерном равноправии довольно странно выглядит то, что женщин усадили на стулья, в то время как мужчины стоят. И если в России такая галантность естественна, то в Европе адепты равноправия могут заподозрить, что тем самым мужчины сомневаются в физической выносливости коллег-женщин. Иными словами, так они выражают свое отношение к женщинам как к «слабому полу», то есть проявляют сексизм!»* (Информационно-развлекательная газета «Неделя». №36 от 13.09.2022 г.).

Лексико-семантические средства: *ведь* – «присоединяет предложения, содержащие указание на причину, обоснование предыдущего высказывания» [232]; *гендерное равноправие* (равенство) – «<...> мужчины и женщины должны иметь равные доли в социальной власти, равный доступ к общественным ресурсам» [255]; *довольно* – «(с прил. или нареч.). В известной степени; в достаточной степени» [232]; *странно* – (нар. к странный) «вызывающий недоумение, удивление своей необычностью» [Там же]; *усадить* – «кого. Заставить, предложить или помочь сесть; посадить» [Там же]; *выносливость* – «способный много выдержать, вынести» [Там же]; *адепт* – «ревностный приверженец, последователь какого-л. учения» [245]; *слабый пол* – «экспрес. Женщины, характеризующиеся по признаку их физической силы в сопоставлении с мужчинами» [261]; *сексизм* – «идеология и практика дискриминации людей по признаку пола. Она основана на установках или убеждениях, в соответствии с которыми женщинам (либо мужчинам) ложно приписываются (или отрицаются) определенные качества» [255].

Синтаксические средства: конструкция «*на фоне... довольно странно выглядит*» создаёт контраст через сопоставление публичного дискурса о равноправии и наблюдаемой практике; условная конструкция с противопоставлением «*если в России..., то в Европе...*» формирует культурную оппозицию и показывает относительность интерпретации одного и того же поведения; вводное словосочетание «*иными словами*» является маркером перефразирования и усиления (автор подводит к однозначному выводу, делая скрытое «отношение» явным); сопоставительный параллелизм «*мужчины стоят*» / «*женщин усадили*» подчёркивает асимметрию ролей и делает контраст наглядным.

Паралингвистические средства: кавычки («*слабый пол*») маркируют это выражение как стереотипное, культурно устоявшееся, но при этом автор дистанцируется от этой номинации и одновременно демонстрирует её как объект критики; использование восклицательного знака в фрагменте «*то есть проявляют сексизм!*» может выполнять несколько функций: усиливает перлокутивный эффект (высказывание становится более провокативным и потенциально спорным) и

эмоционально-экспрессивное окрашивание высказывания, имитирует возмущение автора, которое на самом деле подразумевает иронический смысл.

Среди конфликтогенных субжанров в этом фрагменте можно выделить обвинение в дискриминации (рассуждение автора приписывает мужчинам (через их поведение) установку на неравенство и сомнение в способностях женщин), а также насмешку через единицы *«адепты равноправия»*, *«довольно странно выглядит»*, *«то есть проявляют сексизм!»* (автор высмеивает участников собрания, транслируя сообщение «западные мужчины и женщины – приверженцы гендерного равноправия, но на фото сидят только женщины, а значит мужчины считают, что женщины – «слабый пол», а это, в понимании западной культуры, сексизм»).

Общими коммуникативными стратегиями являются дискредитация и оппозиция «свой / чужой» (противопоставление отношения к женщинам в России и на Западе), которые в данном случае взаимодополняющие.

Как мы отмечали ранее, наиболее многообразно речевую агрессию выражают лексико-семантические средства. В рамках нашего анализа мы выявили ряд единиц, которые характерны газетным текстам Донецкой Народной Республики.

К *инвективным единицам* можно отнести следующие: отрицательные черты характера (*русофоб* – тот, кто испытывает русофобию [232] (является приверженцем этой идеологии), *пустослов* – тот, кто занимается пустословием; болтун, пустомеля [Там же]), интеллектуальные недостатки (*дурак* – (бранно) глупый, тупой человек [Там же]), уничижительное название человека (*козёл, мразь, подонки*), отрицательные характеристики поведения (*нацисты, псевдополитизированные маргиналы*).

Использование *жаргона* выполняет функцию социального позиционирования и создания определённого эмоционального фона. Наиболее выразительно представлен уголовный жаргон, который придаёт речи оттенок криминальной грубости и цинизма: *за решеткой* (в тюрьме), *уголовищина, уголовка* (преступный мир, уголовное дело), *шконка* (кровать, нары), *заклемил* (украл, присвоил), *нарываться* (искать конфликта, провоцировать), *чифир* (крепкий чай).

В противовес ему обнаружен молодежный и интернет-сленг (*бомбить* – сильно злить, бесит; *хаял* – от «хаять», то есть ругать, критиковать), который ориентирован на более молодую аудиторию и демонстрацию актуальности медиапродукта. Общебытовой жаргон и просторечия (*утёр нос* – превзошёл; *похлеще* – сильнее, жёстче; *по-всякому* – разными способами) служат для общего снижения стиля.

Просторечия и разговорная лексика используется для установления фамильярности и демонстративного пренебрежения. Так, например, «*пацанвы*» несёт пренебрежительный оттенок по отношению к группе людей (в контексте подразумевались представители взрослой возрастной группы). Разговорное выражение «*пухлая папочка*» придаёт фамильярный оттенок обозначению досье или компромата, что одновременно и обесценивает серьезность обвинений, и создаёт видимость закулисных интриг.

Оценочные существительные с резко негативной коннотацией также представлены разнообразно. В неё входят лексические единицы, которые в нейтральном контексте могут не нести оскорбительности, но здесь используются как социальные пейоративы и ярлыки, например, *скотина* в метафоре «*жить со скотиной*» унижает человека, приравнивая его к животному. К этой же стратегии дегуманизации относится и метафора «*бестиарий*» (средневековый нравоучительный трактат – перечень иносказательных употреблений названий животных (в том числе геральдических и мифических) [244]. Отметим также и сложносоставной ярлык «*псевдополитизированные маргиналы*», который объединяет обвинение в неискренности («*псевдо-*») и использование в словосочетании лексемы «*маргиналы*», работающую на дискредитацию объекта агрессии. Такие номинации, как «*партия эгоистов*», «*евробюрократы*», «*натовцы*», «*сексисты*», используются для стигматизации, представляя оппонентов как враждебную группу.

Заметим, что анализ газетных текстов показывает, что речевая агрессия реализуется не только на лексическом, но и на структурном уровне, где ключевую роль играют морфолого-синтаксические средства. Эти средства придают высказыванию оценочность, иронию и воздействующий потенциал, в том числе за

счёт его (высказывания) построения.

Не менее важную роль играют синтаксические средства. Основными средствами могут выступать конструкции с вводными и модальными словами, которые маскируют субъективную оценку под объективную констатацию. Так, например, конструкция *«то есть, по мнению Мерца, получается, что...»* позволяет автору представить точку зрения оппонента в упрощённом, часто намеренно абсурдном, виде, подменяя его слова и навязывая собственную уничижительную трактовку. Ещё одним характерным синтаксическим средством выступает сложноподчиненное предложение с элементом обобщения. Так, фраза *«Теперь шутят, что совсем скоро Макрон...»* использует главную часть предложения *«Теперь шутят»* для создания иллюзии, что подобная насмешка является широко распространенной точкой зрения, а не личной позицией автора, что усиливает убедительность и агрессивный подтекст. Прямое оскорбление *буйнопомешанных* получает «обоснование» через придаточную часть предложения *«и психологи говорят, что это недалеко от истины»*, где отсылка к гипотетическим специалистам служит для снятия ответственности с говорящего.

На стыке морфологии и синтаксиса находятся сравнительные конструкции, которые служат механизмом демонизации и дискредитации. Сравнение *«как джихадист»* переносит весь негативный смысл и общественное осуждение, связанное с образом террориста, на субъект высказывания. А прямое уподобление *«обращались как нацисты»* является классическим приёмом создания негативного, неприемлемого образа врага «абсолютного зла», который не требует дополнительных аргументов и апеллирует к исторически сложившемуся культурному коду.

Основным паралингвистическим средством является использование кавычек для выражения иронии и дистанцирования. Этот приём функционирует как своеобразный мета-комментарий автора, снимая с него ответственность за точность и правомерность использования лексической единицы / фразы. Например, во фразе *«Обывателей “цивилизованного мира” запугивают...»* кавычки прямо

указывают на иронию, сигнализируя, что автор не считает этот мир по-настоящему цивилизованным, и тем самым дискредитирует его ценности и страхи его обывателей.

К основным конфликтогенным эмотивным дискурсивным практикам в газетных текстах Донецкой Народной Республики относятся конфликтогенные субжанры насмешки, колкости, обвинения, указание некомпетентности и оскорбления (косвенного), тактики провокации и стигматизации.

Телепроекты

В телепроектах речевая агрессия наблюдается в прямой и инструментальной формах, другими словами, выбираемые коммуникантами средства речевой агрессии демонстрируют открытую враждебность. Проанализируем по модели из пункта 3.1. примеры из телепроектов «Мужское / Женское», «Звёзды в джунглях» и «60 минут».

1. *«А вы не боитесь, что у вас детей заберут из этой помойки, из этого хламовника, который вы устроили? <...>. Не боитесь... то есть, вы считаете, что у вас всё хорошо»* («Мужское / Женское» [289] от 17.01.2024 г.).

Лексико-семантические средства: бояться – «беспокоиться, тревожиться, опасаясь чего-л.» [232], забрать – «разг. Присвоить, отнять, захватить кого-, что-л.; взять насильно, против желания» [Там же], помойка – «разг. О грязном, запущенном, долго не чищенном месте, жилище, производстве» [Там же], хламовник – (в общем смысле) помещение, где скапливается хлам, устроить – «перен. создать, сотворить, придавая какие-л. свойства, черты» [245].

Синтаксические средства: использование риторического вопроса «А вы не боитесь...» в анализируемом фрагменте с целью акцентировать внимание на мысли «детей заберут» и заставить задуматься; присоединительная конструкция с союзом «то есть» (*то есть* – «употребляется при присоединении члена предложения или части предложения (уточняющих, конкретизирующих, дополняющих или развивающих уже высказанную мысль), соответствуя по

значению сл.: а именно, иными словами» [239] в данном случае можно интерпретироваться как «перевод» реакции собеседника.

Паралингвистические средства: задействуются обличительный (*устроили помойку / хламовник*) и угрожающий тон (*детей заберут*), при угрожающем тоне коммуникант резко наклоняет корпус тела вперёд (признак попытки оказания давления).

В предложенном фрагменте мы наблюдаем конфликтогенный субжанр угрозы (угроза-предупреждение) через единицы «*а вы не боитесь*» + глагола в форме будущего времени «*заберут*» (обратим внимание, что не была использована конструкция «*могут забрать*»); обвинения – адресату прямо указывают на вину за создание опасной или неприемлемой среды для детей («*который вы устроили*») и косвенное обвинение в безответственности (не боится, значит, не осознаёт серьёзности); также мы усматриваем в данном контексте упрёк «*то есть, вы считаете, что у вас всё хорошо*»: автор интерпретирует отсутствие страха как демонстрацию неадекватной оценки ситуации.

Коммуникативной стратегией выступает конфронтационная стратегия подчинения и убеждения, основные идеи которой – демонстрация превосходства, принуждения к действиям, которые выгодны инициатору, но идут вразрез с интересами оппонента (реализуется через угрозы, упрёки, приказы).

Проанализировав картотеку примеров, мы выявили характерные лексико-семантические средства речевой агрессии для телепроекта «Мужское / Женское» [289] являются:

1) инвективная лексика:

- отрицательные характеристики образа жизни (*алкоголик, пьющая, барыга, помоечная жизнь, разгульная, пьяница-мать, горе-мамочка, бичуган и др.*);

- уничижительное название человека (*данный персонаж, поганый наркоман, чудовище* и т. п.);

- отрицательные характеристики поведения (*мошенница, преступница, страус* и т. п.);

- вредные привычки (*алкаш, синюшник* и т. п.);

- отрицательные черты характера («*Бесстыжая!*», *бесхребетный* и др.);

2) пейоративы, нацеленные на унижение человеческого достоинства: уничижительные наименования человека (*гадёныш*, *сволочь*, *идиотка*, *чудовище*, *бесстыжая*), оскорбительные характеристики, выраженные просторечиями (*никакущие* (просторечное образование от «никакой», означающее полную несостоятельность), *блоха* («мелкое паразитическое, кровососущее прыгающее насекомое» [237], *мамаша*);

3) просторечия и грубые жаргонизмы: фонетические сокращения вроде *чё* (вместо «что»), сниженные номинации *баба* (вместо «женщина») и *мужик* (вместо «мужчина»), сленговое *походу* (в значении «по-видимому»), *бичуганы* (производное от «бич» – бездомный, опустившийся человек).

Анализ языкового материала телепроекта «Мужское / Женское» демонстрирует, что его речевая стратегия построена на использовании стилистически сниженной лексики, которая выполняет функции прямого оскорбления, социальной стигматизации и эмоционального давления. Обсценная лексика в эфире отсутствует, что обусловлено цензурными ограничениями федерального телеканала, однако её коммуникативная роль – выражение презрения и агрессии – полностью компенсируется количеством инвектив, жаргонизмов, просторечий.

Речевой агрессии в рамках этого проекта свойственны и синтаксические средства. Прежде всего, это риторические вопросы с уничижительной прагматикой, которые, формально сохраняя вопросительную структуру, по сути являются утверждениями, обвинениями или насмешками. Вопросы-обвинения («*Ты детей променяешь постоянно на мужиков?*») используют глаголы с негативной семантикой в форме будущего или прошедшего времени, чтобы констатировать вину как неоспоримый факт. Сюда же можно отнести вопросы, напрямую отрицающие права или статус адресата, например, эллиптическая конструкция «*Какие Вам дети?*». Другой подтип – вопросы-насмешки, демонстрирующие абсурдность позиции оппонента через развёрнутые и заведомо нелепые сравнения: «*Снег растает – и Вы их (деньги) на улице найдёте <...>?*».

Здесь синтаксическая конструкция используется для высмеивания финансовой несостоятельности человека.

Не менее значимы императивные и безличные конструкции, которые служат для демонстрации безусловного доминирования. Повелительное наклонения глагола – «*Заткнись!*», «*Убери свою вонючую камеру*» – устанавливают отношения «командир – подчиненный», использование императива с глаголом «*давать*» в обобщенно-личном значении (как форму совместного действия): «*Давайте мы идиотку выключаем сейчас*». Создает иллюзию коллективного решения, однако выражает приказ в открытой (явной) форме. Схожую функцию выполняют безличные конструкции с модальным словом («*Её надо лечить!*»), которые, как правило, функционируют как завуалированные директивы или имплицитные предписания (маскируют агрессию под «совет»).

На морфологическом уровне агрессия также проявляется через использование определенных глагольных форм. Так, форма будущего времени может служить для угроз-предупреждений, представляя негативное развитие событий как неотвратимое: «*Детей ты не увидишь, у тебя их отберут по суду*». Форма прошедшего времени, в свою очередь, может использоваться для фиксации обвинения в качестве установленного факта: «*Ты сама говорила, как Макс его кидает, швыряет...*».

Особенности паралингвистических средств в анализируемом телепроекте проявляются в повышении интонации, использовании обличительного, угрожающего, обвинительного тона, доминирующих положений тела, а также звуковые имитации отвращения (например, «*тьфу*»).

В телепроектах конфликтогенные субжанры реализуются активнее, чем в других традиционных СМИ. Так, в телепроекте «Мужское / Женское» субжанр оскорбления составляет основу конфликтного дискурса программы. К данной категории относятся все уничижительные номинации и характеристики (инвективная и пейоративная лексика), имеющиеся в высказываниях (*алкоголик, поганый наркоман, сволочь, идиотка, барыга* и т. д.), например, «*Я ведь знаю, что ты по любому поводу сразу в суд бежишь, верно, гадёныш?!*», «*И походу у этой*

сволочи появилась мысль, что он может так зарабатывать». Сюда же примыкают стигматизирующие формулировки, выводящие человека за рамки социальной нормы: *«Вы со своей помоечной жизнью», «Он не дружит с головой давно»* и др.

Обвинение реализуется через прямые декларации противоправной или аморальной деятельности: *«Надежда, ты такая мошенница!»*, *«Ты издевалась над ребёнком, ты сама говорила, как Макс его кидает, швыряет, как он его подбрасывает и не может поймать»*, а также через риторические вопросы, маскирующие утверждение о вине под вопросительную форму, к примеру *«Ты детей (про)меняешь постоянно на мужиков?»*, *«Ты издевалась над ребёнком?»*, *«То есть Вы взяли и украли деньги у детей и у государства?»*.

Ещё один свойственный телепроекту конфликтогенный субжанр – угроза (угроза-предупреждение и ультиматум). Выражается через глагольные формы будущего времени, конструкции *«если...то»* и *«или ... или»* для создания ощущения неотвратимости (*«По лицу получишь!»*, *«Если ты ещё раз подойдёшь, тебе придётся драться со мной»*), а также может быть выражена сослагательным наклонением: *«Один мой удар – и половина зубов упала бы на землю»*.

Императивные конструкции преимущественно образуют конфликтогенный субжанр «грубое прерывание коммуникативного контакта», то есть намеренно и резко обрывают коммуникативное взаимодействие (*«Заткнись!»*, *«Убери свою вонючую камеру»*, *«Вон! Выйди из студии!»*).

Злопожелание, несмотря на достаточно агрессивный дискурс телепередачи, появляется редко (9 единиц в нашей картотеке). К особенностям реализации этого субжанра можно отнести категоричность вердикта о будущем человека (*«В тюрьме тебе место»*, *«Чтоб у тебя детей никогда не было»*), и ретроспективный характер (*«Мало она тебя подушкой душила, мало тебя в кипяток садила, в ванной в воде травила»*).

Возмущение в телепроекте выражается номинативными и эллиптическими конструкциями (*«А чё я с ним сделаю, а?»*, *«Бесстыжая!»*, *«Клинический случай»*, *«Горе-мамочка»*). Особенность этой речевой тактики заключается в краткости и

отсутствии необходимости каких-либо объяснений, а также в эмоциональном выражении крайнего недовольства или гнева в отношении чьих-то слов, действий или сложившейся ситуации.

Таким образом, выявленные выше речевые единицы можно определить как сценарную составляющую конфликтного дискурса программы. Речевая агрессия представляется основным приёмом формата телепроекта, выполняющим три ключевые функции: 1) дискредитацию и стигматизацию участников через их вывод за рамки социальной нормы; 2) эмоциональное давление и эскалацию конфликта как основу для создания скандального контента; 3) создание эффекта «народного суда». Это позволяет говорить о том, что программа не просто отражает, а целенаправленно конструирует модель конфликтной коммуникации, представляя её как допустимую и эффективную форму «выяснения правды».

2. *«Плевать на него, и что он рядом сидит с кислой рожей»* («Звёзды в джунглях» [315] от 20.10.2024 г.).

Лексико-семантические средства: *плевать на (него)* – «...означает, что этот человек относится к кому-либо с презрением, безразличием, пренебрегает чем-либо» [258], *кислый* – «Если о человеке говорят, что он кислый, у него кислый вид, взгляд и т. п., значит, он недоволен чем-либо, подавлен и находится в тоскливо-унылом настроении» [Там же], *рожа* – «1. То же, что лицо (в 1 знач.). 2. Некрасивое, безобразное лицо, а также (бран.) о человеке с таким лицом» [251].

Синтаксические средства: бессоюзная / сочинительная структура с присоединительным оттенком *«Плевать на него, и что он рядом сидит...»* усиливает негативный эффект высказывания. Такой синтаксис типичен для эмоциональной, спонтанной речи (принцип «стимул – реакция»).

В представленной реплике прослеживается речевая тактика пренебрежения через единицы *«плевать на него...»*, указание на присутствие объекта агрессии рядом с коммуникантом, а также единицей «с кислой рожей».

Высказывание соответствует коммуникативной стратегии понижения статуса адресата через демонстрацию отсутствия к нему интереса и уважения. Здесь понижение статуса достигается обесцениванием и пренебрежением: объект

агрессии выводится за рамки значимого взаимодействия.

Для телепроекта «Звёзды в Джунглях» характерны следующие лексико-семантические средства: инвективная лексика, жаргонизмы, сленг, обценная лексика, просторечия.

Инвективная лексика представлена следующими примерами: отрицательные черты характера («*Ты слабый участник*» (указание на слабохарактерность), *наглая рожа* (наглость как черта личности), *балабол* (разг. пустослов, болтающий попусту человек), *нюня* ((разг. фам. пренебр.) плаксивый, бесхарактерный человек [249])); отсутствие жизненного опыта через прямое указание на юный возраст и незрелость (*малолетки*, *щенок* (метафорическое указание на неопытность)), *детки* (снихождительное обращение, подчеркивающее возрастное и статусное превосходство); *дитя природы* (саркастическое указание на наивность и неискушенность)). Особую подгруппу составляют гендерно-маркированные оскорбления. Так, например, в словосочетании «*бабская позиция*» используется гендерная характеристика как унижение: слово «*бабская*» (вместо нейтрального «женская») придаёт высказыванию пренебрежительный, грубый оттенок; построено на стереотипе «*бабский*» (женский) – значит слабый, эмоциональный, нелогичный.

В нашей картотеке примеров из обозначенного телепроекта речевая агрессия реализуется через обценную лексику. Наличие табуированных выражений демонстрирует ярко выраженную (открытую по форме) речевую агрессию: конструкции «*Нах* пошли*», «*нах* взять и убежать*», «*бариста ты е****» используют корень с обценной семантикой для выражения предельного презрения и / или агрессивного разрыва коммуникации. В представленных примерах использовано цензурированное оформление, где звёздочки в оригинальных фрагментах соответствуют звуковому сигналу, характерному для цензуры подобных выражений, которые формально смягчают высказывание для реципиентов, но сохраняют его агрессивный потенциал через прозрачность намёка.

Жаргонизмы и сленг выполняют специфические прагматические функции. Молодёжный и интернет-сленг (*угараеть* – «веселиться, смеяться, подшучивать»

[241]; *обсирать* – «груб., вульг.: говорить гадости, клеветать» [238]; *слить* – «в игровом сленге: умышленно проиграть; в интернет-коммуникации: раскрыть информацию» [241]) создают эффект современности и маркируют принадлежность к определённой социальной группе, реализуя идентифицирующую и фатическую функции.

Уголовный жаргон с грубой стилистической окраской (*базар* – «разговор, болтовня» [238]; *корм* – «арм., жарг.: казённая еда в институциональных средах» [247]) выполняет стилеобразующую и дисфемистическую функции.

Метафоры и сравнительные обороты также здесь служат инструментом для реализации речевой агрессии. Например, саркастическая метафора «*кокосовое изваяние*» (сочетание экзотического, «нелепого» образа (*кокосовое*) с неживым объектом (*изваяние*)) работает на обесценивание и высмеивание собеседника, представляя его как нечто нелепое. Метафора с зооморфным компонентом «*плести крысиные интриги*» (слово *крысиные* несёт ярко выраженную негативную коннотацию (ассоциации: грязь, болезни, подлость, скрытность); глагол *плести* усиливает образ тайной, хитрой деятельности, приравнивает поведение оппонентов к повадкам грызунов, что акцентирует такие негативные качества, как подлость и скрытность. Устойчивое словосочетание «*рабочая лошадь*» трансформируется в метафору «нерабочая лошадка» с помощью отрицательной приставки «не-» (*нерабочая*) суффикса -к- (*лошадка*) и выполняет функцию замаскированного высмеивания, подчёркивающего несостоятельность и неумелость объекта агрессии.

Анализ морфолого-синтаксических средств позволил выявить характерные для данного телепроекта конструкции.

Прямые приказы вербализуются с помощью глаголов в повелительном наклонении и образуют установление отношения доминирования: «*Замолчи, сейчас я говорю*», «*Сядь спокойно*», «*Слушай, когда с тобой разговаривают*».

Риторические вопросы выполняют функцию скрытого утверждения и обвинения, не требуя ответа, а навязывая негативную оценку. Рассмотрим, к примеру, вопрос-обвинение «*Ты кто вообще нахр* такая, чтобы я тебе что-то*

рассказывала?»), который выражает пренебрежение и агрессию (через усилительную частицу *вообще*, ненормативную лексическую единицу *нахр**); прерывание коммуникации (отказ в предоставлении информации). Ещё один пример (реакция на поражение в соревновании, в котором зарабатываются монеты для приобретения еды для всех участников) *«А как мы сегодня есть будем?»* передает подразумеваемое обвинение – вопрос не называет виновного прямо, но адресат понимает, что речь о нём.

Сравнительные конструкции в данном телепроекте работают как инструмент тонкой дискредитации. Пример *«Слава – такой рыцарь, которому нравится блеск доспехов, но ходить он в них не может»* содержит сравнение (*такой рыцарь*), антитезу внутри конструкции (*нравится блеск доспехов VS ходить в них не может*) и имплицитное утверждение: внешний вид важнее содержания. Это высказывание создаёт иронический контраст между образом и реальностью. Сравнительный оборот *«Он как будто в балетной школе»* высмеивает манеры человека через намеренно несоответствующее сопоставление. Отрицательное сравнение с саркастическим оттенком *«она такая же дама, как и ты»* содержит конструкцию *«такая же ... как и»*, которая формально предполагает сходство, но в контексте употребления выражает насмешку (*она не дама, и ты тоже*).

Присоединительные конструкции служат для эмоционального усиления: *«Ты слабый участник – **признай это**»*, где вторая часть предложения представлена требованием; повторение *«я не хочу»* в *«Я не хочу плести крысиные интриги, я не хочу этим заниматься»* создаёт эффект настойчивого отталкивания.

Таким образом, императивы, риторические вопросы, сравнительные обороты образует систему вербального доминирования, где форма высказывания становится инструментом воздействия.

Анализ речевой агрессии в телепроекте *«Звёзды в Джунглях»* выявляет характерную систему вербального доминирования, реализуемую через следующие конфликтогенные субжанры.

Инвектива составляет основу агрессивного дискурса, проявляясь в прямых оскорбительных высказываниях: *«Ты слабый участник»*, *«она абсолютная*

*журналистская попса»», «ты реально жалок», «бариста ты е***» и др. Прямое оскорбление проявляется через личные местоимения 2-ого лица единственного или множественного числа и наличия в высказывании инвективной лексики (*щенок, наглая рожка* и т. п.)*

Обсценная лексика, употребляемая коммуникантами, преимущественно реализует конфликтогенный субжанр «грубое прерывание контакта»: *«Нах* пошли», «нах* взять и убежать»*. Подобное использование табуированных выражений создаёт сильный агрессивный эффект (речевая агрессия в активной и сильной формах). Этот же субжанр образуется с помощью императивов: *«Замолчи, сейчас я говорю», «Сядь спокойно», «подожди, давай не начинай вот эти свои припадки», «заткнись»* и др.

Угроза (угроза-предупреждение) реализуется с помощью условной конструкции *«если...то»* и глаголов в форме будущего времени, а также может содержать императивы, например, *«Если ты не хочешь сохранить свой зад, тогда собирайся и уходи»*.

Обвинение проявляется в прямых указаниях на вину (*«Из-за тебя мы не справились», «А давай мы тебя сейчас будем обсирать, за то, что ты врешь»*) или косвенных (*«Без тебя было бы быстрее»*), а также в риторических вопросах-обвинениях: *«Ты кто вообще, нахр*, такая, чтобы я тебе что-то рассказывала?»*.

Саркастические замечания (*«Ну да, конечно, ты же у нас звезда», «Смотри-ка, включил лидера»*) реализуют конфликтогенный субжанр насмешки. Положительные или нейтральные характеристики (*звезда, лидер*) получают в контексте негативный ироничный оттенок. Результатом становится понижение статуса собеседника и создание у него чувства неловкости, а также может выступать инструментом унижения (*«Ой, началось шоу одного актёра», «Ты юмора вообще не понимаешь, дитя природы»*).

Констатация некомпетентности представлена утверждениями с отрицательными конструкциями с усилением *«вообще», «совершенно»* (*«Ты вообще не понимаешь, что делаешь»*), словами с оценочной семантикой (*«Ты тормозишь процесс», «Ты только мешаешь»*).

Непрошенный совет проявляется в снисходительных обращениях («*Следите за базаром, детки*», «*Давай не начинай вот эти свои припадки*») и в замаскированных упрёках («*Тебе бы сначала научиться себя вести*»).

Возмущение выражено через эмоциональные реакции: «*Вы чё, вообще офигели?*», «*Мне вообще неприятно с тобой здесь сидеть!*», «*Вообще отойди от меня подальше*».

Таким образом, речевая агрессия в проекте представляет собой комплекс оскорблений, возмущений, насмешек, табуированной лексики. Основными коммуникативными стратегиями можно выделить стратегию дискредитации оппонента и стратегию доминирования. Особенностью выражения речевой агрессии в телепроекте «Звёзды в джунглях» является использование «игрового» конфликта как прикрытия для реальной вербальной агрессии.

3. «*Свою войну с русской музыкой ведут европейцы. Им по-прежнему не даёт покоя “Сигмабой”. Немецкий “Шпигель” на полном серьёзе выпустил целое расследование, являются ли две поющие одиннадцатилетние девочки российскими пропагандистками <...>. Вывод: пятиклассницы – полковницы ГРУ*» («60 минут» [311] от 16.04.2025 г.).

Лексико-семантические средства: (своя) война – «разг. Проявление неприязненного отношения к чему-л.; действия, направленные на искоренение чего-л.» [232], притяжательное местоимения «своя» указывает в данном случае на ведение войны по собственной инициативе, на полном серьёзе – «разг. 1. Со всей серьезностью; серьезно» [237], не давать покоя – «постоянно беспокоить, тревожить кого-либо, вызывать тревогу или беспокойство» [261], расследование – «1. Подвергнуть (подвергать) всестороннему рассмотрению, изучению (·книж.). 2. Произвести (производить) дознание, следствие (офиц. юр.)» [259], пропагандистка – «ж. от пропагандист. Тот, кто занимается пропагандой чего-л.», пропаганда в данном случае означает «политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия» [232].

Паралингвистические средства: пауза после «Вывод», гиперболизация интонации на словах «расследование», «пропагандистки».

В анализируемом фрагменте прослеживается конфликтогенный субжанр «насмешка» через иронию, которая реализована лексико-семантическими средствами и логическим механизмом высказывания. Ирония здесь строится на несоответствии масштаба и предмета: «целое расследование» о детской песне. Логический механизм строится из представленной аргументации: серьёзное издание всесторонне исследует детскую песню с целью доказать, что одиннадцатилетние девочки являются пропагандистками, и – «доказывает». «Вывод», к которому, по словам коммуниканта, пришло издание выражается говорящим через сарказм за счёт иронической интонации и несоразмерности высказывания фактической ситуации.

В данном медиасообщении реализуется стратегия дискредитации оппонента через комическое преувеличение и иронический контраст, которые подрывают серьёзность позиции противоположной стороны: формат «расследования» авторитетного издания противопоставлен детскому культурному феномену, что создаёт эффект высмеивания логики действий объекта речевой агрессии.

В телепроекте «60 минут» [310] используется инвективная лексика, описывающая:

- отрицательные характеристики образа жизни (*коррупционеры* и т. п.);
- отрицательные характеристики поведения (*старый добрый шовинизм, политическая авантюра* (характеристика деятельности), *псевдопомощь, диктатор* (авторитарное поведение), *уголовники* (преступное поведение), *агент Кремля* (предательское, подрывное по отношению к Западу поведение));
- интеллектуальные недостатки (*клоун* (в значении глупый, несерьёзный человек), *с промытыми мозгами* (указание на отсутствие критического мышления) и др.);
- уничижительное название человека (*русофоб* (используется как ярлык и оскорбительное наименование), *неуважаемый* и др.).

Широко представлена разговорная и просторечная лексика, включающая фразеологизмы с негативной коннотацией (*запускают руки в бюджет, умываем лапы и уходим, берут на слабо*); просторечные выражения (*хлопцы тикают,*

поддаться американской плётке). В рамках телепроекта также используется военная и конфликтная лексика, представленная терминами военного дискурса, например, *позиции, побратим, братья по оружию* и т. п.

В медиатекстах телепроекта используются иронические и саркастические переосмысления, построенные на семантических инверсиях: антитеза *«саммит войны»* вместо *«саммит мира»*, *«верхи не могут, низы не хотят»*; *«настоящее правовое государство 'цэЕвропа'»* – сочетание положительной, на первый взгляд, характеристики (*«настоящее правовое государство»*) с уничижительной номинацией страны за счёт сложившегося фрейма о желании Украины стать частью Евросоюза (*«цэЕвропа»*). Стилистическое снижение в виде словосочетаний *дипломатическая лапша* (перенос значения: *«лапша»* (бытовое) на сферу дипломатии; ассоциация с *«вешать лапшу на уши»* (обманывать)), *политическая братия* (компания, содружество; имеет разговорно-шутливый оттенок), *премьерская чехарда* (*«чехарда»* – игра, но в переносном значении: беспорядок, частая смена чего-либо) создают эффект уничижительного высмеивания.

Характерными синтаксическими средствами выступают риторические вопросы, сравнительные и безличные конструкции. Так, например, регулярно задаются риторические вопросы, содержащие иронический подтекст: *«А я стесняюсь спросить, не помните, по какому поводу был майдан?»*, *«Ну и, насколько прозрачной стала работа этих двух структур, которые занимаются мобилизацией?»*. В телепроекте риторические вопросы используются, чтобы привлечь внимание слушателя к определённому факту или побудить к принятию нужной (говорящему) точки зрения. Сравнительные обороты создают уничижительные параллели (*«как раб потащится»*), где сравнение работает на дискредитацию.

Анализ речевой агрессии в примерах медиатекста «60 минут» выявил комплексное использование следующих конфликтогенных эмотивных дискурсивных практик.

Инвектива выражена через оскорбительные номинации (*коррупционеры, диктатор, уголовники, жамкающий старик, агент Кремля*), которые служат для

унижения оппонентов.

Обвинение составляет основу дискурса телепроекта. Обвинительные высказывания могут, к примеру, содержать метафоры для уличения в преступлениях и предательстве (*«запускают руки в бюджет», «те, кто угробил Европу», «хлопцы тикают со своих позиций», «поддаться американской плётке»*) или выражаться открыто (*«Они умышленно пытаются уйти от этого вопроса. <...> Это сторонники продолжения войны»*).

Насмешка реализуется через саркастические конструкции: *«Так торопились, что одного побратима бросили», «Настоящее правовое государство “цэЕвропа”», «лучшие всех знает Зеленский», «чтобы армия России заблудилась при наступлении»*. Высказывания, относящиеся к конфликтогенному субжанру «насмешка», выступают приёмами для дискредитации оппонента – выставить собеседника в нелепом, несостоятельном или недостойном свете.

Колкость проявляется в уничижительных метафорах: *«премьерская чехарда», «бумажный тигр», «сложный пассажир», «дипломатическая лапша»*, которые придают высказыванию язвительный характер.

Упрёк содержится в высказываниях: *«приличный человек бы ушёл», «Идите уже на пенсию»*, маскирующих требование *уйти* в форме совета.

Риторические вопросы в телепроекте реализовывают тактику обличения: коммуниканты с помощью риторических вопросов подводят к «нужной» мысли, связывая действия оппонента с негативными последствиями (*«А я стесняюсь спросить, не помните, по какому поводу был майдан?», «Если мы неоднократно ловили западную прессу на лжи, какие у нас основания верить ей сегодня?»*).

Угроза часто образована через семантику и безличные конструкции, выражающие модальное значение (*«додавить Киев, подавить сейчас, нужно давить врага»*), где значение глаголов выражает угнетение, притеснение, уничтожение.

Основными коммуникативными стратегиями в данном телепроекте являются дискриминация оппонента (через насмешку, колкость, и инвективу), а также стратегия демонизации врага, направленная на создание в массовом сознании

устойчивого образа «абсолютного зла» в лице западного правительства.

Радиовещание

Отметим, что в радиовещании было обнаружено наименьшее количество единиц, содержащих речевую агрессию (37 единиц). В радиопередачах речевая агрессия проявляется преимущественно в скрытых и социально приемлемых формах. Вместо открытых оскорблений используются насмешка, колкость, непрошенные советы и риторические вопросы, которые служат для создания психологического дискомфорта, демонстрации превосходства, маскируя агрессию под иронию или «конструктивную критику».

Насмешка реализуется через метафоры и устойчивые выражения. Так, например, в реплике *«Да, в своей среде обитания»* используется зооморфная метафора, представляющая действия собеседника как примитивные и нелепые; фраза *«Практически как сову на глобус»* через идиому *«натянуть сову на глобус»* высмеивает процесс, выставляя участников в абсурдном свете. Близкий к насмешке субжанр колкости, проявляющийся в формулировках *«Вы должны нас убедить, что песня получилась действительно современной...»*, которая содержит заигрывающее неверие в качественную переработку песни, или реплика *«Сам понимаешь, да?»*, которая задаётся в насмешливом тоне и может усиливать дискомфорт от допущенной ошибки.

Наблюдаются случаи констатации некомпетентности, например, через риторические вопросы (*«То есть, если бы было шоу, ты бы завалила всё?»*), которые маскируют обвинение в профессиональной несостоятельности.

Отметим также использование угроз (угроза-предупреждение), как в высказывании *«Подожди, увидишь... увидишь и услышишь»* – повторение глагола создает эффект нагнетания.

Так, речевая агрессия в данных примерах строится на системе взаимодополняющих жанров, позволяющих говорящему сохранять формальную вежливость, при этом осуществляя давление и дискредитацию собеседника через

имплицитные средства воздействия.

Проведенный анализ речевой агрессии в традиционных СМИ позволяет сделать вывод о её системном, стратегическом и многоуровневом характере. В традиционных медиа речевая агрессия является целенаправленным инструментом, встроенным в структуру медиапродукта. Это ярко проявляется в том, как агрессия служит основой для создания конфликта и драматургии в развлекательных ток-шоу («Мужское / Женское», «Звёзды в Джунглях») и используется как оружие идеологической борьбы в политических СМИ и газетных текстах (шоу «60 минут», газеты ДНР). Агрессия реализуется через сложное взаимодействие языковых средств на всех уровнях. Лексико-семантический уровень выступает основным, предоставляя обширный арсенал инвектив, пейоративов, жаргонизмов и других лексических единиц. Морфолого-синтаксические и паралингвистические средства придают агрессии убедительность и / или имплицитный характер через императивы и риторические вопросы, сравнительные обороты, использование кавычек.

Отметим, что проведённый анализ различных медиаформатов выявил жанровую спецификацию речевой агрессии. В медиатекстах политического дискурса (газетные тексты ДНР, программа «60 минут») агрессия приобретает идеологизированный характер, где выбранные средства маскируют агрессию под объективную критику.

В развлекательных телепроектах («Мужское / Женское», «Звёзды в Джунглях») наблюдается, что агрессивные высказывания систематически реализуют тактики социальной стигматизации через инвективы (*алкоголик, бичуганы*), угрозы, грубое прерывание коммуникации и социальное исключение. Примечательно, что в «Звёздах в Джунглях» агрессия наблюдается использование табуированной лексики и игрового конфликта как легитимизирующего механизма.

В радиозфире речевая агрессия выражается имплицитными конфликтогенными субжанрами насмешки, колкости и непрошенных советов. Заметим, что опасность имплицитной агрессии – в её способности воздействовать на мнения общества, оставаясь социально приемлемой и юридически

недоказуемой. Это делает её особенно устойчивым явлением в современной коммуникационной среде.

3.2.2. Средства выражения речевой агрессии в новых медиа

Средства выражения речевой агрессии в новых медиа представляют собой немаловажный объект лингвистического исследования, что обусловлено спецификой цифровой коммуникативной среды, для которой характерны высокая скорость распространения информации, гибридизация жанров и ослабление институционального контроля. В фокусе настоящего анализа находятся материалы сетевых изданий («РИА Новости», «Коммерсантъ»), портретные интервью («Осторожно, Собчак», «Стрелец-Молодец», «Алёна, блин!»), пресс-конференции по чрезвычайным ситуациям, а также информационные телеграм-каналы («Mash», «Baza», «DNR INFO»). Изучение данного корпуса текстов позволяет выявить, каким образом речевая агрессия адаптируется к условиям цифрового дискурса, трансформируясь в более сложные и замаскированные стратегии вербального воздействия. Для точных выводов мы разделили собранные материалы из новых медиа на два блока медиатекстов: сетевые форматы официальных СМИ (сетевые издания и пресс-конференции, посвященные вопросам ЧС) и социальные сети (портретные интервью и Telegram-каналы).

1.1. Сетевые форматы официальных СМИ

Сетевые издания характеризуются высокой скоростью распространения контента и занимают промежуточное положение между институциональной журналистикой и неформальной интернет-коммуникацией, вследствие чего в их текстах средства речевой агрессии требуют определённой осторожности. Сетевые издания стремятся сохранить баланс между повышением читательской вовлечённости и поддержанием официального статуса издания: в публичном пространстве СМИ использование открытых агрессивных средств недопустимо,

тогда как в социальных сетях допускается более экспрессивные формы подачи с целью удержания внимания аудитории.

Рассмотрим медиатексты сетевых изданий с применением модели, предложенной в параграфе 3.1.

«РИА Новости»

«Ответственность за произошедшее в Тбилиси несет посол Евросоюза, так как представители ЕС поддерживали попытки свержения конституционного строя в стране, заявил премьер-министр Грузии Ираклий Кобахидзе. Митингующие в Тбилиси являются членами агентуры, которая управляется извне» («РИА Новости» от 04.10.2025 г.)

Лексико-семантические средства: *ответственность* – «необходимость давать отчёт в своих действиях, поступках и т.п.; обязанность отвечать за их возможные последствия» [232]; *поддерживать* – «оказывать помощь, содействие в чём-либо; выражать одобрение кому-либо, чему-либо, согласие с кем-либо, чем-либо, присоединяться к кому-либо, чему-либо» [239]; *свержение* – (от гл. свергать) «перен. Лишать власти, могущества; низлагать» [Там же]; *митингующий* – «разг. Тот, кто участвует в митинге» [Там же], митинг – «массовое собрание по поводу каких-л. злободневных, преимущественно политических вопросов» [232]; *агентура* – «лица, проводящие чьи-нибудь идеи или служащие чьим-нибудь интересам (·газет.)» [259]; *извне* – «со стороны, от посторонних» [239].

Синтаксические средства: придаточная часть с союзом «так как» придаёт высказыванию вид аргументированного вывода. Логическая связка в данном случае делает обвинение более убедительным для аудитории.

В высказывании реализован конфликтогенный субжанр обвинения через название лица, которое, по мнению говорящего, несёт ответственность за митинг; использование термина «свержение конституционного строя», что относится к категории особо опасных государственных преступлений, а также указание на поддержку «от представителей ЕС». Использование данных единиц и подобной

квалификации действия придаёт высказыванию характер официального обвинения. Прослеживается также тактика делегитимации оппонента (направленная на подрыв или снижение социальной и моральной обоснованности действий, решений, статуса или личности актора в глазах аудитории), которая определяется сочетанием единиц «митингующие» «агентура», «управляемая извне», тем самым указывая на то, что участвующие в митинге выступают не от собственного имени и выражают несобственные интересы.

Основной коммуникативной стратегией для этого фрагмента можно назвать стратегию демонизации оппонента через создание внешнего врага: ЕС и его представители – силы, целенаправленно подрывающие суверенитет страны.

Проведенный анализ текстов «РИА Новости» [312] позволил выделить характерные лексико-семантические средства речевой агрессии.

Особенности инвективной лексики проявляются в двух типах оценочных формулировок, различающихся по степени экспрессивности и нормативной допустимости.

В первом типе используются эмоционально-заряженные, идеологически маркированные номинации с высокой степенью пейоративности (*подлые поступки, нацистский кровавый киевский режим, диктатор без выборов* (в адрес Зеленского) *террористическое государство под названием Украина* и т. п.). С помощью подобных единиц реализуется стратегия демонизации оппонента: табуированная и оценочная лексика служит инструментом конструирования образа абсолютного врага.

Во втором типе применяются формально нейтральные единицы (например, *агрессивное противоправное поведение России, воровство, украли* и др.), в которых осуждающий смысл кодируется через нормативно-правовые квалификаторы. Такие формулировки сохраняют прагматическую установку на дискредитацию за счёт приписывания оппоненту противоправных действий или противоправного статуса и тем самым нацелены делегитимировать его позицию.

Отметим, что наиболее интенсивно инвективная лексика используется в цитатах российских политиков (Д. А. Медведев, В. В. Володин), поскольку СМИ

чаще прибегают к экспрессивно-оценочной лексике через цитирование, сохраняя свою (СМИ) нейтральность.

Анализ морфолого-синтаксических средств речевой агрессии в исследуемых фрагментах позволяет выделить определённые закономерности.

Безличные конструкции с модальностью долженствования используются для оказания давления. В высказывании *«Поэтому нужно принудить Россию к миру»* безличная конструкция с модальным предикатом создаёт эффект оправданности и необходимости силового действия. Аналогично это реализуется в конструкциях с глаголами в форме будущего времени (*«придётся вернуть в Крым»*).

Синтаксические конструкции с присоединительными и пояснительными элементами усиливают агрессивный потенциал. Так, к примеру, в высказывании *«Речь о проведении выборов в Украине – лишь попытка сделать вид проведения этих выборов в ответ на требование США»* используется синтаксическая конструкция, которая раскрывает негативную оценку *«лишь попытка сделать вид»*, то есть задача, которую перед собой ставит правительство Украины, – создать видимость, а не проведение честных выборов.

Риторический приём противопоставления (антитеза) в цитатах политических деятелей намеренно сталкивает в одном высказывании противоположные идеи, образы или оценки, чтобы подсветить конфликт, усилить аргумент или сформировать у аудитории нужное отношение. Так, например, в цитате *«видимость победы нужна больше, чем освобождение заложников»* акцентируется внимание на аморальности оппонента через противопоставление ценностей.

Императивные конструкции с угрожающей семантикой. Прямое требование *«Призываю киевские власти не прятать далеко скифское золото»* сочетается с более завуалированной, но не менее агрессивной угрозой в конструкции *«Мы обязательно за ней придем»*, где использование глагола в форме будущего времени в сочетании с модальным словом «обязательно» создает эффект неотвратимости выполнения этого события.

Условные конструкции с угрожающим содержанием используются для

оказания давления: *«если к их мнению... не прислушаются», «если они вернутся, им "Магадан обеспечен"»*.

Конструкции с обобщающими местоимениями и наречиями усиливают агрессивную тональность (*«Есть все основания полагать», «фактически украли», «предельно ясно заявил»*). Эти языковые средства создают эффект бесспорности и объективности высказываемых обвинений.

Особого внимания заслуживает использование вводных и модальных слов для того, чтобы завуалировать агрессию (*якобы его злости, Россия якобы не хочет мира* и др.). Частица *«якобы»* позволяет представить позицию оппонента как сомнительную или ложную.

Так, морфолого-синтаксические средства выступают инструментом речевой агрессии с целью структурировать высказывание таким образом, чтобы усилить его воздействующий потенциал через грамматические конструкции и синтаксические приёмы.

Характерным паралингвистическим средством для анализируемых медиатекстов является использование кавычек (*«миротворцев», «диктатором без выборов», «быстрых выборов», «Шестой Республики»* и т. п.). Основной функцией использования кавычек в текстах «РИА Новости» выступает маркирование иронии, позволяя автору выразить критическое отношение к явлению или ситуации.

В сетевом издании «РИА Новости» анализ высказываний демонстрирует, как конфликтогенные субжанры используются в публичной коммуникации, прежде всего в политике, для дискредитации оппонентов, оказания давления и мобилизации сторонников. Как правило, самыми распространенными субжанрами выступают обвинение и угроза. К примеру, заявление *«Есть все основания полагать, что речь идет о воровстве, причем за этим воровством стоят сами киевские власти»* является обвинением, которое затем перерастает в угрозу: *«в таком случае, ответственность будет лежать в том числе на Нидерландах»*. Другой пример сочетания этих субжанров (обвинение + угроза) – фраза официального лица зарубежного правительства: ***«Россия нарушает... принципы ОБСЕ и международное право*** (обвинение) *в целом, за это ей грозят*

международные санкции и изоляция (угроза)».

Угроза может быть выражена ультиматумом, к примеру, в высказывании фермеров, *«заявлявших о готовности полностью заблокировать движение на границе с Украиной, если к их мнению в Европейской комиссии не прислушаются»*, или в риторике политиков: *«"На данном этапе Россия не хочет мира. Поэтому нужно принудить Россию к миру"», «Нетаньяху пообещал "довести дело до конца" при отказе движения от этого плана»*. В некоторых высказываниях используется угроза-намёк через исторический или культурный прецедент для придания агрессивного содержания. Так, Д. А. Медведев, например, предложил французам *«вспомнить время, когда царская Россия "принесла на штыках демократию во Францию"»*, что является провокационной и угрожающей исторической параллелью.

Конфликтогенный субжанр насмешки можно проиллюстрировать высказыванием С. А. Лаврова: *«Я знаю, что у вас в Германии принято, чтобы члены правительства разжевывали журналистам, что им надо писать. Мы наших журналистов немножко уважаем, оставляем на их воображение, как они будут излагать результаты пресс-конференции»*. В качестве примера упрёка (здесь – в непрофессионализме) приведем реплику С.А. Лаврова из этой же беседы: *«Вы меня, пожалуйста, цитируйте правильно»*.

Таким образом, конфликтогенные субжанры речевого жанра «ссора» позволяют оказать воздействие на адресата, будь то запугивание, унижение, дискредитация или мобилизация «своих».

«Коммерсантъ»

Анализ фрагментов в сетевом издании «Коммерсантъ» [305] позволяет выделить следующие лексико-семантические средства.

Инвективная лексика проявляется в негативных характеристиках (*умалишённых, своими грязными руками, поклонники бывшего президента* (Дж. Байдена) и др.). Характерными средствами также являются метафоры (к примеру,

«*незванные гости*» применяется для описания официальных лиц, что создаёт эффект неуважения; «*уже положенным в карман большинством (голосов)*» – для демонстрации уверенности в результатах выборов). Особый интерес представляют случаи косвенной инвективы через использование профессиональной терминологии. Фраза «*превращать европейские клубы в фарм-структуры франшиз НБА*» содержит негативную оценку через единицы «*превращать*» и «*фарм-структуры*» (означает выражает вторичность и зависимость).

Рассмотрим некоторые характерные морфолого-синтаксические средства речевой агрессии в медисообщениях сетевого издания «Коммерсантъ».

Синтаксические конструкции с противопоставлением служат инструментом скрытой дискредитации. В утверждении «*Мы здесь не для того, чтобы читать морали, а для того, чтобы применить закон*» противопоставление создает имплицитное обвинение в несоблюдении правовых процедур. Придаточная часть с союзом «так как» («*Выборы президента на Украине... могут пройти в начале июля, так как Владимир Зеленский хочет избежать конкуренции*») использует причинную связь для приписывания негативных мотивов, представляя субъективное предположение как установленный факт.

Особенно характерно для медиатекстов «Коммерсантъ» использование модальных и вводных слов (*при этом, впрочем, вполне возможно, якобы, по словам, причем, кто знает, может и др.*). Так, к примеру, выражение «*скажем мягко, далеки от идеала*» представляет собой пример эвфемистической агрессии, где смягчающая вводная конструкция маскирует негативную оценку.

Безличные и неопределенно-личные конструкции используются для придания утверждениям характера объективности. Формулировка «*Информация... является лживой*» использует составное именное сказуемое в безличной конструкции, что создает эффект независимой оценки. Конструкция «*судя по сообщениям в западной прессе*» апеллирует к анонимным источникам, маскируя субъективную позицию под объективное информирование.

Так, морфолого-синтаксические средства в данных примерах реализуют имплицитной агрессии: выбор грамматических конструкций позволяет передавать

критику и дискредитацию в завуалированной форме, сохраняя при этом видимость объективного изложения.

Медиатекстам сетевого издания «Коммерсантъ» свойственно использование конфликтогенного субжанра «обвинение», который реализует основные коммуникативные стратегии дискредитации, демонизации и оппозиции «свой / чужой». Так, например, во фрагменте *«Страны Запада выступают против участия России в расследовании причин взрывов на газопроводах. Президент Владимир Путин обвинял англосаксов в организации этих взрывов»* содержит этнофолизм «англосаксов» и лексему «обвинял», то есть фактически указывает на вину в разрушительных действиях (взрывов). В высказывании *«министр обороны Пит Хегсет фактически обвинил журналиста во лжи»* используется обвинение (обвинил во лжи), усиленное наречием «фактически», которое придаёт утверждению характер установленного факта.

Встречается в медиатекстах и конфликтогенный субжанр «угроза»: угроза-опасность, например, формулировка «создаёт опасность» в высказывании *«Александр Лукашенко заявил, что желание Польши «побряцать ядерным оружием» создает опасность для обороноспособности республики»* прямо маркирует действие как угрожающее для госбезопасности; а также угроза-обещание (*«Он (Д. А. Медведев) заявил, что “первый эпизод сыгран”, и пообещал, что “будут и другие”», «Ранее Дмитрий Медведев грозил Киеву «судным днем» в случае нападения на Крым или Крымский мост»* и др.).

Конфликтогенный субжанр возмущения может быть представлен реакцией на действия оппонента, как, например, в заявлении премьер-министра Эстонии: *«Это уже угроза безопасности Эстонии и очень четкий сигнал...»* или в оценке выборов во Франции: *«Это чёрный день для нашей демократии и нашей страны, когда голоса миллионов французов украдены судьей».*

Конфликтогенный субжанр «насмешка» также прослеживается в анализируемых медиатекстах (наиболее характерно для спортивных новостей, но встречается и в политических). Так, к примеру, наблюдается ироническая дискредитация через выражение «побряцать ядерным оружием» или в

высказывании *«Впрочем, решение Верховного суда по абортам, обыски в поместье Дональда Трампа в Мар-а-Лаго, а также обилие достаточно одиозных – даже для значительной части республиканцев – кандидатов от этой партии оставляют демократам шанс хотя бы удержать Сенат».*

Анализ встречного текста

Исследуя новостные сообщения сетевых изданий, мы обратили внимание на то, что эти ресурсы позволяют реципиентам не только получать информацию, но и реагировать на неё, таким образом реализуется принцип «встречного текста». Под «встречным текстом» реципиента понимается «определенный набор реакций, фиксируемых самим адресатом в форме письменных высказываний как отклик на исходный текст-стимул» [11, с. 25]. Включение таких комментариев в наш анализ позволит рассматривать речевую агрессию как динамический процесс, где аудитория активно участвует в создании и закреплении конфликтогенных дискурсивных практик, поскольку новые медиа представляют собой не просто источник информации, а интерактивную коммуникативную платформу, где текст статьи и комментарии образуют единый дискурсивный комплекс. Интересным нам видится изучение встречного текста именно в рамках сетевых изданий (официально зарегистрированных СМИ), а именно «РИА Новости» (сохранены авторские орфография и пунктуация).

Отметим существенный факт, которым мы руководствовались для анализа встречного текста: реципиенты могут отреагировать на новостное сообщение в течение 24-х часов, что обозначено самим изданием («Участвовать в дискуссии можно в течение 24 часов после выпуска статьи» [312]). Некоторые публикации не вызвали дискуссии, хотя статистика на Интернет-ресурсе свидетельствует о значительном количестве просмотров. Так, например, это значение может варьироваться от 600 до более 20000 просмотров (показатель просмотров к новости «"Участвовать в конфликте"». В Киеве сделали шокирующее заявление о Британии» составляет 11812, однако реакции реципиентов не обнаружены).

Вероятно, подобную ситуацию можно объяснить так: а) работа модераторов (о чём неоднократно упоминали постоянные пользователи в рамках дискуссий); б) недостаточно резонирующий новостной текст (не вызвал эмоционального отклика у реципиентов); в) просмотр новостного сообщения по истечении 24-х часов после его публикации. Материал, собранный для анализа и соответствующий требованиям, составил 100 реакций (высказываний пользователей) за период 01.01.2024 – 20.01.2024 г.

Рассмотрим один из примеров через модель, предлагаемую в параграфе 3.1.

«А что так? Не понравилось? Ну, надо терпеть и не надо стрелять по мирным людям России!! А то может пора врезать украм по-израильски? Ведь очень просят!!» («РИА Новости», встречный текст к новостной статье за 05.01.2024 г.).

Лексико-семантические средства: *терпеть* – «стойко и безропотно переносить физические и моральные страдания, муки, лишения» [232]; *стрелять* – «убивать из огнестрельного оружия» [Там же]; *врезать* – «(разг.-сниж.) сильно ударить; (разг.-сниж.) сильно наказать» [Там же]; *ну* – «подчёркивает заключительный характер высказывания» [Там же]; *украи* – этнофоллизм от «украинцы»; *по-израильски* – отсылка к крупномасштабным военным действиям со стороны сил Армии обороны Израиля в палестинский сектор Газа с целью уничтожения группировки ХАМАС; *очень* – «*весьма, в высокой степени*» » [Там же]; *просить* – «обращаться с просьбой, склонять к исполнению желаемого» [239].

Синтаксические средства: риторические вопросы *«А что так?»* и *«Не понравилось?»* (в первом случае с использованием эллиптической конструкции *«что так»* в значении «по какой причине такая реакция», во втором – задействована пресуппозиция); союз *«и»*, который соединяет безличные конструкции с модальностью необходимости и её отрицательную форму (*«надо терпеть и не надо стрелять»*); разговорный союз *«а то»* в значении «в противном случае, иначе»; неопределённо-личное восклицательное предложение с усилителями значения *«ведь»* и *«очень»* (*«Ведь очень просят!!»*).

Паралингвистические средства: два восклицательных знака вместо одного

употребляется как средство усиления экспрессивности утверждений и привлечь внимание к ключевым идеям высказывания.

В анализируемом фрагменте текста прослеживается тактика издёвки через единицы «*А что так? Не понравилось?*» с целью высмеять реакцию объекта речевой агрессии (в данном случае жителей Украины) и, ориентируясь на общий контекст фразы, данные единицы могут быть интерпретированы как злорадство. Активно задействована тактика провокации через наставление «*надо терпеть и не надо стрелять*» и скрытую угрозу («*а то*», «*может пора*», «*врезать по-израильски*») как предупреждение о последствиях невыполнения наставлений.

В качестве основной коммуникативной стратегии можно выделить стратегию доминирования, выраженную в примере запугиванием через издёвку, наставление и скрытую угрозу.

Анализ заявленных примеров выявляет значительный пласт инвективной, стилистически сниженной и обценной лексики, которая используется для агрессивной оценки оппонентов и происходящих событий.

Так, лексический состав высказываний выявляет использование языковых средств, направленных на выражение агрессии, уничижения и дегуманизации оппонентов. Лексико-семантические средства можно представить несколькими основными блоками.

Инвективная лексика представлена прямыми оскорблениями и уничижительными номинациями. Идеологически окрашенные ярлыки, которые мы впоследствии отнесли к этнофолизмам (*украионацисты, укрофашисты, бендеровцы и амерофашисты*), выполняют функцию риторического клеймения, отождествляя оппонентов с абсолютным злом. Прямые оскорбления (*мерзавец*) сочетаются с дегуманизирующими наименованиями, где противник обозначается как *нечисть, отродье, гниль, гады* или *сброд*.

Стилистически сниженная и просторечная лексика в исследуемых примерах используется для выражения пренебрежения и глумления. Гибель людей описывается с помощью лексических единиц *дохнуть* и *сдохнуть*, что выражает пренебрежение к человеческой жизни. Речь и реакции оппонентов

характеризуются через зооморфные метафоры (*верещат, завывали, заскулили*), что лишает их высказывания смысла и рациональности. Фамильярные выражения (*дать пинка, пошлепать, пинками выгонят*) демонстрируют установку на безнаказанное применение силы.

Лексика прямого физического уничтожения составляет ядро речевой агрессии во встречном тексте. Императивы «*сравнять с землёй*», «*очистить / зачистить от отродья*», «*добивать*», «*дорубить лес*» содержат прямые призывы к насилию. Зооморфная метафора в сочетании «*сафари на хряков*» представляет военные действия как развлекательную охоту, что соответствует стратегии дегуманизации.

Обширный пласт лексических средств в анализируемых фрагментах представлен этнофолизмами. В связи с этим, особенно интересным представляется анализ таких лексем, в результате которого мы предложили авторскую классификацию этнофолизмов (представлена в параграфе 3.1.).

Рассмотрим несколько примеров оригинальных этнофолизмов (для указания количества упоминания одинаковых единиц мы предлагаем использовать пояснение «*n случаев*», далее – «*n*» С). Усовершенствования через изменение морфемной структуры:

- префиксальное изменение – *выруси* (1 С), *вукраинцы* (1 С);
- суффиксальное изменение – *бритишии* (1 С), *украинишии* (1 С), *англичашки* (1 С), *москоляки* (1 С), *индишии* (1 С), *евреишии* (1 С), *европцы* (1 С), *кастрюлькины* (1 С);
- усечение без / с суффиксацией – *бандерьё* (1 С), *саксы* (2 С).

Оригинальные этнофолизмы нередко могут быть образованы путём сложения (*укронацики* (2 С), *укронацисты* (5 С), *бандероукропы* (1 С), *хохлонацисты* (1 С), *укрофашисты* (5 С), *наглосаксы* (2 С), *амерофашисты* (1 С), *снизужолтые* (1 С), *кострюлеголовые* (1 С)), контаминации (*евроукры* (1 С), *укропы* (1 С), *армяногедон* (1 С)), эвфемизации / дисфемизации (*братья наши меньшие* (1 С), *небратья* (1 С), *недорубленный бандеровский лес* (1 С)), образованием сложных существительных (*дубы-укры* (1 С), *амеры-фашисты* (1 С), *гастарбайтеры-басмачи* (1 С)) и словосочетаний через согласование прилагательного, как правило образованного

от уже существующего в языке этнонима или этнофолизма, и существительного с негативной коннотацией (*гады бандеровские* (2 С), *бандеровская гниль* (1 С), *бандеровское отродье* (1 С), *бандеровская нечисть* (1 С), *американская нечисть* (1 С), *нацистские нелюди* (1 С)).

В пределах полученных нами данных к клишированным этнофолизмам мы относим: *хохлы* (2 С), *бандеровцы* (10 С), *хряки* (1 С), *бандеры* (2 С), *окраинцы* (3 С), *укры* (11 С), *москалы* (1 С), *англосаксы* (6 С), *янки* (5 С), *бриты* (4 С), *амеры* (7 С), *америкосы* (5 С).

К примерам этнофолизмов-граффонов мы относим следующие номинации из собранного материала: *хахлы* (1 С), *уропы* (1 С), *бендеровцы* (1 С), *украинцы* (1 С), *англосакцы* (1 С), *наличане* (1 С), *англосексы* (1 С), *англо-саксы* (1 С).

Для наглядности мы оформили полученные результаты в таблице (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Распределение фактического материала в соответствии с авторской типологизацией

№ п/п	Наименование группы	Количество единиц в исследуемом материале	Количество единиц в исследуемом материале с учётом повторений
1	Оригинальные этнофолизмы	36	48
2	Клишированные этнофолизмы	12	57
3	Этнофолизмы-граффоны	8	8
Всего:		56	113

Не менее интересной нам видится возможность пронаблюдать количество этнофолизмов, используемых для характеристики определённого народа. Так, например, из 56 обнаруженных нами единиц 32 ед. были направлены на украинцев, 10 ед. – англичан, 6 ед. – американцев, 3 ед. – русских, 5 ед. – других. Стоит отметить, что при условии повторения уже использованных единиц ситуация выглядит следующим образом: 65 этнофолизмов направлены на украинцев, 20 ед. – англичан, 20 ед. – американцев, в остальных случаях количество не изменилось. Очевидно, ввиду текущих политических событий фокус сместился на украинцев. Однако если в рамках анализируемого количества реакций этнофолизмы в сторону

других национальностей встречаются довольно редко, то такие единицы в отношении англичан и американцев все ещё активно употребляются, что также обусловлено геополитической ситуацией.

Так, этнофолизмы составляют значительный пласт лексических средств речевой агрессии во встречном тексте, что позволило предложить их авторскую классификацию, выделяющую три основные группы данных единиц. Наиболее частотными являются клишированные этнофолизмы (*укры, англосаксы*), формирующие устойчивое ядро агрессивной лексики, тогда как оригинальные этнофолизмы (*украицики, бендеровское отродье*) демонстрируют активные словообразовательные процессы, расширяя и актуализируя инструментарий речевой агрессии. Особую стилистическую роль играют этнофолизмы-граффоны (*хахлы, англосексы*), служащие для усиления негативной оценки через намеренное орфографическое искажение. Количественный анализ выявил 113 случаев употребления, при этом тематическая направленность дискурса проявляется в явном доминировании этнофолизмов, адресованных украинцам (65 случаев), что свидетельствует о функционировании данной лексики как средства речевой агрессии, чья интенсивность и адресаты напрямую детерминированы текущей геополитической повесткой.

Примеры встречного текста из нашей картотеки позволили выявить синтаксические средства, служащие для выражения речевой агрессии. Использование глаголов в повелительном наклонении, которые формируют директивный тон высказываний: *«Да сдайтесь уже, бандеровцы!»*, *«Работайте, братья!»*. Наблюдаются также безличные предложения с выражением модальности, например, *«Надо очистить...»*, *«Надо с землёй всё ровнять!»*.

Для создания экспрессии и образности используются противопоставления: *«Или мы под америкосами, или нас нет»*, *«не ждем, а готовимся»*. Риторические вопросы (*«А что случилось?»*, *«А работать евроукры не пробовали?»*, *«Чё опять врешь?»*) выполняют обвинительную, провокационную функции. Множественные повторы императивов (*«Гоните эту американскую нечисть... Гоните!»*) усиливают агрессивность высказывания.

Таким образом, анализ «встречного текста» (комментариев пользователей) в сетевых изданиях показал, что аудитория продуцирует и закрепляет агрессивные практики. Здесь формируется наиболее радикальный пласт лексики, включая дегуманизирующую инвективу (*нечисть, отродье*), оригинальные этнофолизмы (*украинацики, бендерё*) и прямые призывы к насилию.

В высказываниях доминируют прямые угрозы и инвективы, которые поддерживаются обвинениями, злопожеланиями и насмешками, создавая «поле вражды».

Основное место во встречном тексте занимает инвектива – не просто как использование бранных слов, а как развернутое высказывание, цель которого – унижение и оскорбление противника. Так, например, инвективная метафора в высказывании «*Теперь и британский мини-Гитлер приехал обняться со своим украинским "коллегой"*» называет Б. Джонсона «британский мини-Гитлером», основывая сравнение на его авторитарных наклонностях, и указывает на то, что у него есть «коллега» (В. Зеленский). В высказывании «*То, что оно оказалось в руках бандеровцев вина мерзавца Ельцина*» инвектива направлена одновременно и на непосредственного врага (*бандеровцы*), и на «внутреннего предателя» (*мерзавец Ельцин*).

Встречный текст содержит конфликтогенные субжанры угрозы и злопожелания. Это могут быть призывы к физическому уничтожению: «*Бандеры должныдохнуть каждый день пачками*», «*Надо очистить всю Украину от бандеровских националистов. Всю, полностью!!*», «*Сравнить с землёй родину укрофашистов*»; ультиматумы («*Или мы под америкосами, или нас нет*»); угрозы-обещания («*Один залп и война закончится!*», «*Ракет хватит на всё и на всех*»).

Обвинения здесь носят идеологический характер: вся Украина и её руководство обвиняются в нацизме (*бандеровские националисты*), а Запад – в фашизме и «инфернальном» зле (*американская нечисть*).

Насмешка и колкость в анализируемых высказываниях часто содержат соответствующие эмодзи, что подчеркивает издёвку и эмоциональную отстраненность от чужих страданий: «*Зато от небратьев визгу*», «*Укры*

приуныли☹», «А мне не жалко **“братьев наших меньших”**».

Таким образом, в пределах встречного текста речевая агрессия реализуется через угрозы, колкости, насмешки, обвинения и призывы к насильственным действиям, что образует стратегии нападения, дискредитации, дегуманизации, демонизации и оппозиции «свой / чужой».

1.2. Пресс-конференции, посвящённые вопросам по чрезвычайным ситуациям ЧС

Пресс-конференция по ЧС представляет собой собрание представителей средств массовой информации, которое проводят официальные лица для информирования по актуальным вопросам, связанным с чрезвычайными ситуациями.

Проведенный анализ примеров медиатекстов, посвящённых проблемам ЧС, позволил выделить характерные лексико-семантические и синтаксические средства. К лексико-семантическим средствам относятся инвективная лексика (*мытарь, социально опасный элемент и др.*), разговорные выражения, которые придают эмоциональность (*«вывели за скобки», «гуляет по интернету»* и т. п.) и метафоры (*«многострадальная республика», «изолировать на глазах у всей страны»* и др.). Остановимся подробнее на метафорах, которые могут приобретать негативно-оценочное значение непосредственно в контексте. Так, к примеру, эпитет *«многострадальная»* (*«Была принята норма о так называемых зонах контроля, по которой: если где-то в тайге начался пожар и рядом нет населённых пунктов, – можно не тушить. К чему это приводит очень хорошо видно на примере многострадной Республики Саха (Якутия)»*) трансформируется в метафору, создающую образ территории, обречённой на вечные страдания по вине властей. Фраза *«изолировать на глазах у всей страны»* метафорически указывает на публичное наказание, усиливая агрессивный призыв, и обладает самостоятельным негативным значением.

К синтаксическим средствам реализации речевой агрессии в медиатекстах

относятся синтаксический параллелизм и лексический повтор («*внезапно наступает весна... внезапно наступает половодье*»), которые используются для создания саркастического эффекта, высмеивающего непрофессионализм власти; антитеза, резко противопоставляющая катастрофу и действия чиновников, в высказывании «*Даже если всё сгорело... мытарь всё равно придет*» («*всё сгорело*» – образ катастрофы, утраты, бедствия; «*мытарь всё равно придёт*» – образ бюрократической системы, которая продолжает функционировать, игнорируя бедствие).

Таким образом, в анализируемых текстах речевая агрессия не проявляется в открытой форме. В формате пресс-конференций речевая агрессия представляет собой синтез разговорной и инвективной лексики, которая усиливается за счёт синтаксических построений, формируя обвинительный, саркастический или эмоционально-обличительный тон.

Конфликтогенные речевые субжанры в пресс-конференциях по ЧС используются как инструмент социальной критики, оправдания и усиления значимости проблемы. В данных медиатекстах четко прослеживаются упрек, обвинение и возмущение, адресованные не конкретным лицам, а системе в целом.

Характерным конфликтогенным субжанром является «констатация некомпетентности» через упрёк, который перерастает в обвинение. Так, например, в высказываниях о лесных пожарах и половодьях выражается упрёк в непрофессионализме и безответственности: «*Большая ошибка была сделана в 2007 году с принятием лесного кодекса, когда настоящего хозяина леса – лесника – просто “вывели за скобки”*», «*Была принята норма о так называемых зонах контроля, по которой, если где-то в тайге начался пожар и рядом нет населённых пунктов, можно не тушить*». Здесь, например, выражение «*вывели за скобки*» служит дисфемизмом для нейтрального термина «*упразднили*», подчёркивая негуманность реформы. В примерах прослеживается указание на причинно-следственную связь между принятыми решениями и текущим катастрофическим положением (*принятие лесного кодекса = большая ошибка; принята норма о зонах контроля в тайге: вблизи нет населённых пунктов = пожар можно не тушить*).

Конфликтогенный субжанр «констатация некомпетентности» может относиться как к системе, так и к конкретным лицам. Так, например, в пресс-конференции, посвященной трагедии в «Зимней вишне», говорящий, напротив, защищается от подобных обвинений, используя тактику опровержения через демонстрацию компетентности: *«Уважаемые господа, существует только один официальный документ... У меня есть копия этого документа», «Мы её не опровергаем: данные видеофайлы, они – правдивы..., только надо иметь в виду...»*. Это попытка пресечь потенциальные обвинения в некомпетентности или сокрытии информации, демонстрируя осведомленность и владение фактами.

В контексте трагедии в «Зимней вишне» реализуются возмущение в адрес общественной реакции и, возможно, проведения следственных действий: *«Он действовал согласно уставу. Так нет, он оказался социально опасным элементом, который надо изолировать на глазах у всей страны!»*. Это эмоциональная реакция на, по мнению говорящего, несправедливое преследование сотрудника, следующего инструкциям.

В призыве следить за безопасностью детей на воде (*«Не на всех родителей есть надежда. У воды нет чужих детей!»*) прослеживается упрёк через призыв к коллективной ответственности. Фраза *«Мы должны понимать, что в нашей стране, для нашего народа, ответственность всегда несёт государство... Это просто тезис, который должен быть написан... на “правительстве”»* построена как косвенный упрёк: автор не обвиняет прямо, а подводит реципиентов к нужной идее – ответственность власти перед народом не достаточна.

Таким образом, в подобных медиатекстах конфликтогенные субжанры служат инструментом для критики ошибок, защиты от несправедливых обвинений и уличения в некомпетентности.

II. Социальные сети

Для исследования механизмов выражения речевой агрессии в пространстве социальных сетей в первую очередь рассмотрим портретные интервью – тексты,

размещаемые самими интервьюерами на своих страницах.

II.1. Портретные интервью

Проанализируем пример из портретных интервью через предлагаемую нами модель.

1. *«Ты не психолог по образованию. Ты приходишь к юным девушкам и, в общем, делишься прочитанными книгами. Не кажется ли тебе, что это немножечко амбициозно?»* (К. Собчак. Интервью с В. Гогунским) [291].

Лексико-семантические средства: в общем – «вводное словосочетание, обобщающее предшествующее высказывание и соответствующее по значению сл.: в сущности, по существу» [239]; *делиться* – «перен., рассказывать что-н. кому-н. дружески; взаимно обмениваться чем-н.» [251]; *казаться* – «представляться воображению, мысли, предполагаться» [259]; *ли* – (частица) «усиливает вопросительный характер предложения» [232]; *немножечко* – (уменьш. к нареч. немножко, немного) «употребляется как показатель степени проявления каких-либо свойств, качеств и т.п.; в некоторой степени, чуть-чуть, слегка» [239]; *амбициозно* – «оценочная характеристика чьего-либо поведения, чьих-либо действий, поступков как отличающихся амбициозностью, проявлением обостренного самолюбия, чрезмерного самомнения, чванства, спеси» [Там же].

Синтаксические средства: вопросительная конструкция *«не кажется ли тебе»*, которая используется для попытки подтолкнуть собеседника к определённой мысли (скрытый закрытый вопрос, который включает уже готовую позицию-ответ); повторяющиеся личное местоимение 2-ого лица единственного числа *«ты»*, использование усилительной частицы *«ли»*, уменьшительная форма наречия *немного «немножечко»*.

В высказывании реализуется конфликтогенный субжанр «констатация некомпетентности» через утверждение *«Ты не психолог по образованию»*, то есть говорящий указывает на несоответствие действий адресата его навыкам (в контексте ситуации: указывать девушкам на наличие психологических проблем,

давать соответствующие рекомендации и т. д.), которое усиливается с помощью синтагмы *«делишься прочитанными книгами»*.

В анализируемом фрагменте также прослеживается конфликтогенный субжанр «насмешка», который образован единицами *«не кажется ли тебе»*, *«немножечко амбициозно»* в совокупности с уличением в некомпетентности. В данном случае насмешка выражается ироничным замечанием с целью задеть, поставить в неловкое положение и осмеять; направлена на то, чтобы подчеркнуть несоразмерность действий и оснований. Ещё один конфликтогенный субжанр, который можно выделить в исследуемом фрагменте, – упрёк (упрёк-осуждение), реализуемый в высказывании косвенно (указывается юный возраст девушек, чтобы усилить этическую нагрузку высказывания). Контекст всего отрезка речи демонстрирует неодобрение тем фактом, что адресат навязывает свои установки и мировоззрение молодым девушкам (*«Ты не психолог»*, *«Ты приходишь к юным девушкам и <...> делишься прочитанными книгами»*).

К стратегиям, которых придерживается говорящий можно отнести стратегию оспаривания легитимности (нет требуемой квалификации – действия не соответствуют квалификации – аудитория уязвима – амбиции избыточны), и дискредитации оппонента через насмешку и упрёк с целью создания негативного образа объекта агрессии, изменить общественное мнение в выгодную для инициатора сторону.

Проследим, какие средства речевой агрессии и коммуникативные стратегии используют коммуниканты на примере отдельных выпусков портретных интервью (*«Осторожно, Собчак!»*. Интервью с В. Гогунским, *«Стрелец-Молодец»*. Интервью с О. Иванченко, *«Алёна, БЛИН!»*. Интервью с А. Волочковой). Выбранные нами примеры получили большой резонанс в социальной сети: пользователи активно обсуждали коммуникантов и их взаимодействие, в частности блогерами изучались материалы интервью в рамках психологических разборов.

Расшифровка интервью с Виталием Гогунским выявляет активное использование речевой агрессии, которая реализуется на различных языковых уровнях. Выявленные лексико-семантические средства можно разделить на две

группы: обладающие инвективным значением и приобретающие его в контексте.

К первой группе относится инвективная и стилистически сниженная лексика. Гогунский часто использует слово «баба» (*«грубо говоря, бабе всё даю»*), что придаёт высказыванию пренебрежительный оттенок по сравнению с нейтральным «женщина». Также в его речи встречаются такие пейоративы, как *дурак*, *ил*ха*, *змеюшки* (по отношению к женщинам) и др. Характерно употребление просторечий и вулгаризмов (*херня*, *фигня*, *т*ахаться*), жаргонизмов (*хайп*, *впахиваешь*, *обули*) и этнофолизмов. Последние проявляются в использовании обобщенных негативных ярлыков, таких как *глобалисты*, *англосаксы*, *Ротшильды*, которые служат для обозначения враждебных сил, якобы управляющих женщинами и разрушающих традиционные ценности (*«Глобалисты управляют женщинами»*).

Одним из примеров средств, приобретающих агрессивную коннотацию в контексте, является фраза с глаголом в повелительном наклонении *«Иди в сад»*, которая представляет собой эвфемизм, означающий изгнание и эмоциональное отвержение. Ещё одним инструментом становятся метафоры. Интервьюер, Ксения Собчак, активно использует их для критики позиции В. Гогунского. Она сравнивает женщин с *«китами»* (на которых держится мир), а его идеал женщины – с *«эмоциональной мебелью»* или *«красивой куклой»*, что является прямым приёмом дегуманизации. Метафора *«фаллический символ»* по отношению к интерьеру его дома призвана подчеркнуть и осмеять гипермаскулинность и примитивность мировоззрения. Постоянное сравнение Гогунского с *«нарциссом»* и обыгрывание его же словосочетания *«царский вайб»* служит стратегии дискредитации через навешивание психологического ярлыка.

Важным приёмом является и переосмысление нейтральной или положительной лексики. Так, слово «парадигма», которым В. Гогунский постоянно оправдывается, интервьюер превращает в объект насмешки, указывая, что он прячется за ним. Апелляции к «традиционным ценностям» и «Домострою» в рамках беседы наполняются негативным и напрямую связываются с «эмоциональным абьюзом».

На синтаксическом уровне речевая агрессия проявляется через использование повелительного наклонения в его самой резкой форме – *«Иди в сад сразу»*. Обе стороны активно используют риторические вопросы для усиления давления и демонстрации абсурдности позиции оппонента. Например, вопрос Гогунского *«Нормально ли это? Или лучше пойти в сад?»* содержит в себе готовый ответ, а вопрос Собчак *«То есть у неё какая-то отдельная комната для месячных?»* является откровенной насмешкой и гиперболизацией. Многократный повтор ключевых фраз («в сад», «парадигма») и обобщающих конструкций (*«У богатых людей это редко замечается»*) также усиливает агрессивный фон диалога.

Здесь К. Собчак использует конфликтогенные субжанры как инструмент журналистской провокации для ослабления позиции собеседника, в то время как В. Гогунский применяет их для защиты своей «парадигмы».

Почти все остальные конфликтогенные субжанры вытекают из этой установки на конфронтацию. К. Собчак прямо обвиняет В. Гогунского в сексизме и абьюзе: *«Это, по сути, дело такое тихое – насилие над женщиной»*. В. Гогунский, в свою очередь, выдвигает обвинения в адрес феминизма и «глобалистов»: *«Феминизм – это глобальный обман. И женщины страдают от этого больше даже, чем мужчины»*.

В. Гогунский упрекает женщин, которые выносят своё плохое настроение в семью: *«Ну а что, вынести в центр семьи и положить – вот давайте мы все сейчас будем смотреть, как ей плохо и у нее плохое настроение»*.

Таким образом, речевая агрессия в данном интервью используется интервьюером как осознанный инструмент провокации, критики и разоблачения, в то время как В. Гогунский воспроизводит её как неотъемлемую часть своей картины мира – через императивы и стигматизирующие ярлыки. Конфликтность создаётся не только за счёт инвективной лексики, но и, в большей степени, через иронию, сарказм и метафоры, что делает этот диалог ярким примером вербальной конфронтации в публичном дискурсе.

2. *«Она пришла, обоср*ла мне всё, просто устроила мне ужасную эту историю, просто подставы...»* («Алёна, БЛИН!». Интервью с А. Волочковой)

[290].

Лексико-семантические средства: *обоср*ть* – (грубо. кого-что) «опозорить, опорочить кого-, что-л.» перен. (переносное значение), разг. (разговорное) *испортить* [232]; *устроить* – (сов. от устраивать) «получать в результате каких-либо действий» [239]; *ужасная* – (ж. от ужасный, разг.) «очень плохой, скверный» [232]; *история* – (разг.) «происшествие, приключение, случай; скандал, неприятность» [239]; *подстава* – (относится к блатному жаргону, бытовому жаргону и криминальному сленгу) «целенаправленные действия с целью вовлечения человека в сложную, неприятную или противозаконную ситуацию; предательство, обман, афера» [238].

Синтаксические средства: однородные сказуемые, которые создают главный синтаксический приём: нагнетание действий усилительная частица «*просто*» – (разг.) «в самом деле, вот действительно, истинно» [259].

Паралингвистические средства: повышение тона голоса на однородных сказуемых и лексеме «*подставы*», активная жестикуляция руками (часто повторяющийся резкий выпад рукой).

Данное высказывание может квалифицироваться как конфликтогенный субжанр «обвинение»: говорящий приписывает собеседнице намеренную, разрушительную и унижительную стратегию действий; использование слова «*подставы*» также указывает на причинение умышленного вреда.

Общей коммуникативной стратегией здесь является дискредитация, которая через субжанр обвинения нацелена подорвать доверие, умалить авторитет, достоинство или репутацию объекта агрессии.

В данном интервью речевая агрессия используется как инструмент самопрезентации, создания эпатажного образа, психологического давления на собеседника и ухода от неудобных тем.

На лексическом уровне агрессия проявляется двумя группами. К первой группе, изначально обладающей инвективным значением, относится использование стилистически сниженной, просторечной и обценной лексики. Такие выражения, как *сс*кло*, *тупица*, *какая-то х*ня*, *за**ли*, *ни хр*на*, *нафиг*, *фигня* и т. п., служат

для передачи крайнего раздражения и отрицательной оценки происходящего. Для создания ощущения «своей» используется сленг и разговорные выражения: *чуваки, поржать, в падлу*.

Ко второй группе лексико-семантических средств, приобретающих агрессивный характер в контексте, относятся каламбурные новообразования, которые являются ключевыми для построения имиджа героини, например, «*по-волочковски*». Возведение своего умения в ранг бренда («*шпагат Волочковой*») используется как инструмент для унижения оппонентов (со значением «*кто сможет так?*»). Ироничное обращение «*мои золотые*» подчеркивает дистанцию и снисходительное превосходство над аудиторией и собеседником.

На синтаксическом уровне агрессия реализуется через ряд конструкций. Многократные повторы обращений и риторических вопросов («*мои золотые*», «*понимаете?*», «*знаете?*») используются для навязывания своей картины мира, усиления давления и манипуляции вниманием. Риторические вопросы, такие как «*Почему я должна от тебя что-то скрывать?*» или «*А вы мне про игры?*», демонстрируют пренебрежение к теме беседы. Высказывания с императивами («*Уберите свои эти камеры*», «*Вы меня отсюда отпустите*») подтверждают стремление к доминированию и контролю над ситуацией.

В данном интервью конфликтогенные субжанры служат инструментом открытого сопротивления формату встречи и защиты личного достоинства. Прежде всего, это проявляется в инвективах, например, А. Волочкова заявляет: «*Вы будете заниматься какой-то х**, я вам серьёзно говорю*», давая грубую оценку работе журналистов, «*Я хочу тебе сказать, это всё сс*кло*» (о продюсере И. Пригожине), называет вопросы, которые ей задают «*тупыми, глупыми, совершенно бездарными вопросами, совершенно бездарными*».

В интервью А. Волочкова упрекает команду интервьюера в выгоде: «*Вы меня пригласили только потому, что моё имя даёт рейтинги*». Упрёк использует и А. Жигалова: в ответ на реплику «*Люди, я вам сейчас разрушу формат этого шоу*», ведущая отвечает «*Ты уже разрушила*».

Протест против формата и давления выражается через возмущение и грубое

прерывание коммуникативного контакта. Возмущение А. Волочковой реализуются с помощью таких единиц как *«Это как что-то такое сказать!?!»*. Грубое прерывание контакта у А. Волочковой проявляется в вербальных сигналах отказа: *«Я хочу домой просто», «Вы меня просто за***»*.

Вопросы-провокации интервьюера *«А ты сама готова стать бабушкой? Потому на твоём дне рождения я увидела твою дочку, которой 17 лет, рядом с мужчиной, с парнем, с которым она целовалась, <...> – ну, они пара»* реализуют тактику провокации. Поскольку в первый раз ответа не последовало, схожий вопрос звучит снова (*«А ты готова, что вот на завтрак придёт Ариадна и скажет: “Мам, я замуж выхожу, а ещё я беременна”?»*).

Таким образом, в данном интервью речевая агрессия служит основой для построения коммуникативной стратегии доминирования. А. Волочкова использует комплекс языковых средств – от грубой лексики до синтаксических приёмов – в целях самоутверждения в образе «легенды», находящейся выше критики; захвата контроля над беседой и ухода от неудобных вопросов путём перевода разговора на свои условия; и, наконец, эпатирования публики для поддержания скандального медийного образа. В этом случае речевую агрессию можно квалифицировать как инструмент формирования персонального бренда.

3. Рассмотрим интервью Надежды Стрелец с Олесей Иванченко. Данный пример интересен тем, что речевая агрессия в ответах О. Иванченко имеет принципиально другой характер – направлена не вовне, а на саму себя. Такой тип агрессии называют «аутоагрессия».

Основной пласт речевой агрессии, как и в других случаях, формируют лексико-семантические средства с самостоятельным инвективным значением. Прежде всего, это примеры инвективной и негативно-оценочной лексики: О. Иванченко использует лексику негативной характеристики (*«Это я тупая, Надь»*, *«Я... за*ба (* – буква «ё»), это мы узнаем потом»*) и негативно-оценочные единицы, говоря о своих способностях и достижениях (*«Я плоха», Я ужасный блогер... Я очень неинтересна»* и повторение с усилителями значения *«Я вообще ужасный блогер, если честно. Я очень неинтересна. Я прям не рекомендую на это*

подписываться»).

Коммуникантом используется стилистически сниженная лексика, разговорные выражения и просторечия, которые создают эффект искренности (не заготовленных ответов), бытовой речи и усиливают самоиронию. К ним относятся глаголы (*вылазит, ляпнуть*), грубый сленг для описания череды неудач («*ни хе*а ничего не срабатывало*»), эмоциональные восклицания («*Ё* твою мать*») и сниженная лексика для описания гипотетических реакций («*обос*алась бы на месте*»).

К средствам, приобретающим инвективное значение непосредственно в контексте, относятся метафоры, направленные на себя. О. Иванченко создаёт уничижительные образы для описания своих переживаний: метафора «*загнанный какой-то оленёнок*» – образ затравленного, беспомощного существа; фраза «*мою психику немножко подшатнуло*» служит метафорическим описанием проблем с ментальным здоровьем.

Существенную роль в усилении самообвинительного тона играют синтаксические средства. Риторические вопросы, адресованные себе («*А чего я горела?*»), демонстрируют сомнения в себе и своих решениях. Этому же способствуют модальные слова и частицы: частица «же» в конструкции «*Ну ты же учительская дочка*» усиливает давление внутреннего ожидания и стыда за несоответствие ему, а постоянное использование частиц «ну», «как бы», «вроде» создаёт общее ощущение неуверенности, размытости высказываний и сомнений в собственных словах.

В интервью реализуется тактика пренебрежения, которая направлена на себя и выражена негативными характеристиками и оценочными единицами («*Это я тупая, Надь*», «*Я плоха*» и др.).

Основной конфликтотенный субжанр в данном медиатексте – насмешка, к примеру, «Ты пока только познаёшь все радости известного человека. Меня очень повеселила история про бартер за двух гусей. Олеся – инфлюенсер». Насмешку здесь реализует весь контекст высказывания: указывается на недавно приобретенную известность и сопоставляется с единицей «*Олеся – инфлюенсер*»

(является сомнительным комплиментом) – такой вывод происходит через упоминание «про бартер за двух гусей». Схожий пример реализации сомнительного комплимента можно пронаблюдать в высказывании *«Ты ещё та бизнесвумен»*. Насмешка также выражается через самоиронию *«Когда я выеду на дорогу, Надя, пожалуйста, кричи SOS»*, когда в контексте ситуации обсуждалась возможность О. Иванченко получить права.

Следует заметить, что конфликтогенный субжанр «насмешка» выражен лёгкой насмешкой и применялся не с целью навредить оппоненту, а скорее указать на комичность ситуации.

Отметим, что речевая агрессия может быть оборонительной (как у В. Гогунского), наступательной (как у К. Собчак, А. Волочковой) и аутоагрессией (как у О. Иванченко) и выполняет прагматическую функцию – помогает коммуниканту реализовать коммуникативную цель.

Различия в целях (защита / провокация) определяют выбор конкретных конфликтогенных субжанров и их речевое воплощение. Используемые средства (инвективы, прямые обвинения, упрёки) создают эмоционально насыщенный дискурс, который вовлекает аудиторию и провоцирует её на реакцию. Исследование подобных практик позволяет лучше понять механизмы медиакommunikации, роль эмоций в публичном диалоге и способы воздействия на аудиторию через создание конфронтационного дискурса.

II.2. Телеграм-каналы

Как упоминалось выше, официальные СМИ вынуждены быть избирательными в способах выражения речевой агрессии, однако социальные сети, даже реализующие функции СМИ (определялось нами в параграфе 2.1.), в этом отношении могут быть довольно гибкими. Рассмотрим характерные средства речевой агрессии для телеграм-каналов «Baza», «Mash» и «ДНР INFO».

Анализ новостных сообщений телеграм-канала «Baza» выявил, что речевая агрессия является инструментальной. Его цель – сформировать у аудитории

определённое восприятие событий, усилить драматизм и удержать внимание, оставаясь в рамках формата новостного сообщения.

На лексическом уровне агрессия проявляется через тщательно подобранный словарь, который драматизирует и эмоционально окрашивает нейтральные факты. К первой группе средств с самостоятельным инвективным значением можно отнести лексику, которая придаёт повествованию сенсационность: *роковой* (о квартире), *чуть не стала жертвой*, *нагрянули* (о силовиках), *развод* (о мошенничестве), *кормить завтраками*, *кинул* (об обмане инвесторов), *пищащие враги*. Используются глаголы с семантикой принуждения или создания угрозы (например, *аферисты «пугают» взломом*, *футболист «выгнал» девушку*). Негативно-оценочная лексика работает на создание образа «жертвы» и «злодея» (*обманутая бабушка*, *псевдо-правоохранители*, *псевдо-председатель*) и отражает отношение автора к какому-либо явлению (*злополучная машина*, *мини-машинка*, *фиктивный трек-номер*, *ужасное состояние вещей*, *опасные сальны и др.*).

Ко второй группе лексических средств, приобретающих агрессивный (или манипулятивный) характер в контексте, относятся метафоры. Так, например, высказывание *«оставило глубокие душевные раны у фаната мужских журналов»* содержит пример ироничной и уничижительной метафоры, где контраст между *«глубокие душевные раны»* и характеристикой субъекта (*«фанат мужских журналов»*) создаёт комический эффект и тем самым нивелирует трагичность ситуации.

На синтаксическом уровне агрессия реализуется через структуру подачи информации, которая создаёт драматичность, к примеру, через аккумуляцию негативных признаков для усиления впечатления от масштаба происшествия или мошенничества: *«сильнейшая сыпь, чесотка, волдыри и повышенная температура»*; *«поддельный трек-номер, торчащие нитки и задержки доставок»*. Характерным средством также выступает инверсия (*«Стоит это удовольствие чуть более тысячи долларов»* и т. п.).

Таким образом, в новостях «Baza» речевая агрессия выступает инструментом медиавоздействия. Используется для решения ключевых задач: драматизации

событий для повышения вовлеченности читателя; манипуляции восприятием через навязывание четких оценочных рамок («хорошо» / «плохо», «жертва» / «виновный»); и создания стиля, для которого характерны ирония и сенсационность.

Конфликтогенные субжанры реализуются как в прямой речи героев публикаций, так и в самой стилистике подачи информации, для которой характерна язвительная ирония. Рассмотрим конкретные примеры.

Примером инвективы – оскорбительного высказывания с целью унижения – служит публикация о строителях в Севастополе, в которой один рабочий *«обозвал другого пед*ком за татуировку на шее»*. Использование лексем *«обозвал»* (называть бранным словом) и *«пед*к»* в качестве оскорбления образуют конфликтогенный субжанр «инвектива», направленной на дискредитацию и унижение человека.

Для Ваза» характерно использование конфликтогенного жанра «насмешка». Ряд публикаций завершается не подведением итога, а комментарием автора. Так, например, в публикации *«Зумерши расстаются со своими парнями из-за длинного тире в переписке»* сообщается, что *«девушки даже создали целый тренд по отмене тире»*; завершает публикацию *«что–что происходит?»*. Использование длинного тире вместо дефиса осмеивает абсурдность этой ситуации (борьбы с длинным тире). В публикации *«Российских медсестёр переводят с живых пациентов на VR-тренажёры с 3D-больными»* акцентируется внимание на том, что *«персонажей можно довести и до смерти»*; завершающее высказывание – *«Sims по-русски»* (отсылка на видеоигру симулятора повседневной жизни (существует более 20 лет); ранее блогерами активно создавались разнообразные инструкции для того, чтобы умертвить персонажа).

В текстах неоднократно встречается демонстрация угрозы как инструмента речевого воздействия с целью принудить адресата к нужным действиям через цитирование. В истории с квартирой в Казани семья обманутой продавщицы ставит покупателю Владиславу ультиматум: *«либо дать 30 дней... либо они отсудят квартиру у покупателей судом»*, который содержит условием выбора («либо...

либо») – создание иллюзии альтернативы; срок («30 дней») – элемент давления через ограничение времени; санкцию («отсудят квартиру») – указание на серьёзные негативные последствия. Ещё один пример угрозы можно проследить в фрагменте публикации о «сбежавшем предпринимателе Сергее», который *«заявил своим обманутым инвесторам в чате, что действовать мирно – в их же интересах, иначе денег они не увидят»*. Угроза здесь выражена имплицитно, замаскирована под «совет» с указанием на санкцию в случае невыполнении условия. Давление осуществляется через угрозу потери денег и апелляцию к «собственному интересу» адресатов. Цитирование угрожающих высказываний используется для усиления дискредитации объекта речевой агрессии.

Конфликтогенный субжанр обвинения реализуется через глагол «обвинить», например, когда псевдо-сотрудница РАО *«обвинила Кристину в незаконном использовании музыки»* или в примере *«al clothes обвиняют в массовом обмане клиентов»* (заголовок о ростовском бренде).

Констатация некомпетентности встречается в текстах о происшествиях и мошенничествах. В качестве примера рассмотрим текст, в котором описывается взрыв газа в Тульской области. Действия жителя в медиатексте представлены последовательными алогичными решениями: *«мужчина самостоятельно демонтировал заглушки... решил разобраться с проблемой просто – поджёг газ зажигалкой»*. Данный конфликтогенный субжанр реализовывается с помощью акцента на самостоятельность выполнения действия (*«самостоятельно демонтировал»*), который подчёркивает отсутствие профессионального подхода; указание примитивности решения (*«решил разобраться с проблемой просто»*), где слово *«просто»* создаёт контраст между сложностью задачи и наивностью метода её выполнения; демонстрации абсурда (*«поджёг газ зажигалкой»*) – действие, очевидно ведущее к катастрофе, выступает как кульминация. Представленная в медиатексте последовательность действий служит «доказательством» некомпетентности, из-за которой случился взрыв газа.

Анализ новостных сообщений телеграм-канала «Mash» позволил выявить модель речевой агрессии, которая в отличие от предыдущего примера служит не

только инструментом драматизации, но и средством идеологического позиционирования и формирования коллективной идентичности.

На лексическом уровне агрессия проявляется через идеологизированную и стилистически сниженную лексику. К первой группе средств, обладающих инвективным значением, относится враждебная и уничижительная лексика, применяемая к противнику в военных сводках: *всушники* (украинские военные), *котел*, *незалежные*, *одичавший хохол*, *погибнуть*, *враги*. Наряду с ними используется пейоративная и стилистически сниженная лексика для описания событий: *водила*, *шашковал* (о водителе Lamborghini), *темищик* (о криптобизнесмене), *кумир школьников* (иронично о рэпере). Просторечия и сленг (*кипиши*, *химоза*, *пацаны*, *скрепа*, *топать домой*, *билы*, *преподы*) формируют узнаваемый молодёжный стиль телеграм-канала.

В текстах встречаются идеологически заряженные метафоры и каламбуры, которые служат для формирования нужных смыслов: выражение «*главная пацанская скрепа России рухнула*» о смене бейсбольных бит на шокеры – это ироничный окказионализм, одновременно высмеивающий в данном контексте криминальный атрибут (*бейсбольную биту*) и романтизирующий его.

Речевая агрессия в медиатекстах реализуется с помощью лексического уровня языка, однако прослеживаются и характерные синтаксические конструкции, в числе которых парцелляция с конфликтогеном во второй части конструкции («*Кэш забрала уборщица – это признал персонал гостиницы (гостиницы). И намекнул, что деньги не вернуть*»; «*Человек-мем Николай Василенко зарегистрировал свою лучезарную улыбку как товарный знак. И планирует выпускать водку и лавандовый раф её имени*») и провокационные риторические вопросы («*Как Трамп всех накриптовалютил?*»; «*<...> где его ждёт кто? Правильно, представители ТЦК*») для привлечения внимания аудитории.

Таким образом, в новостях «Mash» речевая агрессия – агрессия как часть мировоззрения, которая решает несколько ключевых задач: идеологическую мобилизацию через создание образа могущественной армии и презренного врага; формирование «своей» субкультурной среды через сленг, иронию и «пацанскую»

эстетику; и удержание внимания аудитории за счёт постоянного поддержания высокого уровня эмоционального напряжения, будь то за счёт инвективной лексики или язвительных комментариев.

Анализ речевых единиц в материалах «Mash» позволяет выявить особенности использования конфликтогенных субжанров. Они реализуются преимущественно в военных сводках, криминальных новостях и в провокационном стиле подачи новостного текста.

В военных сводках угрозы проявляются ультиматумами. Так, к примеру, фраза *«Выбор у них один: либо сдаться, либо погибнуть»* формально описывает ситуацию, но и оказывает психологическое давление, выполняя функцию угрозы.

Конфликтогенные жанры насмешки и колкости в медиатекстах «Mash» проявляется в ироничных формулировках, призванных создать саркастический эффект. В фразе *«своей тотальной невостребованностью»* в адрес рэпера P*ssykiller, к примеру, выражается язвительную колкость, уличая артиста в непопулярности. *«Анатолий Кашиповский жив, здоров и вполне доволен понедельником – правда, недоволен тг-каналами, которые положили его в больницу. Сообщив, что он экстренно госпитализирован»* – колкость выражена через подачу утверждения *«правда, недоволен тг-каналами, которые положили его в больницу»*. В фрагменте *«У Юли начались обострения шизофрении – она представлялась дальней родней царской династии Романовых»* насмешка реализуется через связь *«обострения шизофрении»* и *«представлялась дальней родней царской династии Романовых»*, чтобы (в контексте новостного текста) избежать ареста за распространение наркотических веществ.

В целом для «Mash» характерна речевая агрессия, встроенная в стиль изложения новостей (что также подтверждается в их объявлении о поиске сотрудников *«<...> Приветствуется: адекватная эрудированность, чувство юмора, лёгкая придурковатость <...> Надо: вести соцсети, <...> придумывать и делать виральный контент в стиле Mash»*). Она проявляется через оценочную лексику, сарказм, стигматизацию, что формирует у читателя определённое (осуждающее или ироничное) отношение к описываемым событиям и персонажам.

Основной коммуникативной стратегией выступает стратегия «побуждение к смеху», направленная на то, чтобы создать комический эффект, заставив аудиторию смеяться над недостатками, нелепостями, человеческими слабостями, с целью удержания аудитории и их постоянного интереса.

Анализ текстов телеграм-канала «ДНР INFO» выявляет комплексное использование средств речевой агрессии, которые служат целям информационной войны, идеологического воздействия и формирования картины мира у целевой аудитории.

На лексическом уровне агрессия проявляется через подобранную лексику, которая делит мир на «своих» и «чужих». К средствам с самостоятельным инвективным значением относятся враждебная и негативно-оценочная лексика: *киевский главарь, просроченный* (окказионализм, означающий нелегитимность президента Украины), *нюхлер, ВСУшники, неадекваты, противник, рассадник не*офилов* и др.

К лексике, приобретающей агрессивное звучание в конкретном контексте, в примерах представлены метафоры, которые формируют основную идеологию сообщества. Метафора *«погрузились во тьму»* относится к констатации веерных отключений электричества и создаёт образ упадка и беспомощности. Сообщение о поставках рыболовных сетей построено на уничижительном сравнении вражеских дронов с *«мухами в паутине»*, а армии противника – с рыбаками, использующими *старый хлам*, что призвано высмеять оружейный арсенал врага. Применение метафоры *«бойцовский клуб»* сравнивает уличные инциденты с применением физической силы с участием подростков с одноимённым фильмом, подчёркивая силу подросткового бунта против общества.

Отдельного внимания заслуживает агрессивная ирония и сарказм: история о Сергее Шишкине, который *«принял ислам и стал Усманом»* и *«теперь бомбит»* (перен. злится). Выбор в пользу сленга «бомбить» выстраивает стереотипный образ и служит для создания образа «предателя», разжигая межнациональную и межрелигиозную рознь. К этой же группе относится и окказионализм *«“мовный” омбудсмен»* (от укр. «мова» – язык), используемое как уничижительный ярлык для

дискредитации языковой политики Украины.

На синтаксическом уровне для речевой агрессии в данных медиатекстах характерны противопоставления («*А видео с бесчеловечностью от ВСУшников вы видели вчера*»; «*люди устали ждать обещанный ремонт – власти снова заявили, что денег нет*»), сравнительные обороты («*Сотни поляков писали, что любят Россию, её народ и культуру, признавая, что русские им ближе, чем украинцы*»), риторические вопросы («*Кино насмотрелись?*»; «*До последнего украинца?*»; «*Ошибка или предсказание судьбы Зеленского?*»).

Свойственным «ДНР INFO» способом выражения речевой агрессии в медиасообщениях являются паралингвистические средства, используемые перед новостным текстом или после него: эмодзи «/клоун/» (например, в заголовке о санкциях ЕС) функционирует как визуальный пейоратив, осмеивая действия оппонента; графические конструкции с эмодзи (RU✂UA; !!☐UA☺), которые выполняют оценочную функцию, определяя новость насмешливой (☺) или враждебной (✂), а также использование кавычек для выражения иронии («*коалиция желающих*»; «*игрушка*» будущего президента и т. п.).

В медиатекстах телеграм-канала конфликтогенные субжанры реализуются преимущественно в политических новостных текстах. Характерным конфликтогенным субжанром выступает насмешка. Так, например, в высказывании «*Однако, как выяснилось, именно советская мясорубка стала самой запоминающейся «игрушкой» будущего президента Незалежной*» насмешка выражается единицами «*именно советская мясорубка*», «*запоминающейся «игрушкой»*», «*Незалежной*», подчёркивая иронию: в детстве В. Зеленский часто играл с *мясорубкой* (отсылка к сегодняшним реалиям), которая была произведена в Советском Союзе (теперь правительство страны активно реализует политику «декоммунизации», то есть избавления от советской символики, изменения топонимики и т. п.), а использование окказионализма «*Незалежная*» (вместо «Украина») усиливает иронический эффект.

Интересным примером насмешки можно выделить следующий медиатекст «*Очень уверенная в себе женщина пожаловалась, что более чем за 500 свиданий*

почему-то не нашлось того, кто подарил бы ей квартиру. Самооценка зашкаливает 😊». В тексте применяются усилители значения (*очень уверенная, более чем*), наигранное недоумение *«почему-то не нашлось»* и заключительная фраза как оценочное мнение автора с использованием эмодзи */смех до слёз/*.

В текстах также используется конфликтогенный субжанр «обвинение». Так, к примеру, в публикации о задержании мужчины сотрудниками ТЦК Украины сообщается о том, что этот человек совершил попытку уйти из жизни, как только остался один в помещении; завершает сообщение комментарий автора *«До чего Зеленский народ довел...»*, обвиняя в случившемся через демонстрацию последствий действующей политики в Украине. Ещё один пример обвинения – *«Наркофюрер вручил государственную награду ВСУшникам, на форме которых присутствует шеврон с символикой дивизии СС “Галичина”»*. Данный факт зафиксирован на официальной церемонии награждения», в котором содержится инвективный окказионализм (*наркофюрер*) и доказательства о вручении государственной награды военным, на форме которых шеврон дивизии, служившей во времена Второй мировой войны служила А. Гитлеру, чья символика признана нацистской (решением Нюрнбергского трибунала).

В медиатекстах активно реализуется конфликтогенный субжанр «инвектива», например, *«Хохлы записали видео с угрозами вдове Чарли Кирка»*, *«Глава киевского режима полностью утратил связь с реальностью и, слушая лживые доклады Сырского, совершенно не владеет оперативной обстановкой на земле»*, *«"У під*раса ж*на загорелась"»* и др. Выявленные нами инвективы были обнаружены исключительно в рамках текстов политической тематики.

Так, в материалах «ДНР INFO» речевая агрессия представляет собой определённую систему, где средства речевой агрессии работают на общую коммуникативную стратегию оппозиции «свой / чужой»: создание картины мира, где «мы» – это сила и прогресс (*«лаборатория долголетия»*, *«продвижение ВС РФ»*), а «они» – это «клоуны», *«погружённые во тьму»*, использующие неэффективные методы и *«предающие свои корни»*.

Таким образом, речевая агрессия в телеграм-каналах действительно может

выражаться как прямо (через инвективы, угрозы, обвинения, насмешки (едкие, издевательские), тактику провокации), так и косвенно (через упрёки, косвенные угрозы, насмешки (уловимые), а также окказионализмы и метафоры). Выбор средств речевой агрессии определяется общей направленностью новостных текстов и стилем (идеологическое воздействие («Baza», «ДНР INFO»), сенсационность («Baza»), юмористический и молодежный стиль («Mash»)), которого придерживается телеграм-канал.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что результаты анализа речевой агрессии в различных типах дискурса показывают её адаптацию к коммуникативным задачам. В политическом дискурсе преобладают инвективы и угрозы, служащие мобилизации «своих» и уничтожению имиджа и репутации оппонента. В портретных интервью агрессия становится инструментом сопротивления или провокации, проявляясь в разнообразных конфликтогенных субжанрах – от грубого прерывания контакта до сомнительных комплиментов.

3.3. Формы выражения речевой агрессии в СМИ

Иллюстративный материал, использованный в параграфе 3.2., представлен 1307 единицами, из них фрагменты медиатекстов традиционных СМИ составляют 575 единиц (44%), а новых медиа – 732 (56%) (из них 210 единиц – встречный текст).

Напомним, что в качестве форм речевой агрессии мы определили 12 бинарных оппозиций, заявленных в параграфе 1.2: 1) вербальная / невербальная; 2) прямая / косвенная (непрямая); 3) инструментальная / неинструментальная; 4) инициативная / реактивная; 5) активная / пассивная; 6) непосредственная / опосредованная; 7) спонтанная / подготовленная; 8) эмоциональная / рациональная; 9) сильная / слабая; 10) враждебная / невраждебная; 11) переходная / непереходная; 12) массовая / социально-замкнутая. В основе каждой диады лежит отдельный признак: мы определяем одну из форм из оппозиции, но по разному признаку. Такие формы речевой агрессии не противоречат друг другу, а позволяют

охарактеризовать её выражение в традиционных СМИ и новых медиа.

Рассмотрим механизм отнесения медиатекста к заявленным оппозициям, которым мы руководствовались.

При определении вербальной или невербальной агрессии мы исходили из того, что паралингвистические средства являются дополнением к речевым единицам (могут либо использоваться в тексте, либо не использоваться). Так, если паралингвистические средства не являются единственным или ключевым признаком речевой агрессии в исследуемом медиасообщении, мы относим фрагмент к вербальной форме выражения речевой агрессии.

Определение прямой или не прямой агрессии (косвенной) является основным для нашего исследования, поскольку средства косвенной агрессии позволяют СМИ существенно влиять на общественное мнение. Прямую и косвенную речевую агрессию мы определяли через наличие определённых конфликтогенных субжанров в медиатексте: для прямой – оскорбление (явное, открытое), грубое прерывание контакта, насмешка (явная, открытая), угроза (явная, открытая); для косвенной – упрёк, непрошенный совет, сомнительный комплимент, насмешка (скрытая / уловимая) и т. п. Иначе говоря, к прямой речевой агрессии относятся те единицы, которые «легко считываются» коммуникантами и реципиентами.

Инструментальная форма агрессии выявляется через наличие цели (дискредитация оппонента, мобилизация «своих» и т. п.), то есть когда цель определяет средства выражения речевой агрессии. К неинструментальной форме мы относим речевую агрессию, которая может характеризоваться однократностью проявления в коммуникативной ситуации и являться «вспышкой эмоций».

Реактивную форму речевой агрессии мы определяли через наличие признака интенции защиты у коммуниканта в пределах коммуникативной ситуации, другими словами, определялось, коммуникант «нападает» (инициативная) или «защищается» (реактивная).

Пассивная форма речевой агрессии в диаде определялась в устных медиатекстах, поскольку она подразумевает отказ вступать в контакт: если в рамках взаимодействия коммуникант каким-либо образом дистанцируется от темы

общения (демонстрация обиды, ответ вопросом на вопрос, молчание, перевод темы), мы относили её к пассивной форме. В письменных текстах СМИ определить пассивную форму не представляется возможным.

В связи с тем что для СМИ характерной является опосредованная форма, в устных медиатекстах мы определяли речевую агрессию как непосредственную в том случае, если коммуниканты выражают её (по отношению друг к другу), находясь в одном времени и пространстве. В остальных случаях речевая агрессия относилась к опосредованной форме.

Спонтанность речевой агрессии как формы её выражения может усматриваться в устных медиатекстах (как правило, используется приглашёнными гостями в форматах телепроектов и портретных интервью) и во встречном тексте (как реакция на стимул, то есть новостной текст), в остальных случаях речевая агрессия относится к подготовленной (провокации, встроенные в сценарий; письменные тексты).

Как упоминалось в п. 1.2., эмоциональная форма агрессии исходит из эмоций коммуниканта (действует в состоянии аффекта), другими словами, выражается эмоционально-окрашенными единицами, в том числе обценной лексикой, метафорами с компонентом оскорбления, восклицаниями. Рациональная агрессия, в свою очередь, может выражаться намеренной подменой логических связей, демонстрацией доказательств и отличается подготовленностью.

Поскольку оппозиция «сильная / слабая» не может быть устойчивой в рамках анализа (так как требует либо определённой реакции коммуниканта, либо задействования дополнительных методов анализа (например, опрос)), мы ориентировались на средства выражения речевой агрессии, которые нацелены оскорбить, обвинить коммуниканта и реализованы вульгаризмами и обценной лексикой (сильная форма).

Враждебная форма речевой агрессии определялась нами таковой, если в фрагменте медиатекста прослеживалась цель унижить, оскорбить, обвинить, запугать, выразить презрение; к невраждебной относятся случаи, где средства речевой агрессии только маркируют агрессию, но не обладают достаточным

потенциалом для того, чтобы спровоцировать конфликтную ситуацию (характерно для дружеской беседы). В нашем исследовании к невраждебной речевой агрессии можно отнести медиатексты «Дорожного радио» и часть иллюстративного материала из портретных интервью («Стрелец – Молодец»; «Алёна, БЛИН!» (с А. Волочковой) со стороны интервьюера).

К переходной форме речевой агрессии относятся медиасообщения, где объект, на которого направлена агрессия, прослеживается в рамках коммуникативной ситуации либо назван непосредственно в фрагменте медиатекста. Непереходной формой считаются случаи, в которых агрессия «рассеяна», направлена на ситуацию или объект выражен абстрактно (например, *«Как мне это всё надоело!»*).

Ключевым признаком массовой формы речевой агрессии выступает объединение людей против «врага» под руководством лидера. В таком контексте мы можем говорить о том, что речевая агрессия в СМИ должна провоцировать массы на подключение к речевой агрессии, выраженной автором (лидером) (в публичных выступлениях и новых медиа, ориентированных на массовую аудиторию). Иначе говоря, когда аудитория подключается к обсуждению в комментариях и / или создаёт контент в рамках инфоповода. К этой форме речевой агрессии мы отнесли материалы сетевых изданий, телеграм-каналов (данные медиатексты можно комментировать или «ставить реакции»). Социально-замкнутой мы считаем форму речевой агрессии, если она происходит в межличностном общении или в рамках малой группы (телепроекты, радиовещание, портретные интервью).

Рассмотрим механизм определения форм речевой агрессии на примере из газетного текста.

«Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”» («Итоги и Факты. События недели» от 03.05.2022 г.).

Вербально-коммуникативные средства

Лексико-семантические средства: *вот и* – «част. Разг. употребляется при указании на совершение нового действия, возникшего в результате

предшествующего» [239]; *банкир* – «владелец банка; управляющий банком» [232], сама лексема нейтральна, однако в публицистике может передавать негативную коннотацию за счёт социально-экономических стереотипов о финансовой элите; *патриот* – «тот, кто любит своё отечество, верен своему народу, готов на жертву и подвиги во имя родины» [Там же]; *уж* (уже) – «употребляется при подчёркивании или усилении значения местоимений и наречий» [239]; «*переобулись*» – в данном случае подразумевается отсылка к разговорным выражениям «*переобуться на ходу*», «*переобуться в воздухе*», которые означают быструю смену позиции, отказ от прежних взглядов ради выгоды.

Синтаксические средства: сложноподчинённое предложение с логическим противопоставлением «*сначала..., а уж потом...*» создаёт эффект разоблачения: подчёркивает приоритет корыстных интересов над декларируемыми высокими мотивами; предложение «*И “переобулись”*» – парцелляция, усиливающая экспрессию и оценочный вывод; союз «*и*» – в начале предложения «внутренне связывает сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку» [251].

Паралингвистические средства: кавычки вокруг слова «переобулись» использованы с целью создания ироничного эффекта.

В анализируемом фрагменте перечисленные средства формируют конфликтогенный субжанр «упрёк»: автор упрекает банкиров в псевдопатриотизме через единицы «*вспомнили*», «*сначала ..., а уж потом...*», то есть их чувство патриотизма нестабильно, если появляется выгода. Отметим также иронию, реализуемую через контраст высоких ценностей («*патриот*») и приоритет роли «*банкира*». Общий контекст высказывания можно отнести к конфликтогенному субжанру «колкость» за счёт ироничности содержания, а также единицы «*переобулись*», которая передаёт негативное отношение к поведению банкиров.

В высказывании прослеживается коммуникативная стратегия дискредитации, целью которой выступает формирование у читателя негативно-оценочного отношения к действиям банкиров путём подчёркивания расхождения между словами и действиями.

Формы выражения речевой агрессии

Вербальная / невербальная: *вербальная* – здесь паралингвистические средства не являются основой речевой агрессии, а выступают её дополнительным маркером.

Прямая / косвенная: *косвенная* – нет прямого оскорбления, обвинения; реализован субжанр «колкость» (относится к косвенной речевой агрессии).

Инструментальная / неинструментальная: *инструментальная* – основной целью является дискредитация «банкриров».

Инициативная / реактивная: *инициативная* – нет признаков интенции защиты (не прослеживается в пределах текста).

Активная / пассивная: *активная* – нет диалогического взаимодействия; автор не отвечает на что-либо, а сам продуцирует текст.

Непосредственная / опосредованная: *опосредованная* – газетный текст не предполагает наличие участников, находящихся в одном времени и пространстве с автором.

Спонтанная / подготовленная: *подготовленная* – газетный текст подразумевает подготовленность высказывания.

Эмоциональная / рациональная: *рациональная* – нет признаков эмоциональной реакции; высказывание представлено как вывод к ситуации.

Сильная / слабая: *слабая* – не обнаружены вульгаризмы и обценная лексика.

Враждебная / невраждебная: *враждебная* – нацелена нанести репутационный ущерб.

Переходная / непереходная: *переходная* – указан конкретный объект («банкиры»).

Массовая / социально-замкнутая: в газетных текстах не определяется (невозможно проследить).

На основе проведенного анализа в главе 3 мы представили полученные данные в таблице с условным процентным соотношением по характеру преобладания (табл. 3.2.). Уточним, что процентные соотношения не являются результатом строгого количественного подсчёта (как в контент-анализе), а

представляют собой оценку и обобщение, сделанные на основе качественного анализа всего исследованного материала.

Таблица 3.2.

Форма речевой агрессии в СМИ по оппозициям

№ п/ п	Бинарная оппозиция	Условное распределение (%)	Преобла- дание в типе СМИ	Примечание
1	вербальная / невербальная	вербальная: ~94% невербальная: ~6%	оба типа	невербальная: эмодзи, кавычки, цензура звёздочками характерны для новых медиа
2	прямая / косвенная	прямая: ~45% косвенная: ~55%	прямая: телепроекты косвенная: новые медиа	телепроекты: прямая агрессия новые медиа: насмешки, провокации, метафоры
3	инструмен- тальная / неинструмен- тальная	инструмен- тальная: ~90% неинструмен- тальная: ~10%	оба типа	традиционные сми: для драматургии новые медиа: для виральности, вовлечения
4	инициативная / реактивная	инициативная: ~75% реактивная: ~25%	реактивная: новые медиа	традиционные сми: запланированная агрессия; новые медиа: реактивная в комментариях ("встречный текст")
5	активная / пассивная	активная: ~90% пассивная: ~10%	оба типа	учитывалась только в устных медиатекстах

№ п/ п	Бинарная оппозиция	Условное распределение (%)	Преобла- дание в типе СМИ	Примечание
6	непосредствен- ная / опосредованная	опосредованная: ~85% непосредствен- ная: ~15%	оба типа	непосредственная: в телепроектах и портретных интервью
7	спонтанная / подготовленная	подготовленная: ~80% спонтанная: ~20%	спонтанная: новые медиа	телепроекты («Мужское / Жекское»); портретные интервью, комментарии
8	эмоциональная / рациональная	эмоциональная: ~60% рациональная: ~40%	оба типа	рациональная: письменные медиатексты
9	сильная / слабая	сильная: ~30% слабая: ~70%	оба типа	комментарии, Telegram
10	враждебная / невраждебная	враждебная: ~95% невраждебная: ~5%	оба типа	невраждебная: «Дорожное радио», часть материалов портретных интервью
11	переходная / непереходная	переходная: ~98% непереходная: ~2%	оба типа	в материалах почти всегда выражен объект
12	массовая / социально- замкнутая	массовая: ~10% социально- замкнутая: ~90%	массовая: новые медиа	в газетных текстах не определяется

Таким образом, в новых медиа речевая агрессия наблюдается в следующих формах: вербальная; косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная (портретные интервью) и рациональная (письменные медиатексты); сильная («Осторожно, Собчак», «Алёна, БЛИН!») и слабая («Стрелец – Молодец», сетевые издания); враждебная; переходная; массовая (сетевые издания, Telegram) и социально-замкнутая (портретные интервью).

В традиционных СМИ речевая агрессия наблюдается в следующих формах: вербальная; прямая (телепроекты) и косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная («Мужское / Женское», радиопередачи) и рациональная («60 минут», письменные медиатексты); сильная («Мужское / Женское», «Звёзды в Джунглях») и слабая (письменные медиатексты, радиопередачи); враждебная; переходная; социально-замкнутая (в газетных текстах не определена).

Выводы к Главе 3

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы, раскрывающие специфику манифестации речевой агрессии в медиадискурсе:

1. Разработан и апробирован комплексный аналитический аппарат. На основе уточненного рабочего определения речевой агрессии был систематизирован обширный вербально-коммуникативный инструментарий и предложена модель для анализа средств выражения речевой агрессии в СМИ.

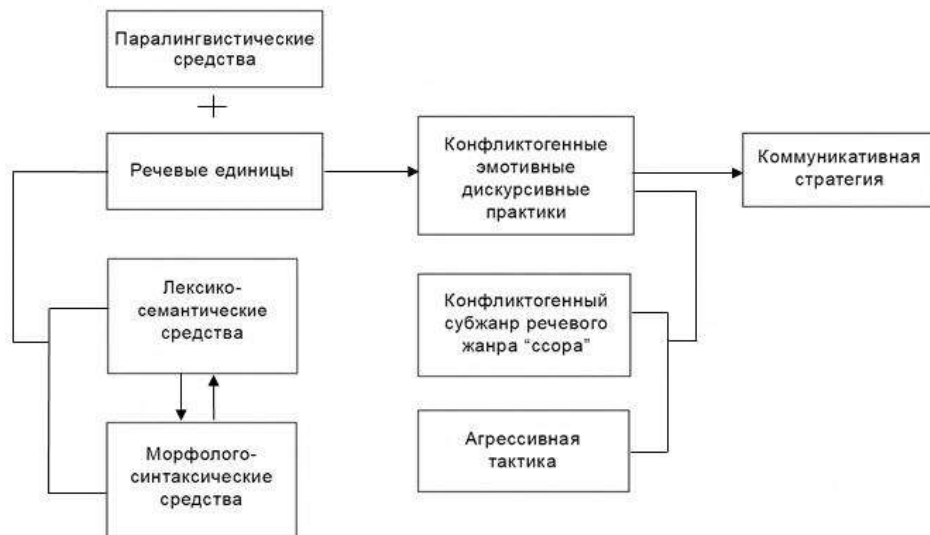

Рис. 3.1. Модель для анализа средств выражения речевой агрессии в СМИ

Речевые единицы, сформированные с помощью лексико-семантических и морфолого-синтаксических средств, выступают компонентами конфликтогенного субжанра «ссора» либо служат средствами реализации агрессивных тактик, которые, в свою очередь, встраиваются в общую коммуникативную стратегию – модель поведения, направленную на достижение определённых целей в конфликтном взаимодействии.

2. Выявлена жанрово-форматная специфика речевой агрессии.

В традиционных СМИ (политические ток-шоу, «остросоциальные» проекты) агрессия носит институционализированный характер и выступает основой для драматургии и идеологической борьбы. Для развлекательных форматов характерна прямая, эмоциональная агрессия, тогда как в политических – рациональная, инструментальная.

В новых медиа агрессия адаптируется к цифровой среде. Ключевой особенностью является доминирование контекстуальных средств речевой агрессии: метафор, иронии, сарказма, новообразований (*всушники, по-волочковски*). Средства сильной формы речевой агрессии (дегуманизирующая инвектива, призывы к насилию) продуцируются во «встречном тексте» (комментариях пользователей) и демонстрируют роль аудитории как активного соучастника агрессивного дискурса.

3. Доказана практическая ценность предложенной системы форм речевой агрессии. Анализ по 12 бинарным оппозициям позволил охарактеризовать выражение речевой агрессии для каждого типа медиа:

- для традиционных СМИ характерны: инструментальная, инициативная, подготовленная, эмоциональная и непосредственная (в аудиовизуальных форматах) агрессия;

- для новых медиа свойственны: инструментальная, косвенная, спонтанная (в комментариях и живых обсуждениях), рациональная (в новостных текстах) и социально-замкнутая агрессия.

4. Определена функциональная нагрузка речевой агрессии. Помимо базовой функции атаки, агрессия в СМИ выполняет ряд специфических задач:

- в развлекательных медиа: создание конфликта как основы драматургии и нагнетания эмоционального давления;

- в политических медиа: дискредитация оппонента, идеологическая мобилизация, формирование образа «свой / чужой»;

- в социальных сетях: провокация, эпатаж как элемент персонального бренда, избегание неудобных тем, формирование субкультурной идентичности (например, в телеграм-каналах).

Итак, речевая агрессия представляет собой системное явление, структурируемое по конфликтогенным эмотивным дискурсивным практикам, формам и функциям. Её интенсивность и характер зависят от типа медиа (традиционные / новые) и целевой аудитории. Формы выражения речевой агрессии по бинарным оппозициям представляют собой практический инструмент для анализа медиатекстов. Понимание функций агрессии позволяет критически воспринимать медиаконтент и распознавать скрытые тактики манипуляции (реализуемые в малых группах или направленные на общественное мнение).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного комплексного изучения речевой агрессии в средствах массовой информации были достигнуты основные цели и задачи работы, сформулированные в начале исследования.

В **первой главе** решен ряд ключевых теоретико-методологических задач, что позволило систематизировать научные представления о речевой агрессии. Центральным положением является разработанная интегральная концепция, определяющая речевую агрессию как коммуникативное действие, движимое психологической установкой и обусловленное социолингвистическим контекстом. На основании выявленных доминант явления мы сформулировали авторское определение речевой агрессии: *коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность*. Рассмотрение юрислингвистического аспекта подчёркивает не только теоретическую, но и социальную значимость исследования, открывая перспективы для применения его выводов и в практике судебной лингвистической экспертизы.

Разграничены смежные понятия «форма» и «средства» выражения речевой агрессии, в результате чего удалось представить формы речевой агрессии через систему бинарных оппозиций, а средства её выражения – речевыми единицами. *Так, на основании проанализированного теоретического материала в качестве средств речевой агрессии, помимо языковых знаков, выступают речевые единицы, в том числе высказывания, которые а) являются речевой агрессией как целое: образующие их наборы языковых средств реализуют конфликтогенный (содержащий конфликтоген, провоцирующий или усиливающий конфликт) речевой субжанр речевого жанра «ссора»;*

б) содержат нейтральные языковые единицы, которые приобретают агрессивное содержание за счёт контекста.

К речевым субжанрам речевого жанра «ссора» мы отнесли «непрошенный совет» и «сомнительный комплимент» (оскорблительный), дополняя существующий перечень, описанный К. Ф. Седовым. Так, основной инструментарий для выявления типа речевой агрессии в СМИ может быть представлен 16 конфликтогенными речевыми субжанрами речевого жанра «ссора»: инвектива, угроза, проклятье, обвинение, злопожелание, отсыл, грубое прерывание коммуникативного контакта, упрёк, возмущение, насмешка, колкость, констатация некомпетентности, демонстрация обиды, агрессивное молчание, непрошенный совет и сомнительный комплимент.

Формами речевой агрессии являются 12 бинарных оппозиций: 1) вербальная / невербальная; 2) прямая / косвенная (непрямая); 3) инструментальная / неинструментальная; 4) инициативная / реактивная; 5) активная / пассивная; 6) непосредственная / опосредованная; 7) спонтанная / подготовленная; 8) эмоциональная / рациональная; 9) сильная / слабая; 10) враждебная / невраждебная»; 11) переходная / непереходная; 12) массовая / социально-замкнутая. В основе заявленных форм лежит типология К. Ф. Седова из 10 диад (1-10), расширенная нами двумя оппозициями (11-12), которые были описаны в труде А. К. Михальской. Заявленные формы речевой агрессии могут применяться не только при анализе текстов СМИ, но и в других типах дискурса.

В рамках избранного коммуникативно-дискурсивного подхода речевая агрессия интерпретируется нами как коммуникативная стратегия, нацеленная на достижение прагматических эффектов через нарушение принципов кооперации.

Во второй главе определяется рабочее понятие средств массовой информации. На основании теоретического осмысления этого вопроса за основу взята трактовка СМИ из Федерального закона «О средствах массовой информации». Таким образом, эмпирическую базу нашего исследования составили медиатексты, отобранные из традиционных и новых медиа (к последним отнесены

цифровые платформы в силу их онлайн-распространения и соответствия требованиям Роскомнадзора для регистрации в реестре).

Аналізу подверглись медиа, реализующие как информационную, так и развлекательную функции. Было выявлено, что оба типа источников оказывают значительное воздействие на аудиторию, хотя и через разные механизмы. Информационные СМИ эксплуатируют общественную потребность в актуальных данных, особенно в сфере геополитики. Развлекательный контент представляет особую угрозу, поскольку его потребление сопровождается снижением критического анализа и повышенной эмоциональной вовлеченностью (юмор, драматизация). В условиях потребления информации в развлекательных СМИ аудитория становится более уязвимой к скрытым формам речевой агрессии – на уровне идеологических установок, оценочных суждений и агрессивных моделей диалога.

Поскольку ключевым фактором определена возможность СМИ влиять на мнение и язык общества, мы выбрали для исследования следующие материалы:

- для традиционных СМИ – газетные тексты Донецкой Народной Республики (информационные, информационно-развлекательные); телепроекты федеральных каналов «Мужское / Женское» (остросоциальный проект), «Звёзды в Джунглях» (жанр «реалити»), «60 минут» (общественно-политическое ток-шоу); радиопередачи «Авторadio», «Дорожное радио»;

- для новых медиа – сетевые издания («РИА Новости», «Коммерсантъ»), портретные интервью («Осторожно, Собчак», «Стрелец – Молодец», «Алёна, БЛИН!»), пресс-конференции по чрезвычайным ситуациям и информационные телеграм-каналы («Mash», «Baza», «ДНР INFO»).

Установлено, что механизмы речевого воздействия в современных медиа достигли высокой степени эффективности, позволяя напрямую влиять на массовое сознание. Речевая агрессия, формируя отрицательное восприятие конкретных событий и персоналий, производит готовые оценочные суждения, которые усваиваются аудиторией, часто оставаясь для неё незамеченной.

В ходе исследования выявлены конкретные механизмы воздействия СМИ,

задавая основу дальнейшему изучению взаимосвязи языка, культуры и медиатехнологий. Эволюционировав из технического инструмента в социальный институт, СМИ несут особую ответственность за состояние речевой культуры.

Тем не менее при изучении состояния современного языка СМИ мы обнаружили тенденции нарушения лингвоэкологических принципов сохранения языка, которые были выявлены исследователями в конце XX – начале XXI вв. Среди деструктивных для лингвоэкологии процессов идентифицированы: нормализация речевой агрессии, активное использование метафор и эвфемии, а также широко представлено употребление и склонение аббревиатур в медиатекстах. В этой ситуации двойственная роль медиа как источника деструкции и одновременно агента нормотворчества требует усиления их ответственности и развития компетенций медиаграмотности у аудитории.

На основании результатов исследования в первой и второй главах предложено уточнённое определение речевой агрессии в СМИ: ***коммуникативное действие, выраженное конфликтогенными вербально-коммуникативными средствами, в публичном поле (пространстве) с помощью технических средств передачи информации для достижения отрицательной интенции в отношении объекта агрессии или для реализации интенции защиты (в виде ответной агрессивной реакции), которое при наличии определённого ряда факторов может повлечь юридическую ответственность.***

В третьей главе были выявлены и описаны вербально-коммуникативные средства речевой агрессии. В результате их систематизации сформирован комплексный аналитический инструментарий. Данный аппарат позволил не только идентифицировать, но и содержательно интерпретировать конфликтогенные высказывания в материалах СМИ. ***Ключевым методологическим решением стало использование предложенной нами модели для анализа выражения средств речевой агрессии в СМИ.***

Проведённый интерпретационный анализ речевых единиц позволил охарактеризовать речевую агрессию в традиционных СМИ как системный и многоуровневый феномен, используемый целенаправленно: в качестве

драматургической основы развлекательных форматов (например, «Звёзды в Джунглях») и как оружия в идеологическом противостоянии (в газетных текстах, «60 минут»). Реализация речевой агрессии происходит с помощью следующих средств: лексическо-семантических (инвективы, пейоративы, стилистически сниженная лексика) и морфолого-синтаксических, которые обеспечивают силу воздействия. Комбинация риторических вопросов, императивов, иронических кавычек позволяет дискредитировать и манипулировать восприятием, сохраняя видимость нейтральности высказывания.

Анализ речевых единиц в новых медиа был разделён на два блока: изучение медиапродуктов в сетевых форматах официальных СМИ (сетевые издания и пресс-конференции) и социальных сетях (публичные страницы интервьюеров и телеграм-каналы).

В первом блоке медиатексты пресс-конференций по ЧС демонстрируют, что речевая агрессия в них реализуется через комплекс лексико-семантических и синтаксических средств: используются инвективная и стилистически сниженная лексика (*мытарь, социально опасный элемент*), метафоры и просторечия для прямой дискредитации и создания негативных образов; а также синтаксические параллелизмы и лексические повторы, императивы, антитезы (редко).

В сетевых изданиях агрессия также реализуется комплексно: на лексическом уровне – через инвективы, метафоры и просторечия для открытой дискредитации; вводные выражения (*фактически, скажем мягко*), маскирующие критику под объективность. Морфолого-синтаксические средства речевой агрессии позволили определить характерные приёмы: синтаксические противопоставления и причинные связи, которые используются для скрытой дискредитации, приписывая оппонентам негативные мотивы; безличные и условные конструкции, которые формируют негативные прогнозы.

В рамках сетевого издания «РИА Новости» мы проследили речевую агрессию во встречном тексте. Интерпретационный анализ высказываний выявил значительный пласт инвективной, стилистически сниженной и обценной лексики, которая используется для агрессивной оценки оппонентов и происходящих

событий. Морфолого-синтаксический анализ примеров выявил систему грамматических конструкций, служащих для выражения агрессии (императивы, модальность долженствования и т. п.).

Во втором блоке рассматривались медиатексты портретных интервью и телеграм-каналов.

При анализе портретных интервью наблюдались разные подходы интервьюеров для реализации речевой агрессии. К лексическим средствам относятся инвективные и стилистически сниженные единицы (*баба, гребут, хайп, змеюшки*) и синтаксические средства (риторические вопросы, императивы и антитезы).

Так, например, отличительной чертой интервью (К. Собчак) является стратегическая направленность агрессии: последовательно деконструирует мировоззренческие установки собеседника, используя речевую агрессию как инструмент критического анализа. Это проявляется в намеренном обыгрывании ключевых понятий, к которым апеллирует оппонент (*парадигма, традиционные ценности*), превращая их в объект насмешки через многократное повторение и контекстуальное переосмысление. Таким образом, речевая агрессия в коммуникативном стиле К. Собчак представляет собой инструмент публичной дискуссии, где конфронтация реализуется через критику позиции оппонента.

В интервью А. Жигаловой речевая агрессия представлена как продуманная коммуникативная стратегия через систему языковых средств: лексических (прямой инвективы (*сс*кло, тупица*) со стилистически сниженной и просторечной лексикой (*нах*р, фигня, впадлу*), создающей эффект намеренной грубости. Особую роль играют каламбурные окказионализмы (*по-волочковски*) и манипулятивные метафоры (*экзамен жизни*), служащие инструментами обесценивания оппонента. На синтаксическом уровне агрессия проявляется через риторические вопросы (*Почему я должна что-то скрывать?*), императивные конструкции. Этот комплекс средств работает на три стратегические цели: поддержание эпатажного имиджа, психологическое давление на собеседника и избегание содержательной дискуссии через перевод диалога в эмоциональное поле.

Анализ трёх телеграм-каналов демонстрирует различные модели инструментализации речевой агрессии в медиадискурсе. В канале «Baza» агрессия функционирует как медиаинструмент, реализуемый через тщательно подобранный лексический арсенал: стилистически сниженную лексику, глаголы и метафоры, которые создают сенсационность (*роковой, нагрянули*), сохраняя видимость новостного формата. В отличие от этого, «Mash» использует агрессию как идеологический конструкт, где сниженная лексика (*всушники, пацаны*) сочетается с императивными конструкциями.

Наиболее системный характер агрессия приобретает в «ДНР INFO», где реализуется идеологическое воздействие. Деструктивные метафоры (*погрузились во тьму*), визуальные пейоративы (*эмодзи*) и саркастические сравнения служат целям стигматизации и разжигания вражды.

Таким образом, если «Baza» использует агрессию для драматизации, а «Mash» – для идеологической мобилизации, то «ДНР INFO» превращает её в оружие информационной войны, где языковые знаки работают на создание определённой картины реальности.

Основными паралингвистическими средствами выступают кавычки (письменные медиатексты), использование эмодзи (телеграм-каналы), насмешливый / угрожающий тон (устные медиатексты).

При рассмотрении конфликтогенные речевых субжанров как средств речевой агрессии мы пришли в следующем выводе.

Анализ традиционных СМИ демонстрирует жанровую специфику речевой агрессии в разных типах медиапродуктов. В политическом дискурсе (газетные тексты, «60 минут») агрессия реализуется через конфликтогенные субжанры: обвинение через стигматизирующие ярлыки (*нацисты, псевдополитизированные маргиналы*) и саркастические конструкции в кавычках, маскирующие критику и негативно-оценочное отношение под объективность.

В развлекательных телепроектах агрессия проявляется как драматургический элемент. «Мужское / Женское» системно использует субжанры социальной стигматизации – прямые обвинения, угрозы и грубое прерывание коммуникации.

«Звёзды в Джунглях» легитимизирует агрессию через «игровой» конфликт, сочетая табуированную лексику, гендерно-маркированные инвективы и приёмы коллективного принуждения.

Радиоформаты демонстрируют косвенную форму агрессии, где доминируют конфликтогенные субжанры насмешки (метафоры, идиомы) и колкости (риторические вопросы, замаскированные упрёки).

Таким образом, медиапродукты конструируют специфические модели агрессивной коммуникации, где выбор средств речевой агрессии определяется форматом и целевой аудиторией.

Первый блок медиатекстов новых медиа позволил сделать вывод о преобладающих конфликтогенных субжанрах.

Конфликтогенные субжанры в пресс-конференциях по ЧС используются не для эскалации конфликта, а как инструмент социальной критики, оправдания и усиления значимости проблемы. Прослеживаются упрёк, обвинение и возмущение, адресованные не конкретным лицам, а чаще системе в целом.

В сетевых изданиях речевая агрессия реализуется через: прямые обвинения с эскалацией угрозы, которые часто трансформируются в ультиматумы, создавая искусственную причинно-следственную связь и переводя дискуссию в плоскость силового давления; угрозы-намёки, угрозы-предупреждения, инвектива, колкости, насмешки, упрёки и констатация некомпетентности.

Во встречном тексте на платформе «РИА Новости» преобладают конфликтогенные субжанры для выражения открытой агрессии: угрозы, оскорбления, обвинения, призывы, явные насмешки.

Во втором блоке медиатекстов мы выявили реализацию речевой агрессии в портретных интервью через насмешки, упрёки, непрошенные советы, констатацию некомпетентности.

В телеграм-каналах, в свою очередь, речевая агрессия выражается через обвинения, инвективы, констатацию некомпетентности, колкости и насмешки.

В результате изученных средств речевой агрессии удалось определить её формы, которые позволяют охарактеризовать речевую агрессию в СМИ.

В *новых медиа* речевая агрессия наблюдается в следующих формах: вербальная; прямая (встречный текст, телеграм-каналы) и косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная (портретные интервью) и рациональная (письменные медиатексты); сильная (встречный текст, телеграм-каналы, «Алёна, БЛИН!») и слабая («Стрелец – Молодец», сетевые издания); враждебная; переходная; массовая (сетевые издания, Telegram) и социально-замкнутая (портретные интервью).

В *традиционных СМИ* речевая агрессия наблюдается в следующих формах: вербальная; прямая (телепроекты) и косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная («Мужское / Женское», радиопередачи) и рациональная («60 минут», письменные медиатексты); сильная («Мужское / Женское», «Звёзды в Джунглях») и слабая (письменные медиатексты, радиопередачи); враждебная; переходная; социально-замкнутая (в газетных текстах не определена).

На основании вышеизложенного, мы можем определить обобщенный характер речевой агрессии в СМИ: вербальная; прямая (встречный текст, телеграм-каналы, телепроекты) и косвенная; инструментальная; инициативная; непосредственная (устные медиатексты) и опосредованная (письменные медиатексты); подготовленная (письменные медиатексты) и спонтанная (устные медиатексты); эмоциональная (устные медиатексты) и рациональная (письменные медиатексты); сильная (встречный текст, телеграм-каналы, телепроекты) и слабая; враждебная; переходная; массовая (сетевые издания, Telegram) и социально-замкнутая (в газетных текстах не определена).

Настоящее исследование открывает широкие перспективы дальнейших исследований.

Методология предложенного анализа может быть продуктивно применена в

рамках кросс-культурных исследований, направленных на выявление национально-специфических особенностей реализации вербально-коммуникативных средств речевой агрессии в различных типах дискурса.

Изучение трансформационных процессов в цифровой медиасреде представляется особенно релевантным в контексте наблюдаемой гибридизации медиаформатов и новых моделей дискурсивного взаимодействия.

Диахроническая перспектива анализа развития речевой агрессии в отечественном медиапространстве постсоветского периода позволила бы выявить детерминирующее влияние социополитических факторов на дискурсивные практики.

Актуальной задачей остается разработка комплексной типологии современных агрессивных субжанров с учётом процессов их миграции и трансформации в поликодовой медиасреде, например, в «мемах» (единицах значимой для культуры информации, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов).

В практическом плане значительный интерес представляет нормативно-правовой аспект изучения речевой агрессии, направленный на разработку дифференцированных критериев разграничения допустимой полемики и деструктивного коммуникативного воздействия. Перспективным представляется апробирование методов компьютерной лингвистики и технологий искусственного интеллекта для создания автоматизированных систем мониторинга и квалификации речевой агрессии.

Реализация обозначенных исследовательских программ будет способствовать не только углублению теоретических представлений о природе и механизмах речевой агрессии, но и разработке эффективных инструментов для оптимизации публичной коммуникации и укрепления лингвоэкологической безопасности медиапространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агапов, П. В. Эрих Фромм о человеческой агрессивности и деструктивности: опыт философско-антропологического анализа / П. В. Агапов // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6 (50). – С. 112–120.
2. Агапова, С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 282 с.
3. Апресян, В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке [Текст] / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы III Международной конференции «Диалог 2003». – Москва : Наука, 2003. – С. 32–35.
4. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. – Москва : Наука, 1992. – С. 52–56.
5. Балашова, Л. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 832 с.
6. Балчугов, А. В. Перспективы взаимоотношений традиционных и новых медиа [Текст] / А. В. Балчугов, Е. А. Пахомова, С. В. Устинкин, А. А. Фоменков // Власть. – 2020. – № 28-6. – С. 89–93.
7. Баранов, А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А. Г. Баранов // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 4–12.
8. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы. – №4 (36). – 2014. – С. 139-147.
9. Барлыбаева, С. Х. Модернизация журналистского образования в цифровую эпоху / С. Х. Барлыбаева // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: XIV Всероссийская научно-практическая конференция, 3 апреля 2020 г. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2020 – С. 13-15. – ISBN 978-5-7621-1092-1.
10. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 615 с.

11. Баскова, Ю. С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «Слова-прикрытия». – Краснодар : КСЭИ, 2009. – 182 с.
12. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Вып. 7. – 2004. – С 257-263.
13. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. – Москва : Художественная литература, 1986. – С. 428–472.
14. Беликов, В. И. Социоллингвистика: Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2001. – 439 с.
15. Белоус, П. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / П. А. Белоус, Н. В. Осколкова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – Вып. №4-II. – 2007. – С. 96-106.
16. Берковиц, Л. Агрессия: причины, следствия и контроль / Л. Берковиц. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
17. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва, 1987. – С. 88–99.
18. Бонджолова, В. Ц. Оказиональные трансформации антропонимов как инвективная лексика / В. Ц. Бонджолова // Медиалингвистика. – 2020. – № 3. – С. 45–52.
19. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 178–191.
20. Бояк, Т. Н. Содержание понятия «Духовно-нравственные ценности» / Т. Н. Бояк // Вестник БГУ. – 2015. – № S14. – С. 42–45.
21. Бринёв, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: моногр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2009. – 252 с.
22. Бубнова, И. А. Психоллингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии / И. А. Бубнова // Вопросы психоллингвистики. – 2021. – Вып. № 4 (50). – С. 38–55.

23. Быстров, В. В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик: дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001. – 124 с.
24. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса. – Л. : Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
25. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. [Текст] / Т. А. ван Дейк / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.
26. Веселов, Ю. В. Экономика и социология доверия. / Ю. В. Веселов. – Санкт-Петербург : Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2004. – 190 с.
27. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. / Е. М. Вольф. – Москва. – 1985. – 246 с.
28. Воробьев, В. В. Государственный язык России [Текст] / В. В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 3-16.
29. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме / Т. А. Воронцова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 83–86.
30. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с.
31. Воронцова, Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в Интернет-коммуникации [Текст] / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 2. – С. 158–164.
32. Воронцова, Ю. А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой информации / Ю. А. Воронцова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй международной научной конференции: в 2 томах, Волгоград, 24–26 апреля 2007 года. Том 1. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. – С. 680-686. – EDN THLQNX.
33. Гайда, С. Жанры разговорных высказываний / С. Гайда. // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 103–112.

34. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки [Электронный ресурс] / Е. И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 31–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza-i-predely-dopustimosti-ispolzovaniya-metodov-lingvisticheskoy-nauki> (дата обращения: 05.10.2025).

35. Гийому, Ж. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 124–136.

36. Гладилин, А. В. «Язык вражды» как коммуникация [Электронный ресурс] / А. В. Гладилин. // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения: 05.08.2025).

37. Глинчевский, Э. И. Средства речевого воздействия в языке СМИ [Электронный ресурс] / Э. И. Глинчевский // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-rechevogo-vozdeystviya-v-yazyke-smi> (дата обращения: 05.10.2025).

38. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – Москва : Мысль, 1991. – 731 с.

39. Голев, Н. Д. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина / Н. Д. Голев, К. А. Лоншакова // Юрислингвистика. – 2023. – № 29 (40). – С. 45–62.

40. Голев, Н. Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html> (дата обращения: 05.10.2025).

41. Голев, Н. Д. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права [Текст] / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 146–157.

42. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач /

Б. Ю. Городецкий // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.

43. Градюшко, А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста : учеб.-метод. пособие / А. А. Градюшко. – Минск : БГУ, 2019 – 239 с. – ISBN 978-985-566-822-1.

44. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.

45. Грищенко, А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8-9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. Ярославль: Рем-дер, 2007. – С. 40-52.

46. Грищенко, А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / / Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. – Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175-187.

47. Грищенко, А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды [Текст] / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : кол. моногр. / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175–187.

48. Гусева, Л. А. Модальные слова как часть речи / Л. А. Гусева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1-2 (67). – С. 78–82.

49. Давыдова, С. В. Язык средств массовой информации [Электронный ресурс] / С. В. Давыдова // Lingua mobilis. – 2011. – № 2 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sredstv-massovoy-informatsii> (дата обращения: 18.11.2025).

50. Дашевский, Ю. А. Социально-политическая роль медиапространства

информационного общества [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ю. А. Дашевский. – Тверь, 2017. – 194 с.

51. Девдариани, Е. В. Агрессия в языке и речи как социальная проблема / Е. В. Девдариани, Е. В. Рубцова // КНЖ. – 2019. – № 1 (26). – С. 45–47.

52. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров [Текст] / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 600 с.

53. Демченко, Н. С. Вербальные маркеры угрозы в интернет-СМИ / Н. С. Демченко // Славистика: новые имена в науке: сб. науч. тр. участников VII Всерос. очно-заоч. науч.-практ. конф. – Горловка, 2024. – С. 27–31.

54. Демченко, Н. С. Некоторые особенности современного состояния языка СМИ в лингвоэкологическом аспекте (на материале газетных текстов) / Н. С. Демченко // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2022. – № 14 (40). – С. 174–183.

55. Демченко, Н. С. Особенности инвективной лексики в СМИ / Н. С. Демченко // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Донецк, 2023. – С. 81–85.

56. Демченко, Н. С. Особенности конфликтогенного речевого жанра «насмешка» на примере текстов интервью / Н. С. Демченко // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. С. А. Коньшаковой. – Брянск, 2022. – С. 174–179.

57. Демченко, Н. С. Особенности конфликтогенных жанров речи в интернет-комментарии / Н. С. Демченко // Славистика: новые имена в науке: сб. науч. тр. участников V Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. – Горловка, 2021. – С. 49–53.

58. Демченко, Н. С. Особенности репрезентации речевого акта оскорбления в СМИ (на примере популярных российских телепроектов) / Н. С. Демченко // Славистика: новые имена в науке: сб. науч. тр. участников VIII Всерос. очно-заоч. науч.-практ. конф. – Горловка, 2025. – С. 64–69.

59. Демченко, Н. С., Соснина Л. В. Заимствования в языке СМИ как угроза лингвоэкологии. / Н. С. Демченко, Л. В. Соснина. // Языки Донбасса : история, современное состояние, перспективы развития : материалы IV Респ. заоч. студенч. конф., посвящ. Междунар. дню род. яз. (Донецк, 29 марта 2022 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», Кафедра краеведения. – Донецк : ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – С. 109-111.

60. Демченко, Н. С. Сущность речевой агрессии как лингвистического явления / Н. С. Демченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 4. – С. 83–88.

61. Демченко, Н. С. Элементы речевой агрессии в средствах массовой информации (на примере пресс-конференций, освещающих проблемы ЧС) / Н. С. Демченко // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. – 2021. – № 3 (10). – С. 121–125.

62. Добросклонская, Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – №2 – 2005. – С. 28-34.

63. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 264 с.

64. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – Москва : МАКС Пресс, 2000. – 288 с.

65. Добросклонская, Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов [Текст] / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 38–54.

66. Доронина, С. В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С. В. Доронина // Юрислингвистика, Алтайский государственный университет. – 2002. – №3. – С.78-85.

67. Дьячкова, Н. А. Речевая агрессия и язык вражды [Электронный ресурс] / Н. А. Дьячкова // Миссионерский институт. Екатеринбургская епархия. – URL:

<http://old.uralsky-missioner.ru/doc/689> (дата обращения: 12.08.2025).

68. Енина, Л. В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации / Л. В. Енина // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – Москва : Независимый институт коммуникативистики, 2002. – С. 104–110.

69. Ермакова, О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва, 1993. – С. 56–78.

70. Жельвис, В. И. Обзывательство как национально-специфическая характеристика / В. И. Жельвис // Жанры речи. – Саратов : Наука, 2011. – Вып. 7. – С. 188–210.

71. Жельвис, В. И. Опыт классификации вербальной агрессии в русской и англоязычных культурах [Электронный ресурс] / В. И. Жельвис // Коммуникация в изменяющемся мире : материалы VI Междунар. конф. РКА. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/communication2012/report?memb_id=1757 (дата обращения: 09.10.2025).

72. Закоян, Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований [Текст] / Л. М. Закоян // Вестник Российского университета дружбы народов. – Москва, 2008. – С. 46–52.

73. Зверева, Е. В. Формы обращения в комплиментах, используемых в испанском языке / Е. В. Зверева // Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (10). – С. 76–82.

74. Иваненко, Г. С. Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений [Текст] / Г. С. Иваненко // Юрислингвистика. – 2018. – № 7-8. – С. 98–118.

75. Ипполитова, Н. А. Русский язык и культура речи: учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова; под ред. Н. А. Ипполитовой. – Москва, 2004. – 467 с.

76. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
77. Иссерс, О. С. Речевые стратегии и тактики: как добиться успеха в речевом взаимодействии. / О. С. Иссерс. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 320 с.
78. Калмыков, А. А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Калмыков. – Москва, 2009. – 50 с.
79. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик. // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 5–19.
80. Карасик, В. И. Язык социального статуса. / В. И. Карасик. – Москва : Институт языкознания АН СССР, 1991. – 495 с.
81. Карасик, В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
82. Каримова, Т. С. Вербальная угроза как объект лингвистической экспертизы / Т. С. Каримова // Полицейская деятельность. – 2022. – № 6. – С. 15–23.
83. Каримова, Т. С. Язык вражды в Интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 20.08.2025).
84. Карякин, А. В. Стратегическо-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: на материале немецкого языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Карякин. – Волгоград, 2010. – 163 с.
85. Кацев, А. М. Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания. / А. М. Кацев. – Ленинград, 1977. – 190 с.
86. Клименко, О. К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке / О. К. Клименко // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – 2005. – № 2005. – С. 85–101.
87. Клушина, Н. И. Речевая агрессия в СМИ: зоны проявления и попытки

рефреймирования / Н. И. Клушина // Этика речевого поведения российского журналиста: Кол. монография / Ред.-сост. Л. Р. Дускаева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2009. – С. 124–138.

88. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста. / Н. И. Клушина. – Москва : МедиаМир, 2008. – 244 с.

89. Кобякова, Г. Н. Речевая агрессия в современной школе [Текст] / Г. Н. Кобякова // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. – 2010. – Спец. вып. № 2: Гуманитарные науки. – С. 146–151.

90. Ковшова, М. Л. Комплимент и оскорбление: общее и различное (на материале современной русской речи) / М. Л. Ковшова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва : МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – С. 103–112.

91. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 52–61.

92. Колмакова, В. В. Проявление речевой агрессии в комплименте / В. В. Колмакова, Д. Ю. Шалков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 126–132.

93. Комарова, В. В., Осьмак Н. А. Этнофолизм как элемент языка вражды [Электронный ресурс] / / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №5 (834). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnofolizm-kak-element-yazyka-vrazhdy> (дата обращения: 28.08.2025).

94. Кондратьева, С. А., Чернова, И. С. Виды речевой агрессии / С. А. Кондратьева, И. С. Чернова // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 5. – [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/05/95344> (дата обращения: 03.09.2025).

95. Коньков, В. И. Круглый стол: «Русский язык в СМИ» [Текст] / В. И. Коньков // Мир русского слова. – 2002. – № 5 (13). – С. 54-55.

96. Кормилицына, М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 15–28.

97. Коробкова, О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект [Электронный ресурс] / О. С. Коробкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-yazyka-vrazhdy-v-nominatsiyah-etnicheskoy-prinadlezhnosti-sotsiolingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 27.09.2024).

98. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.

99. Костяев, А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А. П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2011. – Т. 1, № 19. – С. 101–109. – URL: <https://readera.ru/tverlingua> (дата обращения: 12.03.2023).

100. Кочеткова, М. В. Судебно-лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / М. В. Кочеткова, И. В. Головинская // Бюллетень науки и практики. – 2020. – № 5. – С. 34–42.

101. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике. / Л. П. Крысин. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

102. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – Москва, 1996. – С. 384–405.

103. Крюкова, И. В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ставрополь, 2011. – 20 с.

104. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 156 с.

105. Кузин, Ф. А. Культура делового общения [Электронный ресурс]. – URL: <https://Ф. А. Кузин // www.rulit.me/books/kultura-delovogo-obshcheniya-read->

142678-20.html (дата обращения: 11.09.2025).

106. Куликова, С. А. Конституционный запрет цензуры в России: монография / под ред. Г. Н. Комковой. – Москва : Проспект, 2016. – 216 с.

107. Курашкина, Н. А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области [Электронный ресурс] / Н. А. Курашкина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-ili-lingvoekologiya-terminologicheskaya-dilemma-mezhdistsiplinarnoy-nauchnoy-oblasti> (дата обращения: 11.09.2025).

108. Курносов, И. Н. Информационное общество и Россия: особый путь / И. Н. Курносов // Информ-ревью. – 1997. – №4 (24). – С.4-5.

109. Кусов, Г. В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография. – Краснодар : Издательский Дом - Юг, 2011. – 156 с.

110. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с.

111. Кушнерук, С. Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства / С. Кушнерук // Юрислингвистика. – 2020. – № 16 (27). – С. 78–92.

112. Лазебная, И. Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Б. Лазебная. – Белгород, 2007. – 186 с.

113. Леонтович, О. А. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий / О. А. Леонтович // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 16–21.

114. Леонтьев, А. А. Психология общения. / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл; Академия, 2007. – 365 с.

115. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики. / А. А. Леонтьев. – Москва : Мысль, 1965. – 574 с.

116. Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. – Челябинск, 2010. – 44 с.

117. Лич, Дж. Н. Принципы прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 105–122.

118. Лобас, П. П. Лексические средства убеждения и манипулирования в политическом дискурсе: тропика, синонимика, топики [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. П. Лобас. – Ростов-на-Дону, 2011. – 196 с.

119. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. – Москва : Мысль, 1988. – 668 с.

120. Лутовинова, О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Лутовинова О.В. ; [место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2013. – 45 с.

121. Мазурчук, Е. О. Девиантное поведение молодежи в виртуальном пространстве: кибербуллинг [Электронный ресурс] / Е. О. Мазурчук, Н. И. Мазурчук // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-molodezhi-v-virtualnom-prostranstve-kiberbulling> (дата обращения: 11.08.2025).

122. Майданова, Л. М. Агрессивность и речевая агрессия. / Л. М. Майданова. – Москва, 1997. – 168 с.

123. Майданова, Л. М. Структура и композиция газетного текста: средства выразительного письма [Текст] / Л. М. Майданова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 180 с.

124. Маркина, Ю. В. Англо-американские заимствования в дискурсе современных российских глянцевого изданий. / Ю. В. Маркина. // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2020. – №. 6. – С. 74-80.

125. Мартынова, Е. А. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 192 с.

126. Мирошник, Е. В. Агрессивные состояния и пути их коррекции в рамках теории функционального комфорта / Е. В. Мирошник, Л. Д. Чайнова // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 2–5 (23). – С. 45–52.
127. Михальская, А. К. О речевом поведении политиков [Электронный ресурс] / А. К. Михальская // Независимая газета. – 1999. – URL: https://www.ng.ru/ideas/1999-12-03%2520/8_politics.html?print=Y (дата обращения: 19.11.2024).
128. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово [Текст] : учеб. пособие / А. К. Михальская. – Москва : Просвещение, 1996. – 416 с.
129. Моисеенко, Л. В. Таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса / Л. В. Моисеенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – № 6. – С. 99–105.
130. Носовец, С. Г. Новые медиа: к определению понятия [Текст] / С. Г. Носовец // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4. – С. 39–47.
131. Олссон, Дж. Слово как улика: всё, что вы скажете, будет использовано против вас / пер. с англ. А. Б. Зуева. – Москва : АСТ, Lingua, 2018. – 254 с.
132. Остин, Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
133. Очилова, А. Сниженная лексика в современном русском языке / А. Очилова // Scientific progress. – 2022. – № Special Issue 1. – С. 34–41.
134. Паремужашвили, Э. Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) / Э. Э. Паремужашвили // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – №1. – С. 136-142.
135. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – 5-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 160 с.
136. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии [Текст] : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – Москва : Флинта :

Наука, 2011. – 160 с.

137. Пешкова, Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтогенности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе / Н. П. Пешкова, А. В. Моисеева А. С. Титлова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, 2018. – №4. – С. 19-32.

138. Понарин, Э. Индекс (ин)толерантности прессы [Текст] / Э. Понарин, Д. Дубровский, А. Толкачева, Р. Акифьева // Язык вражды против общества : сб. ст. / сост. А. Верховский. – Москва : Центр «Сова», 2007. – С. 72–106.

139. Попова, С. А. Ментальный сценарий «Насмешка» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с английской) / С. А. Попова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7. – С. 51–58.

140. Пробст, Н. А. Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе / Н. А. Пробст // Вестник культурологии. – 2023. – № 2(105). – С. 215–228.

141. Радбиль, Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ / Т. Б. Радбиль // Медиастилистика. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 45–58.

142. Рождественский, Ю. В. Теория риторики [Текст] / Ю. В. Рождественский. – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.

143. Рыбчак, П. Н. Доверие как категория политологического анализа / П. Н. Рыбчак // Управленческое консультирование. – 2015. – № 9. – С. 164–174.

144. Свинцова, Е. А. Новые медиа (пер. с англ. Бергер Н.) / О. Стинс, Д. Ван Фухт // Вестник ВолГУ. Серия 8. – 2008. – Вып. 7. – С. 98–106.

145. Седов, К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 112–120.

146. Седов, К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 188–194.

147. Седов, К. Ф. Комплимент - речевой жанр суггестивного дискурса / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – Вып. 7. – С. 225–235.

148. Седов, К. Ф. Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России / К. Ф. Седов // Stylistyka. – 2006. – № 15. – С. 135–149.

149. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. – Москва : Лабиринт, 2007. – С. 7–38.

150. Седов, К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика. – 2005. – № 6. – С. 87-103. – EDN WCMRSX.

151. Седов, К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия. Прямая и непрямая коммуникация [Текст] / К. Ф. Седов. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 112–120.

152. Сиротинина, О. Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 5–13.

153. Скворцов, Л. И. Литературная норма и просторечие. – Москва : Наука, 1977. – 252 с.

154. Сковородников, А. П. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (5). – С. 5–18.

155. Сковородников, А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5. – С. 12–25.

156. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века [Текст] / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 382 с.

157. Снежкова, И. А. Паралингвистические средства в медиатекстах [Электронный ресурс] / И. А. Снежкова // Современное педагогическое

образование. – 2023. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paralingvisticheskie-sredstva-v-mediatekstah> (дата обращения: 03.03.2025).

158. Солганик, Г. Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс]. – URL: [https://Г. Я. Солганик // gramota.ru/journal/stati/zhiznyazyka/sovremennaya-publitsisticheskaya-kartina-mira](https://Г.Я.Солганик//gramota.ru/journal/stati/zhiznyazyka/sovremennaya-publitsisticheskaya-kartina-mira) (дата обращения: 19.09.2025).

159. Соловьева, Е. В. Речевой акт возмущения как средство самопрезентации в политическом дискурсе (на примере текстов дебатов в Бундестаге) / Е. В. Соловьева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 150. – С. 67–74.

160. Соснина, Л. В. Этнофолизм как средство речевой агрессии (на материале встречного текста на новостные сообщения) / Л. В. Соснина, Н. С. Демченко // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13, № 6. – С. 94–104.

161. Соснина, Л. В., Демченко Н. С. Особенности выражения речевой агрессии в электронных средствах массовой информации / Л. В. Соснина, Н. С. Демченко // «Глобальный научный потенциал». – Санкт-Петербург. – №10(175). – 2025. – С. 270-276

162. Степанов, В. Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики / В. Н. Степанов // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 6, № 2. – С. 124–135.

163. Степко, М. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2008. – 22 с.

164. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 252 с.

165. Стинс, О. Новые медиа / О. Стинс, Д. ван Фухт ; пер. с англ. Н. Бергер // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 8, Журналистика. – 2008. – Вып. 7. – С. 98–106.

166. Тепляшина, А. Н. Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция

как тренд [Текст] / А. Н. Тепляшина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – № 3. – С. 24–35.

167. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

168. Фирсова, М. А. Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Астрахань, 2018. – 236 с.

169. Фомичева, И. Д. Интернет-СМИ как часть медиасистемы [Текст] / И. Д. Фомичева, М. М. Лукина // Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – С. 63 – 110.

170. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Москва : АСТ-ЛТД, 1998. – 672 с.

171. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. – Москва : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.

172. Хайруллина, Р. Х. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное [Текст] / Р. Х. Хайруллина, Г. З. Минигулова // Сборник научных статей к 75-летию проф. Р. З. Мурясова : в 2 ч. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – Ч. I. – С. 333–337.

173. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1980. – 48 с.

174. Шагиева, Г. Р. К вопросу о лингвистической экспертизе [Электронный ресурс] / Г. Р. Шагиева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 2 (2). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 12.08.2025).

175. Шамне, Н. Л. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса [Текст] / Н. Л. Шамне, А. В. Карякин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 204–208.

176. Шарафадина, К. И. Язык и стиль СМИ [Текст] : учеб. пособие / К. И. Шарафадина, Н. С. Зеликина, Л. А. Евдокимова [и др.] ; сост.

К. И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2016. – 228 с.

177. Шарифуллин, Б. Я. Общественная лексика: терминологические заметки [Текст] / Б. Я. Шарифуллин // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2000. – Вып. 1(9). – С. 108–111.

178. Шаронов, И. А. Понятие коммуникативной ситуации в прагматических исследованиях (на примере совета) / И. А. Шаронов, З. А. Кушеш // Коммуникативные исследования. – 2024. – № 3. – С. 234–246.

179. Шаронов, И. А. Речевые акты и речевые жанры на примере комплимента / И. А. Шаронов // Слово.ру: балтийский акцент. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 234–246.

180. Шахматова, Т. С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы / Т. С. Шахматова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 286–294.

181. Швейцер, А. Д. Очерк современного английского языка в США. – Москва : Высшая школа, 1963. – 215 с.

182. Шейгал, Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал // Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 204–222.

183. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 324 с.

184. Шилихина, К. С. Семантика и прагматика вербальной иронии. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 304 с.

185. Шишко, М. В. Вербальная характеристика агрессии личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Москва, 2009. – 26 с.

186. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–98.

187. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – №1. – 1992. – С. 35–67.

188. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия. – Москва : ЛКИ, 2008. – 360 с.

189. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия в оценка православия / Ю. В. Щербинина // Философские науки. – 2011. – № 6. – С. 126–133.
190. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды [Текст] / Ю. В. Щербинина. Москва : Форум. 2012. 397 с.
191. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия: Территория вражды: учебное пособие. – Москва : Форум, 2019. – 320 с.
192. Щербинина, Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления [Текст] : учеб. пособие / Ю. В. Щербинина. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
193. Якимова, Н. С. Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Якимова Наталья Сергеевна – Кемерово, 2012. – 22 с.
194. Яковлева, Ю. В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917-1932 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – Москва, 2016. – 166 с.
195. Ames, D. L. Outcome dependency alters the neural substrates of impression formation / D. L. Ames, S. T. Fiske // *NeuroImage*. – 2013. – Vol. 83. – P. 599–608.
196. Anderson, Luvell and Michael Barnes, "Hate Speech", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/hate-speech/> (дата обращения: 25.09.2025).
197. Arnold, H. Buss. *The Psychology of Aggression*. – New York, London: Wiley and sons, 1961. – 307 p.
198. Austin, J. L. *How to Do Things with Words*. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 168 p.
199. Baron, R. A. *Human aggression* / R. A. Baron, D. R. Richardson. – New York : Plenum Press, 1994. – 419 p.
200. Bell, A. *Approaches to mass media discourse* / A. Bell. – London: Blackwell, 1998. – 304 p.
201. Bern, E. *Games people play* // *The Basic Handbook of Transactional Analysis*.

– Ballantine Books, 1996. – 216 p.

202. Caines, A. Aggressive language in an online hacking forum / A. Caines, S. Pastrana, A. Hutchings, P. Buttery // Proceedings of the Second Workshop on Abusive Language Online (ALW2). – 2018. – P. 66–74.

203. Crick, N. R. Relational Aggression, Gender, and Social-Psychological Adjustment / N. R. Crick, J. K. Grotpeter // Child Development. – 1995. – Vol. 66, № 3. – P. 710–722.

204. Deuze, M. The Web and its Journalism: Considering the Consequences of Different Types of Newsmedia Online // New Media & Society. – 2003. – Vol. 5, № 2. – P. 203–230.

205. Fortuna, P. A Survey on Automatic Detection of Hate Speech in Text / P. Fortuna, S. Nunes // ACM Comput Surv. – 2018. – Vol. 51, № 4. – P. 1–30.

206. Fraser, B. Threatening revisited // Forensics. 2008. – Vol. 5. – Iss. 2. – P. 159–173.

207. Georgieva, M. Introducing Sociolinguistics. – St. Kliment Ohridski University of Sofia, 2014. – 202 p.

208. Grice, H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole and J. Morgan. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–58.

209. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verl., 1989. – S. 571–606.

210. Hamilton, M. F. Verbal aggression: Understanding the Psychological Antecedents and Social Consequences // Journal of Language and Social Psychology. – 2012. – Vol. 31, № 1. – P. 5–12.

211. Herz, M, Molnar P, eds. Interview with Robert Post. In: The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses. // Cambridge University Press. – 2012. – P. 11–36.

212. Infante, D. A. The relationship of argumentativeness to verbal aggression / D. A. Infante, J. D. Trebing, P. E. Shepherd, D. E. Seeds // Southern Speech Communication Journal. – 1984. – Vol. 50, № 1. – P. 67–77.

213. Jhangiani, R. Principles of Social Psychology – 1st International H5P Edition / R. Jhangiani, H. Tarry. – 2021. – 389 p.
214. Kadhim, H. A. Aggressive Language in Literature: A Pragmatic Approach / H. A. Kadhim, W. Mehdi // Arab World English Journal (AWEJ). – 2021. – Vol. 12, № 4. – P. 224–242.
215. Kniffka, H. Libel, Linguists, and Litigation in Germany // Working in Language and Law. – Houndmills Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. – P. 113–148.
216. Lasswell, H. D. The Structure and Functions of Communication in Society // The Communication of Ideas. – №4. – 1948. – P. 37-51.
217. Leader, Tirza & Mullen, Brian & Rice, Diana. Complexity and Valence in Ethnophaulisms and Exclusion of Ethnic Out-Groups: What Puts the "Hate" Into Hate Speech?. // Journal of personality and social psychology. – 2009. – Vol. 96. – N. 1. – P. 170-82.
218. Leech, G. N. Principles of Pragmatics. – London : Longman, 1983. – 250 p.
219. Olweus, D. Bullying at School: Knowledge Base and an Effective Intervention Program / D. Olweus // Annals of the New York Academy of Sciences. – 1996. – Vol. 794. – P. 265–276.
220. Rancer, A. S., & Avtgis, T. A. (2006). Argumentative and aggressive communication: Theory, research, and application. // Thousand Oaks, CA: Sage. –2006. – 321 p.
221. Rosen, J. Terms of Art // Legal Affairs. – 2002. – May/June. – P. 1–3.
222. Searle, J. R. A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. – 1976. – Vol. 5, № 1. – P. 1–23.
223. Searle, J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
224. Shuy, R. W. The Language of Defamation Cases. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 194 p.
225. Siegel, A. A. Online Hate Speech. In: Persily N, Tucker JA, eds. Social Media and Democracy. SSRC Anxieties of Democracy. // Cambridge University Press. – 2020.

– P. 56-88.

226. Skinner, B. F. The Generic Nature of the Concepts of Stimulus and Response // The Journal of General Psychology. – 1935. – Vol. 12, № 1. – P. 40–65.

227. Steffensen, S. V. Ecolinguistics: The state of the art and future horizons / S. V. Steffensen, A. Fill // Language Sciences. – 2014. – № 41. – P. 6–25.

Словари и справочники

228. Бачинин, В. А. Философия. Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова, 2005. – 752 с.

229. Белов, Н. В. Словарь молодёжного интернет-сленга [Текст] : толкование более 10 000 слов и выражений / Н. В. Белов. – Минск : Харвест, 2007. – 255 с.

230. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/agressiia-10ad5c> (дата обращения: 02.10.2025).

231. Большая российская энциклопедия словарь // [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/gulag-bbabbf7> (дата обращения: 10.11.2023).

232. Большой толковый словарь / под ред. С. А. Кузнецова. – Москва : Норинт, 2000. – 1534 с.

233. Большой энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. URL: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-enciklopedicheskiy-slovar/174681-ugroza/> (дата обращения: 10.11.2023).

234. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь [Текст] / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Москва ; Назрань : АСТ, 1998. – Текст : электронный // URL: : <https://rus-yaz.niv.ru/doc/educational-phraseological-dictionary/index.htm?ysclid=msyo479rbw710544011> (дата обращения: 19.11.2025).

235. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Изд-во АН СССР, 1970. – 764 с.

236. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Эл. версия печ. публикации 1903-1909 гг. – URL: <https://v-dal.ru/> (дата обращения: 05.08.2025).

237. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред.

А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 4. – 797 с.

238. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990-х гг. [Текст] : около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Азбуковник : Русские словари, 2000. – 693 с.

239. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Текст] : около 160 000 слов : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Астрель : АСТ, 2006. – Текст : электронный // URL: (дата обращения: 19.11.2024).

240. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

241. Захарова, Л. А. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) [Текст] : учебно-методическое пособие / Л. А. Захарова, А. В. Шуваева. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – 126 с.

242. Князев, А. А. Энциклопедический словарь СМИ / А. А. Князев. – Бишкек : Издательство КРСУ, 2002. – 164 с.

243. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – Москва: Флинта, 2004. – 696 с.

244. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] : около 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Русский язык, 1998. – 846 с.

245. Малый академический словарь. – Москва: Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П.. 1957–1984. / [Онлайн]. – URL : <http://1slovar.ru/d/mas/56233/> (дата обращения: 09.10.2025).

246. Можейко, М. Инвектива / М. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск, 1998. – С. 262.

247. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона [Текст] : 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 716 с.

248. Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодёжного сленга: слова, непонятные взрослым [Текст] : около 2000 слов / Т. Г. Никитина. – Москва :

Астрель : АСТ, 2006. – 734 с.

249. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики. – Москва : Прогресс, 1978. – 480 с.

250. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ (дата обращения: 17.10.2025).

251. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва: Оникс – 2010. – 2153 с.

252. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 1949-2025. – URL: <https://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 05.08.2025).

253. Популярный юридический энциклопедический словарь / ред. кол.: О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2000. – 800 с.

254. Российское избирательное право: словарь-справочник. – 2013. – [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LXBsC> (дата обращения: 24.10.2025).

255. Словарь гендерных терминов [Текст] / под ред. А. А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток Запад: Женские Инновационные Проекты». – Москва: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

256. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – под. ред. Н. Абрамова, Москва: Русские словари, 1999. – 433.

257. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – 1600 с.

258. Толковый словарь русского языка [Текст]: ок. 700 слов. ст., свыше 6000 значений / Д. Н. Ахапкин [и др.]; под ред. Д. В. Дмитриева. – Москва: Астрель [и др.], 2003. – 782 с.

259. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – 1947-1948. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).

260. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.

261. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] : около 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва : АСТ [и др.], 2008. – 879 с.

262. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст] : справочное издание : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова ; сост.: А. Г. Ломов, А. В. Королькова, А. Н. Тихонов. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : А–П. – 2004. – 832 с.

263. Ярцева, В. М. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

264. Backhanded compliment // Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/backhanded-compliment> (дата обращения: 05.08.2025).

265. Etimonline/ Online Etymology Dictionary / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 12.08.2025).

266. Merriam Webster Online / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.08.2025).

267. Roback A. A. A dictionary of international slurs. – Cambridge, MA: Sci-Art Publishers, 1944. – 394 p.

Нормативно-правовые акты

268. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) "О средствах массовой информации" [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 28.08.2025).

269. «Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая» : текст с изм. и доп. на 31.07.2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.09.2025).

270. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ.

в силу с 22.10.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/ (дата обращения: 11.11.2025).

271. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.09.2025).

272. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.09.2025).

273. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / науч. ред. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз; пер. Е. Н. Трикоз. – Санкт-Петербург, 2002. – 227 с.

274. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – Санкт-Петербург, 2001. – 301 с.

275. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. и науч. ред. А. В. Серебренниковой. – Санкт-Петербург, 2002. – 204 с.

276. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 02.10.2025).

Интернет-ресурсы

277. Актуальные цифры медиапотребления россиян – выступление Mediascope [Электронный ресурс]. – URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (дата обращения: 09.10.2025).

278. Бурундук, А. Северная Корея увеличила список смертных преступлений до 16 [Электронный ресурс] / А. Бурундук // Государственные новости : информационное агентство. – 2024. – 29 сент. – URL:

<https://statenews.ru/vostok/severnaya-koreya-uvlichila-spisok-smertnyh-prestuplenij-do-16> (дата обращения: 11.09.2025). – Регистрационный номер СМИ: ИА № ФС77-81244 от 30.06.2021.

279. ВС РФ проанализировал практику по ст. 152 ГК РФ [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vs-rf-proanaliziroval-praktiku-po-st-152-gk-rf/> (дата обращения: 17.10.2025).

280. ВЦИОМ. Доверие СМИ в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 24.10.2025).

281. ВЦИОМ. Новости. Религия и общество: мониторинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 05.08.2025).

282. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 12.08.2025).

283. Официальный сайт Mediascope: данные медиаизмерений [Электронный ресурс]. – URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 20.08.2025).

284. Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://roscongress.org/company/ria-novosti/> (дата обращения: 04.11.2025).

285. Регистрация СМИ в Роскомнадзоре 2025: телеграм каналы, блогеры, сетевые издания [Электронный ресурс]. – URL: <https://reest-878.ru/smi-registraciya-roskomnadzor> (дата обращения: 28.08.2025).

286. Фонд Общественного Мнения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internetROMIR>. Динамика медиапотребления в России: россияне стали меньше доверять. Данные за IV квартал 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://romir.ru/feed/dinamika-mediapotrebleniya-v-rossii-rossiyane-stali-menshe-doveriyat-dannye-romir-za-iv-kvartal-2024-goda> (дата обращения: 03.09.2025).

287. ROMIR. Динамика медиапотребления в России: россияне стали меньше

доверять. Данные за IV квартал 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://romir.ru/feed/dinamika-mediapotrebleniya-v-rossii-rossiyane-stali-menshe-doveriyat-dannye-romir-za-iv-kvartal-2024-goda> (дата обращения: 11.09.2025).

Список иллюстративных материалов

288. Александр Шоуа & Непара с живым концертом на Авторадио. Вып. от 08.03.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mphd.ru/video/55bbd595abb3aa9bddc153396a9c2478/?playlist=263392> (дата обращения: 19.09.2025).

289. Архив телепередачи «Мужское / Женское» [Электронный ресурс] // Первый канал. – URL: <https://www.1tv.ru/shows/muzhskoezhenskoe> (дата обращения: 25.09.2025).

290. Видеоинтервью «Анастасия Волочкова - скандал и примирение с Аленой, обида на Лазарева, подстава Джигурды | Алёна, блин!» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/16703402175194176115> (дата обращения: 02.10.2025).

291. Видеоинтервью "Виталий Гогунский: полиграф, голые бабы и план Даллеса" [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-212451998_456241492 (дата обращения: 09.10.2025).

292. Газета «Комсомольская правда – Донбасс». Вып. № 115 от 10.10.2025 г.

293. Газета «Комсомольская правда – Донбасс». Вып. № 14 от 10.02.2022 г.

294. Денис Клявер в «Посиделках на Дорожном радио» Вып. от 05.04.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://music.yandex.ru/album/22802533?activeTab=track-list> (дата обращения: 17.10.2025).

295. Видеоинтервью "Елена Блиновская: о том, как устроен бизнес, реальных заработках и восторге от себя" [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9JD31-qgba4&t=2088s> (дата обращения: 24.10.2025).

296. Зигзаг политики Макрона в отношении России [Электронный ресурс] //

Телепередача «60 минут». – Эфир от 17.04.2024. – URL: <https://smotrim.ru/video/2792994> (дата обращения: 05.08.2025).

297. Информационно-аналитический еженедельник «Итоги недели. Донбасс». Вып. №37 от 10.09.2025 г.

298. Информационно-аналитический еженедельник «Итоги недели. Донбасс». Вып. №41 от 08.10.2025 г.

299. Информационно-развлекательная газета «Итоги и Факты. События недели». Вып. № 17 от 03.05.2022 г.

300. Информационно-развлекательная газета «Итоги и Факты. События недели». Вып. № 5 от 08.02.2022 г.

301. Информационно-развлекательная газета «Неделя». Вып. № 18 от 03.05.2022 г.

302. Информационно-развлекательная газета «Неделя». Вып. № 19 от 08.05.2018 г.

303. Информационно-развлекательная газета «Неделя». Вып. № 6 от 08.02.2022 г.

304. Информационно-развлекательная газета «Неделя». Вып. № 41 от 07.10.2025 г.

305. Новости России и мира сегодня – последние новости на Коммерсантъ [Электронный ресурс] // Российский издательский дом «Коммерсантъ». – URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 12.08.2025).

306. Видеоинтервью "Олеся Иванченко: астрология, любовь и популярность" [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-211220744_456239427 (дата обращения: 20.08.2025).

307. Официальный телеграм-канал «BAZA» [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/bazabazon> (дата обращения: 28.08.2025).

308. Официальный телеграм-канал ««ДНР INFO». Вся оперативная информация и самые свежие новости» [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/donetsk_dnr_info (дата обращения: 03.09.2025).

309. Официальный телеграм-канал «Mash» [Электронный ресурс]. –

URL: <https://t.me/mash> (дата обращения: 11.09.2025).

310. Подъем "Ангары", шампанское Байдена и первый полет CNN на B52. [Электронный ресурс] // Телепередача «60 минут». – Эфир от 11.04.2024. – URL: <https://smotrim.ru/video/2790275> (дата обращения: 19.09.2025).

311. Помощь США Украине – на низком старте [Электронный ресурс] // Телепередача «60 минут». – Эфир от 24.04.2024. – URL: <https://smotrim.ru/video/2796661> (дата обращения: 25.09.2025).

312. РИА Новости – события в Москве, России и мире сегодня [Электронный ресурс] // Информационное агентство РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).

313. Родион Газманов в «Посиделках на Дорожном радио». Вып. от 01.04.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://music.yandex.ru/album/22802533?activeTab=track-list> (дата обращения: 09.10.2025).

314. Татьяна Буланова в «Посиделках на Дорожном радио». Вып. от 01.04.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://music.yandex.ru/album/22802533?activeTab=track-list> (дата обращения: 17.10.2025).

315. Телепроект «Звёзды в Джунглях». 1 сезон. Архив 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tnt-online.ru/projects/zvezdy-v-afrike> (дата обращения: 24.10.2025).

316. Хабиб с LIVE-премьерой песни "Наши Девчонки" на Авторадио. Вып. от 16.03.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mphd.ru/video/416d1b57f5858598459e390973cbdfba/?playlist=263392> (дата обращения: 05.08.2025).

Приложение. Картотека примеров речевой агрессии в СМИ
(орфография и пунктуация сохранены в авторском варианте)

2021 год

Пресс-конференции ЧС

«Режим ЧС. Потопы и пожары. Откуда придёт скорая помощь?» - 2021 г.

Режим доступа: https://vkvideo.ru/video-113757409_456240537?t=0s

- 1 *«... потому что у нас каждый год внезапно наступает весна, и внезапно наступает половодье...»;*
- 2 *«К сожалению, у нас ситуация – очень тяжёлая, и здесь нужно сказать, что эта ситуация повторяется из года в год. Большая ошибка была сделана в 2007 году с принятием лесного кодекса, когда настоящего хозяина леса – лесника – просто «вывели за скобки» в прямом смысле этого слова»;*
- 3 *«Была принята норма о, так называемых, зонах контроля, по которой: если где-то в тайге начался пожар и рядом нет населённых пунктов, – можно не тушить. К чему это приводит очень хорошо видно на примере многострадальной Республики Саха (Якутия)»;*
- 4 *«Пусть мытарь не приходит в этот раз, когда всё сгорело, а придет попозже...»;*
- 5 *«У нас же как принято? – Даже если всё сгорело, всё разрушено – мытарь всё равно придет». Далее, он призывает: «Дайте возможность людям и хозяйствующим субъектам заплатить налоги чуть позже, чем это предусмотрено налоговым периодом, дайте людям восстановиться»;*
- 6 *«Мы должны понимать, что в нашей стране, для нашего народа, ответственность всегда несёт государство. В случае с природными катаклизмами, государство несёт ответственность за то, что они не были предотвращены, и государство несёт ответственность за то, чтобы последствия эти были ликвидированы, и чтобы людям оказать всю необходимую помощь и поддержку. Это, просто, тезис, который должен быть написан не только на Министерстве по чрезвычайным ситуациям, а на правительстве»;*

Пресс-конференция по работе пожарных служб во время трагедии в ТРЦ "Зимняя Вишня» - 2018 г.

Режим доступа: <https://ok.ru/live/723560504950>

7 «...Он действовал согласно устава. Так, нет, он оказался социально опасным элементом, который надо изолировать на глазах у всей страны!»;

8 «Уважаемые господа, существует только один официальный документ, который подтверждает здесь инспектор. Он подшивается в наблюдательное дело, он же находится (изъят) следственным комитетом и с ним сейчас работают. На основании документа и опрашивался инспектор, который там работал. У меня есть копия этого документа ...»;

9 «Также хочу остановиться на нарезке видеофрагментов, которые гуляют по Интернету. Мы её не опровергаем, данные видеофайлы, они – правдивы (пауза), они соответствуют действительности. Только надо иметь в виду, что на 15 минуте – это прибыло уже 6 подразделение... В это время уже работали и машины, и люди внутри здания ...»;

«Пресс-конференция о новшествах при страховании жилья от ЧС» - 2019 г.

Режим доступа: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/293091/>

10 «У меня вопрос по поводу обсуждающихся льгот по страхованию жилья...Ну, поскольку спектр довольно большой, и есть какие-то льготы, которые как-то мне трудно представить, чтобы там была отмена или серьезные снижения выплат по капремонту и так далее...»;

2022 год

Встречный текст «Риа Новости»

Режим доступа : <https://ria.ru/>

12 «У нас об этом тоже все давно пишут. Это понимают даже наши пенсионеры и дети. Англосаксы – ворье и всегда им были исторически»;

13 «Очень хорошо! Действия америкосов позволяют напрячься всем странам и

искать пути ухода с долларовой иглы, скорее бы это случилось», «бла бла бла. амеры всегда говорят одно, а делают другое»;

14 «бла бла бла. амеры всегда говорят одно, а делают другое»;

Встречный текст «Лента.ру»

Режим доступа : <https://lenta.ru>

15 «Пока только укры Польшу мочат, пусть привыкают.»;

16 «А российская разведка утверждает, что это америкосы бомбанули для провокации. Самолёт ваш уже видели, есть свидетели»;

17 «Зачем вы расстреливаете мирных жителей, хахлы?? Смысла в убийстве мирных поляк никакого..»;

Встречный текст Ura news

Режим доступа : <https://ura.news/rubrics/main/world>

18 «Сам Байден признал что они не могли прилететь со стороны России. Очередная провокация хохлодуге»;

19 «Думаю к Зей мировой ни кто не готов, видимо только шляхтичи и бандэрлоги думают, что запад готов»;

20 «Да эта работа Хохлов и гадать не надо!»;

21 «У хохлов есть хорошии учителя по линии провокаций из Туманного Альбиона, те просто мастера своего дела»;

22 «Ох не к добру это. Что поляки, что укропы. Ну надоело людям жить. Думают останутся живыми??? Наврядли. Только полный идиот может радоваться этому»;

23 «Но по-сути он прав, только ракеты были из РСФСР и прилетели с территории бывшей УССР, а посланы были бандеровцами захватившими эти ракеты!»;

Газеты Донбасса

«Неделя»

24 «Обывателей “цивилизованного мира” запугивают возрождением великой

державы»;

25 «Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит»;

26 «Обитатели интернета часто производят впечатление буйнопомешанных (и психологи говорят, что это недалеко от истины)»;

«Итоги и Факты. События недели»

27 «Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”»;

28 «Холокост был одновременно величайшим убийством и величайшим грабежом в истории»;

29 «Теперь шутят, что совсем скоро Макрон в восьмой раз позвонит Путину и откажется от предвыборного заявления, что Франции вообще не нужны ни российская нефть, ни её газ»;

Портретные интервью

«В гостях у Гордона»

30 «Смотри, я рад, что ты сегодня пришел на это интервью. Тем более рад, зная, что тебя вообще-то уже должны были посадить»;

31 «Не, подожди, тебя-то ладно посадить... меня-то за что?»;

32 «Я не знаю, у нас не хватает этих камер (тюремных) потому, что там все уже...»;

33 «У них там есть какой-то судья в ...городе Полтаве...его взяли на взятке, ну, стандартная практика. Взяли на взятке, подвесили, он им там что-то подписывал, не читая...»;

34 А. Богдан: «Дела давние, встреча была случайна...познакомился – и познакомился...»;

Д. Гордон: «Ну, а бизнесмена Игорь зовут?»;

35 «Мы понимаем, что Владимир Александрович так и не вышел со «Слуги Народа», он так и играет эту роль...»;

36 А. Богдан: «...А есть success fee (плата за успех)... – я тебе обеспечиваю результат, который ты хочешь, а ты мне платишь какой-то процент от той прибыли, которую получаешь. Я второго образа мышления человек. Я работаю только как адвокат, да. И я обеспечивал результат...»; Д. Гордон: «Ты ему обеспечил результат?»; А. Богдан: «Издеваешься?»;

37 «Это реально вся страна ждала, что он поедет на Майдан «покласти квіти»? У них праздника нет, чтоб они куда-то с этими цветами, с торжественными лицами... Да Брежнев столько не ездил! »;

38 «А его в этом статусе больше ничего и не интересует. Ты видел выступления в Верховной Раде? Одно их двух... Это же безумие... Это же Северная Корея! Мне казалось, что того, кто недостаточно громко будет аплодировать – его должны расстрелять»;

Интервью К. Собчак с Еленой Блиновской

39 К. Собчак: «Скажи, а тебя учили такие паузы долгие делать?»; Е. Блиновская: «Я возвращаюсь в свое ресурсное состояние»; К. Собчак: «А я тебя из него выбиваю, что ли?»;

40 «Я не очень люблю давать интервью, не очень люблю выступать в том числе потому, что такие прыткие, как Ксения Собчак, которые все время куда бегут, гребут ... заставляют скакать в их ритме...»;

41 К. Собчак: «Ну как, вошла в ресурс?»; Е. Блиновская: «Да я из него и не выходила, вроде»;

42 «Ну ты же не Киселев, ты – приличный человек»;

43 «Ну подожди, зачем тогда такое день рождения шикарное, в соц. сетях - Rolls-Royce... демонстрация достатка. В этом есть противоречие... Почему сказать, что «я там зарабатываю миллиард – это пошло, а я езжу на Rolls-Royce – это не пошло?»;

2023 год

«Риа Новости»

Режим доступа : <https://ria.ru/>

44 «Есть все основания полагать, что речь идет о воровстве, причем за этим воровством стоят сами киевские власти. Мы же видим, как информация о вывезенных, еще недавно сохранявшихся на территории Украины предметах искусства появляется в интернете, на аукционах, в социальных сетях. Поэтому есть подозрение, что крымские артефакты могут быть утрачены. В таком случае, ответственность будет лежать в том числе на Нидерландах. Возможно, в этом кто-то там же заинтересован»;

45 «Коллекцию скифского золота фактически украли у Крыма и передали террористическому государству под названием Украина. Призываю киевские власти не прятать далеко скифское золото и хорошо за ним ухаживать, так как коллекцию придется вернуть в Крым. Мы обязательно за ней придем и культурное достояние России вернется снова в крымские музеи»;

46 «Спикер ГД Вячеслав Володин ранее на пленарном заседании в ГД заявил, что релокантов, которые уехали из России и совершили "подлые поступки, радуясь выстрелам по территории РФ, желая победы нацистскому кровавому киевскому режиму", в России не только не ждут, но и, если они вернуться, им "Магадан обеспечен"»;

47 «в организации заявляли о готовности полностью заблокировать движение на границе с Украиной, если к их мнению в Европейской комиссии не прислушаются»

48 «"Это уже угроза безопасности Эстонии и очень четкий сигнал, который эстонское государство не может игнорировать", – заявила Каллас»;

49 «"Вы меня, пожалуйста, цитируйте правильно. <... > Я знаю, что у вас в Германии принято, чтобы члены правительства разжевывали журналистам, что им надо писать. <...> Мы наших журналистов немножко уважаем, оставляем на их воображение, как они будут излагать результаты пресс-конференции", — ответил ей Лавров»;

50 «"Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель предельно ясно заявил еще до встречи (в Скопье – ред.), что... Россия нарушает... принципы ОБСЕ и международное право в целом, за это ей грозят международные санкции и изоляция... Встреча должна стать для (Сергея – ред.) Лаврова хорошей

возможностью напрямую услышать участников... чтобы потом передать в Кремле, что Евросоюз и ОБСЕ по-прежнему едины в осуждении агрессивного противоправного поведения России", - сообщили РИА Новости во внешнеполитической службе ЕС»;

Встречный текст «Риа Новости»

Режим доступа : <https://ria.ru/>

51 «Пора ей рот заткнуть»;

52 «Ну, её логика вполне понятна: одно дело обижать русских, другое - россиян. Последнее может побудить нас встать на их защиту со всеми вытекающими СВО»;

53 «Гонят, гнобят, пытаются уничтожить Русского. С Европой надо обращаться как с колонией, тогда уважать начнут. Японцы тому пример, очень любят Америку за атомную бомбандировку»;

54 «Ктонибудь, скажите этому чудику, что у нас только мобилизация 300 тысяч бойцов туда отправила. А там еще есть контрактники, добровольцы, профессиональная регулярная армия))) там если хорошо посчитать то до ляма можно дотянуть, так что пусть ходит и оглядывается по сторонам))))»;

55 «Если понимаешь, то зачем остатки в пекло кидать? Контрнаступление ПРОДУЛИ. Оборона тоже будет уничтожена»;

56 «ВСУшникам недолго осталось ждать капитуляции украины, а кто на передовой то лучше сдаться незадумываясь чем погибнуть тем более в последний день. Нет смысла погибать за зелью и его хозяев в британии и сша»;

57 «вы сами захотели воевать , ну что ж , воевать , так воевать , от и не нойте теперь ..»;

«Мужское / Женское»

Режим доступа : <https://www.1tv.ru/shows/muzhskoezhenskoe>

58 «Он алкоголик»;

59 «Вы пьющая, он пьющий»;

- 60 «Ребенка с собой не взяли, оставили с пьющим отцом»;
- 61 «Влад, если сказать прямо, местный барыга по нашему району»;
- 62 «Вы со своей помоечной жизнью можете делать, что хотите»;
- 63 «Аню я знаю давно <...>, разгульная девочка была»;
- 64 «Пьяница-мать – горе в семье <...> учитывая мужика пьющего <...>»;
- 65 «Эта горе-мамочка, она ушла за хлебом»;
- 66 «Там тоже бичуганы живут»;
- 67 «Вот этот данный персонаж»;
- 68 «Где этот поганый наркоман может заработать на наркоте?»;
- 69 «Это просто чудовище, а не заводчик»;
- 70 «Надежда, ты такая мошенница!»;
- 71 «Эта женщина – преступница!»;
- 72 «Вот от этого страуса Вы рожали детей, правильно?»;
- 73 «Они никакущие»;
- 74 «Там было двое его соперников, тоже побирались, ну...алкаши»;
- 75 «Синюшник этот»;
- 76 «Бесстыжая!»;
- 77 «...он вообще бесхребетный человек»;
- 78 «Он алкоголик»;
- 79 «Ты вообще заразная! У тебя хламидиоз»;
- 80 «Я зашлю малолеток»;

Политические форумы (2022-2023)

«Российский политфорум»

- 81 «Ну за тупых лошков их точно никто не держит... мы на англосаксах два раза уже поскальзывались»;
- 82 «Куды арабы с индусами побегут? К швисам?»;
- 83 «Почему вся хохловская инфраструктура до сих пор действует? ...Может уже хватит с хохлами брататься?»;
- 84 «Всеякие там турки наживаются и богатеют за счет нашего газа и зерна, в то же

- время позволяя себе нам гадить поставками вооружений на Украину и хамить»;
- 85 «Амерцам так или иначе пришлось их разработать (но вероятнее - украсть технологию у той же России)»;
- 86 «А если дать инструкции и средства тем, кто уже сейчас готов и убить, и казнить любого нацика, сбущника, пшека, пиндоса ... и прочей сволоты!?»;
- 87 «Да и выборы в Штатах уже во вторник, а после них у наркомандующего пропадёт усиленная мотивация "наступать любой ценой" и укроп снова может залезть в оборону <...> а спокойно отправлять к протоукрам всю беснующуюся братию и примкнувших к ним шляхтичей заодно»;
- 88 «У нас не было выбора. Не начини мы это 24.02, бандеровцы начали бы, условно, 14.03»;
- 89 «Потом за границей находился, если западенцы и убивали, то без него»;
- 90 «Ещё раз уточню, Вы нормальный? Или Вы еврей-хохол? Тогда это многое объясняет»;
- 91 «А в то что немчики могут проявить волю и пойти наперекор правительству - никто не верит!»;
- 92 «Финансируемым вами бормалеем в сирии шибко шибко нравиццо»;
- 93 «Согласен с тобой..по поводу Абхазии еще можно привести в пример Косово, когда пендосы хотели у Сербов отобрать землю и разделить страну никто против Сша не объединялся а тут видители Грузию задели»;
- 94 «Вот у нас тоже была демократия в 90ых при свободолобивом ЕБНе - в результате страна чуть не развалилась. На Украине теперь уже тоже 4 года правит истинный демократ прославляющий бендеровцев и награждающий штурмбанфюрерра СС званием Героя Украины»;

«Точек.нет – общение без границ (История и политика)»

- 95 «На носу зарубил, нет? Или опять не разобрался, чукча»;
- 96 «ЗЫ!!!!А вот вы шаломчик всегда привыкли у в стену плача плакаться? Шось ты так ябедный?»;
- 97 «Пусть урукхаи скачут по полям на наши укрепления и массово гибнут в таких

бесполезных атаках, нам торопиться некуда, время работает на нас»;

«Strategium.ru»

98 «Ну а когда наглосакцы отчалили на плотике с корабля, думаю всем уже было всё понятно»;

99 «Вот и США, как обычно спасают задницу ленивых гейропейцев»;

100 «Эта укро-немчура никогда о мирных жителях не беспокоилась...»;

101 «Неполживые непоццы с оного радива всегда говорят правду, как и английские жентэльмены...»;

2024 год

«60 минут»

Режим доступа : <https://smotrim.ru/video/2792994>

102 «Очередная русофобская сходка в формате Рамштайн»;

103 «Смотрите, хлопцы тикают со своих позиций на пикапе! Так торопились, что одного побратима бросили. Ему пришлось догонять братьев по оружию на своих двоих»;

104 «Немецкий пропагандист назвал Парк Победы “так называемым”»;

105 «Нас хотят не столько обмануть, сколько подавить сейчас»;

106 «...не «саммит мира», а «саммит войны». Американцы приготовили «саммит войны» в Швейцарии и всех загоняют туда своими плётками, так сказать»;

107 «Ну посмотрим, кто из стран глобального большинства готов поддаться американской плётке, и как раб потащится в эту Швейцарию»;

108 «Это обсуждение капитуляции России, что само по себе даже смешно»;

109 «Клоуны и политики поменялись местами»;

110 «А я стесняюсь спросить, не помните по какому поводу был майдан?»;

111 «Если мы тысячу раз ловили западную прессу на лжи, какие у нас основания верить ей сегодня? У меня, например, таких оснований нет»;

112 «Маховик ненависти будет набирать силу»;

113 «Идите уже на пенсию, неуважаемый»;

114 «Еле стоит на ногах... жамкающий старик»;

115 «Будем считать, что смена названий в воюющей стране нужна, чтобы армия России заблудилась при наступлении»;

116 «Настоящее правовое государство “цэЕвропа”»;

117 «Американцы берут и нас, и Европу “на слабо”»;

«Звёзды в джунглях»

Режим доступа : <https://tnt-online.ru/projects/zvezdy-v-afrike>

118 «Слава - такой рыцарь, которому нравится блеск доспехов, но ходить он в них не может, а просто шумит»;

119 «Слава, бариста ты ***, иди сюда»;

120 «Для меня Слава совсем нерабочая лошадка, он хоть и старается, но это очень смешно» ;

121 «У Славы есть привычка за всё браться и говорит, что он все умеет и у него бардак получается. Ты видел, как он кофе сделал?» ;

122 «Возле плиты встали, что-то смотрят, как-будто что-то делают» ;

123 «был момент унижения Вашего покорного слуги. Это было сказано в контексте “Слава, ты кофе больше не моли”»;

124 «Ты в театре?...одного актера»;

125 «Он как-будто в балетной школе, ему только пачки (балетной) не хватало»;

126 «Хотел сказать, что *** слово не давали, но воздержался!»;

«Ну-ка все вместе»

127 «Да ты бы вообще всех сжёг, один бы остался»;

128 «Вы безухие что ли? Потому что на такое выступление не встать – надо быть совсем без ушей»;

129 «Я не могу этот бред слушать»;

130 «Вы что, на вступительном экзамене»;

131 «Филипп, мы тебя в принципе можем дальше уже не спрашивать, вот это твое обращение можно нарезать еще 10 следующим участникам»;

«Мужское / Женское»

Режим доступа : <https://www.1tv.ru/shows/muzhskoezhenskoe>

132 «В башке нет ничего»;

133 «На помойке чище чем у вас»;

134 «Ты недостойна ни защиты, ни поддержки. В тюрьме тебе место за то, что ты чуть не угробила 4-х детей»;

135 «Причиной явилась ее личная распущенность»;

136 «Вы придите в себя! Какие Вам дети?»;

137 «Вы думаете тут идиоты сидят»;

Встречный текст «Риа Новости»

Режим доступа : <https://ria.ru/>

138 «Вот тогда вы вместо Хохлов поедете мыть туалеты в Европу...»;

139 «Сломаем! Не только укронацикам, но англосексам»;

140 «Нет Марго. Ультиматум ставят России. Или мы под америкосами, или нас нет»;

141 «Вам с дивана виднее про успехи! А то что у всу за эти 2 года перемолота почти вся техники и особо упоротое бандерьё то-же почти без успеха?»;

142 «И снова уропы верещат в своих пабликах, что это были последние ракеты у России. Если кто чимтает эти строки с Окраины, узбагойдесь. Ракет хватит на всё и на всех»;

143 «Пора заканчивать с укрофашистами!!!»;

144 «хорошо если ,это не деза от укропов»;

145 «Но они через три дня вновь всё восстановят и продолжают клепать ракеты. То что стёкла в цеху выбиты не проблема. Надо с землёй всё ровнять! И, вообще: пока не ступит нога солдата, победы нет! Надо готовиться к атакам и занятию (и удержанию) новых территорий русских земель, очищая их от бандеровской гнили»;

146 «Никто не полагает, что это "лапша" от хохлов?»;

147 «Странно, что сами "вукраины" сознаются в этих потерях. Может это для отвода глаз вукпропы»;

- 148 «Невероятное, хахлы и Победа вместе. Пусть телефон внуков почитают 😊»;
- 149 «Озлобленные и мерзкие бандеровцы»;
- 150 «Нет слов, что в башках у этих укрофашистов?»;
- 151 «Всё это прекрасно. Бандеры должныдохнуть каждый день пачками»;
- 152 «Народ ждет победы на укрофашистами»;
- 153 «А что так? Не понравилось? Ну, надо терпеть и не надо стрелять по мирным людям России!! А то может пора врезать украм по-израильски? Ведь очень просят!!»;
- 154 «И это только начало Армагеддона для укронацистов ! Потом трибунал !»;
- 155 «Какой такой армяногедон!? Меня изберите президентом! Один залп и война закончится! Каждой российской семье-минимум один слуга окраинец!»;
- 156 «Смешно) Второй год украинцы жалуются на прилеты ракет и второй год западные хозяева не закрывают небо над украиной»;
- 157 «не переживай , скоро всё изменится и окраинцам ещё покажется " небо с овчинку "»;
- 158 «Это знаменательное для вас событие ещё у вас, укронацистов, ещё впереди!!!»;
- 159 «Сафари на хряков продолжается» ;
- 160 «...да хоть как пусть воюют укры , их это не спасёт победа будет за Россией !»;
- 161 «Бандеровская нечисть обречена. Это очевидно»;
- 162 «Мне тоже кажется, что это довольно безжалостно, но давайте отнесёмся философски: я помню, как они скакали и призывали казнить "москоляку" — разве такое может пройти безнаказанным? Не потому, что мы были бы мстительными, просто есть объективный маятник кармы. И нам тоже очень неприятно, что все они гибнут»;
- 163 «Жаль, что безжалостные атаки не стали для бендеровцев окончательными»;
- 164 «Расслабляться тоже нельзя ни в коем случае. Противник еще силён. Большая проблема в том, что напротив те же самые, упертые русские, которые теперь стали вирусами»;
- 165 «Как могут янки "устать " снимая такие пенки ...?»;

166 «США и запад сейчас будут прилагать все усилия, что у них там остался анклав с бандеровцами»;

167 «Никого не надо спрашивать! Надо очистить всю Украину от бандеровских националистов. Всю, полностью!!»;

168 «Россия понимает, что для достижения настоящего мира, Украину надо демилитаризовать и денацифицировать!!! Украину, говоря народным языком, надо зачистить от бандеровского отродья!!»;

169 «Гоните эту американскую нечисть из всех уголков мира!!! Гоните! И будет везде мир»;

170 «Правильно, и не забудьте пинка амерам для ускорения»;

171 «Сланцы резиновые, можно амеров и пошлепать притивных :))))»;

172 «Круче, чем хохол, предателей нет»;

173 «Их поимели-обманули так же, как и хохлов»;

174 «амерофашисты наверно думали что их с цветами встречать будут только аккупантов и террористов встречают свинцом»;

175 «То есть вот этого хотят "Киевские переможники", так же как в поверженном Ираке: лишь только чиновнику США в ЦРУ или пентагоне не понравится любой укро-патриот, американский БПЛА, базирующийся под Львовом устранит его как в голливудском блокбастере о диком антиутопическом будущем с "золотым миллиардом" и "плебеями"»;

176 «Отовсюду начали америкосов гнать, поганой метлой, всех достали уже»;

177 «Это точно. Янки пусть едут домой»;

178 «на словах они будут их выгонять,а на самом деле они марионетки.И будут делать то,что им прикажут амеры-евреи»;

179«Речь не мальчика, но мужа! Янки, гоу хоум!»;

180 «Янки, гоу хом»;

181 «Чё опять врешь, в Сирии не “успешно заняты” месторождения американцами, только малая часть на северо-востоке и чуть-чуть на юге. Размечтался тут об успехах НАТО, скоро их вообще оттуда пинками выгонят и будет это как раз очередным Афганистаном для обнаглевший америкосов»;

- 182 «Гарантии Лондона получил, теперь пора вернуть квартиру, отнятую москалями»;
- 183 «Он выглядит как насмешка над народом Индии, потомок тех кто стелился перед англичашками»;
- 184 «Теперь и британский мини-Гитлер приехал обняться со своим украинским "коллегой". Привёз деньги и оружие, чтобы убивать русских, просто праздник англосакса. Ну гибнут укры сотнями тысяч, так их для того и подкармливали, а разве думали их за красивые глаза холят-лелеют?»;
- 185 «Это неизбежно, даже саксы это понимают, но упорно "едят кактус»;
- 186 «Наличане хотят убить всех украинцев на войне»;
- 187 «Зато от небратьев визгу»;
- 188 «На сегодняшний день есть задачи поважнее-всех вышеназванный направлять со своим кайлом равнять береговую линию Северного Ледовитого океана, для строительства новых городов и пристаней для Северного морского пути! Туда же и гастарбайтеров-басмачей!»;
- 189 «Мы ждём когда укрофашистов всех уничтожат»;
- 190 «Наши толком ещё не начинали подрывать мосты и тоннели в окраине, а кастрюлеголовые уже заскулили!»;
- 191 «Работайте Братья! Приближайте нашу победу над укронацистами!»;
- 192 «Да, читали уже, шок, мурашки, прямо трясутся от страха...америкосы с англосаксами...»;
- 193 «К тому же США и европцы вряд ли рассчитывали на победу окраины. Зато приобрели опыт ведения войны с Россией и посчитали свои реальные возможности и ресурсы»;
- 194 «Россия после СВО "предъявит" всем, кто апплодировал англосаксы, и это будет страшно! А отвечать им всем придётся.....»;
- 195 «Ну, какая это ответка, когда одни русские бьют других русских. Ответка будет, когда русские объединяться и начнут бить англосаксов»;
- 196 «вколачивать в землю , гадов бандеровских , на земле им нет места ..»;
- 197 «Мы решали по итогу судьбы стран, европейских в особенности, поэтому они

и злобствуют, хотя и не все, вот взять Австрию, им то что не нравится, с ними поступили на мой взгляд черезчур гуманно, или Франция назначенная Сталином в страны победительницы, они нам теперь угрожают не приглашением который год на так себе мероприятие высадки саксов на континет»;

198 «Зюганов оправдался за карту России на агитационных материалах Харитонова»;

199 «Вот ради интереса. А, раньше эти, нзалежные стратеги, карту мира хоть раз видели. Они понимают что значит 1/6 часть суши»;

200 «Одним словом.....укры обгадились.....»;

201 «Укронацисты буданов должен быть уничтожен за теракты в России»;

202 «Переговоры с Киевской хунтой,покажут слабость России Идти до границ бывшего СССР,обезопасить границы с Молдовой,Прибалтикой выгнать амеров и НАТО до линии Сталина»;

203 «у Украины при СССР не было оружия, оружие было в ВС СССР а управляло всеми ВС Министерство Обороны в Москве. То, что оно оказалось в руках бандеровцев вина мерзавца Ельцина»;

204 «Да сдайтесь уже, бандеровцы. И чтобы никакой наты! Смертной казни в России нет, пайки щедрые, глядишь и перевоспитаетесь. Хотя ...»;

205 «Какие переговоры и о чём? Империя (Россия) уже делает всё, что хочет, бомбит, как хочет - защиты нет... Спешить некуда - надо беречь людей. ВСУ конец - миллион потерь сейчас никто в мире не выдержит. Только звериная ненависть бандеровцев ещё заставляет что-то делать - только это не мирняк убивать, тут кровушкой захлебнётесь за каждый ваш подлый удар. Удачи!...»;

206 «Зелю кокнут либо свои, либо англосаксы, ему по любому одинаково»;

207 «Мы уже это проходили после первой чеченской, что произошло, и пока сами чеченцы не осознали что на их огне хотят погреть руки англосаксы и разный сброд. И если наше руководство опять наступит на грабли это будет большой ошибкой запад так просто укров не отпустит»;

208 «Никакого "перемирия" этому гаду и его хозяевам, Кремль. Недорубленный бандеровский лес вырастет снова. И очень быстро. Дорубить его надо. И как можно

скорее»;

209 «Перемирие с бандерами сегодня это перспектива войны много хуже через год. Так что, только добивать их»;

210 «Да и ещё: сохранение и выдача всех материалов и доказательств о преступлениях западных хозяев бандеровцев, о той же Буче например»;

211 «С украми переговоры? Снова обманут. Только победа!»;

212 «Сравнять с землёй родину укрофашистов»;

213 «Конечно забавно! Главное они сделали! Европа в минусе, снизу жёлтые в долгах до пра-пра-пра-пра-пра-правнуков! Единственное, что не учли однобокие, что Россия - это не фантик давно! Этот «фантик» всем виновным надают по щам однозначно! Каждому в пропорциях вины! Запаситесь терпением и наслаждайтесь!»;

214 «Война с хуситами и так уже поглотила англо-саксов, и похоже до такой степени, что они перенацелили на тот район свою группировку разведывательных спутников, обрезав ВСУ от развединформации»;

215 «Может быть и начнётся охота, если хохлонацисты научатся на них летать!!!»;

216 «Ландскнехты бритахам нужны, когда индиш просит украиниша с еврейш профилем»;

217 «Укры приуныли 😊»;

218 «А мне не жалко "братьев наших меньших"»;

219 «"О чем ты?" В Сети шокированы требованием Зеленской к Западу по России»;

220 «Нам то плакать или смеяться как бендероукропы? Это как Паулюс в 1943 под Сталинградом? Так себе перевёртыш, ни чести, ни верности присяге, ни порядочности офицерской. Кто платит, тому и служу. Ладно проехали, там доллар правит мозгом разумом, честью и совестью»;

221 «Земля стекловатой бандеровцы!»;

222 «воевал за укронацистов, значит дорога ему к бандерке»;

223 «Очень интересно, на фото у военного присутствуют Советские награды, такие как орден Красной звезды, орден "За службу Родине в ВС СССР, нагрудный знак "Воину-интернационалисту" А что, так можно было в нынешнее время среди

бандеровцев и фашистов?»;

224 «На Украине погиб один из самых опытных летчиков ВСУ»;

225 «хохол родился , еврей перекрестился»;

226 «Репарации, компенсации, ущерб... А работать евроукры не пробовали? Не, не слышали?»;

227 «Такое ощущение, что вы только-что проснулись, так было всегда! Только когда туземцы, по разумению наглосаксов, за дарма отдавали свои ресурсы и шли на все условия поставленные ими для туземцев, наглосаксам и напрягаться не надо было....»;

228 «Ущерб уже не скроешь, раз Бриты завыли!»;

229 «Бриты что-то затеяли как всегда поганое, в отношении уже лично Путина. Нашему В.В. надо остерегаться этих упырей. "Чую засада здесь. Я чувствую. Я всегда чувствую... "/Доцент./»;

230 «Я тоже надеюсь, что 2024 год станет решающим годом для Украины. Все бандеровцы самоубьются, и, Украина родится во второй раз уже без фашистов нацистов и запада, та, прежняя Украина, которая была при СССР хотя бы та что на Востоке»;

231 «Надеются победить русских руками дубов-укров. Надежда умирает последней 🖐️🤔🤔🖐️»;

232 «А вот раньше говорили, вначале 23 года, что укры начнут наступ и победят к июлю. А что случилось? И конец в 24м году не наступит. Ещё наказывать поддержавших укров»;

233 «Грант Шэппс или Грант Шнапс - это нам нет никакой разницы. Но что делали англосаксы в последнее время - это чисто английское слабоумие»;

234 «У них что ни день то решающий. Там вроде бритов теперь обещали защитить окраинцы если что»;

235 «Бриты с америкосами в контрах- борьба за мировое господство. А то, что они "затеяли что-то"насчёт России и ВВП... ну, посмотрим, пару ракет по Лондону, Ангия - не страна НАТО, можно поэкспериментировать - "бомбануть" 😊. Ох... доиграются они, однако...»;

236 «Тут всё просто и легко, украм надо сдаваться или бежать за кордон. Иных вариантов нет □♂□Ах да, можно сдохнуть в окопе! □😊»;

237 «Ну и они бросили народ, трусливо сбежали. Это предательство. Я конкретен в своих суждениях. А вот вам пора уходить отсюда. ЖБ я отправил уже, нам тут украинцев не надо»;

238 «Вот Иран не боится, наносит удары по амерам и в Сирии, и в Ираке, без красных линий,... Хорошим предупреждением со стороны РФ наверное было бы обнуление французских баз в Африке и амеров в Сирии.....»;

239 «Ну амеры опять развесилили :)))»;

240 «При ВВП 5,2% говорить о застое необоснованно. Это, янки, от очень большого хотения!»;

241 «Страные укронацики, всегда на что то надеются, то на подачки амеров и нато, то на зиму, нет что бы на свои сили рассчитывать»;

242 «Так воюют с нами бандеровцы, которые храбрые только с беззащитными»;

243 «Поддерживаю, что англосакцы живут за счет других, даже Путин попался на эту удочку хотя и КГБист.»;

244 «Самая крепкая линия обороны для ВСУ будет пролегать по польской границе ... Наши её точно не перейдут да и для кастрюлькиных до работы (польские сортиры) близко совсем»;

245 «вколачиваем в землю , гадов бандеровских , работаем , братья»;

246 «Бомбить укров ежедневно! Никаких передышек этим нацистким нелюдям!»;

247 «"Не хватает". СМИ раскрыли, к чему привели ракетные удары ВКС по Украине»;

2025 год

«Мужское / Женское»

Режим доступа : <https://www.1tv.ru/shows/muzhskoezhenskoe>

248 «Мне сразу про тебя всё стало понятно. Детей ты не увидишь, у тебя их отберут по суду сразу с лишением родительских прав»;

249 «Один мой удар – и половина зубов упала бы на землю»;

- 250 «Я уже десятый раз говорю: это было из-за работы»;
- 251 «Взрослая баба, кровь с молоком, сидит на шее у своего одиннадцатилетнего ребёнка, тьфу \имитирует плевков в сторону\»;
- 252 «Как можно жить одной, сидеть там и не знать, что там с детьми?»;
- 253 «Ну послушайте, дайте сказать! Я начинаю говорить – Вы перебиваете!»;
- 254 «То есть Вы взяли и украли деньги у детей и у государства?»;
- 255 «Ты детей променяешь (меняешь) постоянно на мужиков! Ты не знаешь уже детей своих»;
- 256 «Господа, её надо лечить!»; «\кричит\ Вера, ты чего врёшь?!»;
- 257 «Ты издевалась над ребёнком, ты сама говорила, как Макс его кидает, швыряет, как он его подбрасывает и не может поймать»;
- 258 «Мне бы очень хотелось послушать комментарии классного руководителя Миши о том, какие плоды за 4 месяца дало Ваше домашнее воспитание Вашему ребёнку, которого Вы до этого 5 лет не видели»;
- 259 «Давайте вернёмся к Вашим отношениям, это же интереснее, чем фундамент под гараж и дом, которого никогда не будет»;
- 260 «Мало она тебя подушкой душила, мало тебя в кипятке (кипяток) садила, в ванной в воде травила»;
- 261 «Это клинический случай»;
- 262 «Ну скажите нам, мы же не знаем, где дома берут?»;
- 263 «А откуда у вас деньги появятся ближе к весне? Снег растает – и Вы их на улице найдёте что ли, я не понимаю?»;
- 264 «Для того, чтобы понять, нужно быть здоровым человеком, а ему это не грозит»;
- 265 «Вы сейчас где живёте и на что, мне интересно? На детские, да?! На Мишины. Да, молодец!»;
- 266 «Я ведь знаю, что ты по любому поводу сразу в суд бежишь, верно, гадёныш?!»;
- 267 «И походу у этой сволочи появилась мысль, что он может так зарабатывать»;
- 268 «Слушайте, давайте мы идиотку выключаем сейчас, вырубаем на этом месте»;

- 269 «В Новосибирске она прожила дней 5-6. Я ж говорю, как блоха!»;
- 270 «Мы сегодня всю программу рассказываем, какая это мамаша и где детские деньги. Уже этого хватит, чтобы немедленно сразу выйти в суд не об ограничении, а о лишении родительских прав»;
- 271 «Он не дружит с головой давно»;
- 272 «Убери свою вонючую камеру»;
- 273 «– Нет, стоп. Как давно они живут с бабушкой? – Где-то лет 5, наверное. – Ну что тут скажешь?»;
- 274 «Мне ещё раз повторить?»;
- 275 «А как у нас вся страна-то живёт, а?! Никто у нас теперь не работает, если дети рождается, да?»;
- 276 «Да с чего это я не пришла ни на один урок?»;
- 277 «А чё (что) я с ним сделаю, а?»;
- 278 «Я его от отца такого привезла. Мне его убить?!»;
- 279 «Вы понимаете, что дальше будет, нет?»;
- 280 «И почему эта Василика...как её? Василика Александровна палец об палец не ударила, будет разбираться прокуратура»;
- 281 «– Ну, вот. – Да я понимаю, что “вот”»;

«Риа Новости»

Режим доступа : <https://ria.ru/>

- 282 «Президент США Дональд Трамп назвал Зеленского "диктатором без выборов" и заявил, что рейтинг Зеленского опустился до 4%»;
- 283 «В МИД РФ ранее заявляли, что планы некоторых стран ЕС направить "миротворцев" на Украину – это провокационный шаг, направленный на поддержание нездоровых иллюзий у властей в Киеве»;
- 284 «"На Украине план проведения "быстрых выборов" разрабатывали давно... Речь о проведении выборов в Украине – лишь попытка сделать вид проведения этих выборов в ответ на требование США. На самом же деле это не выборы", – написал Азаров в своем Telegram-канале»;

285 «Это чёрный день для нашей демократии и нашей страны, когда голоса миллионов французов украдены судьей первой инстанции»»;

286 «В свою очередь, директор израильско-палестинского проекта организации Макс Роденбек считает, что "правительству Нетаньяху видимость победы нужна больше, чем освобождение заложников. Цена этого – сотни убитых мирных палестинцев"»;

287 «<...>Дмитрий Медведев после приговора лидеру фракции правой партии "Национальное объединение" в парламенте Франции Марин Ле Пен предложил французам подумать об учреждении "Шестой Республики" или вспомнить время, когда царская Россия "принесла на штыках демократию во Францию"»;

288 «"На данном этапе Россия не хочет мира. Поэтому нужно принудить Россию к миру"»;

289 «Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков ранее обратил внимание на отсутствие у американских СМИ прямых цитат Трампа о якобы его злости на президента РФ Владимира Путина»;

290 «Президент Финляндии Александр Стубб заявил, что Россия якобы не хочет мира, и призвал Запад оказать на нее давление, его слова приводит газета Financial Times»;

«Коммерсантъ»

Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/>

291 «Пытаясь сгладить ситуацию, министр обороны Пит Хегсет фактически обвинил журналиста во лжи, заявив, что никто в администрации Дональда Трампа "не отправлял текстовые сообщения с планами войны"»;

292 «Для сравнения: потолок зарплат в НБА в этом сезоне превышает \$140 млн на команду, но не все участники в него укладываются и платят "налог на роскошь"»;

293 «Информация, распространяемая МИД Украины о повреждении топливных резервуаров, является лживой»;

294 «"Мы здесь не для того, чтобы читать морали, а для того, чтобы применить закон. Жерару Депардье предъявлены обвинения в сексуальных

домогательствах"»;

295 «Выборы президента на Украине в случае полного прекращения огня в апреле могут пройти в начале июля, так как Владимир Зеленский хочет избежать конкуренции, написал ранее журнал Economist со ссылкой на источники в Киеве»;

296 «Оставшиеся места НБА хотела бы продать инвесторам. При этом лига не хотела бы превращать европейские клубы в фарм-структуры франшиз НБА, а потому будет искать, скажем так, сторонних инвесторов»;

297 «При этом также неясно, какие задачи ставит перед собой коалиция желающих, находясь на границе ЕС»;

298 «Между тем, судя по сообщениям в западной прессе, в Белом доме осознают, что достигнутые в Саудовской Аравии договоренности, скажем мягко, далеки от идеала»;

299 «И это притом, что несколькими днями ранее власти острова назвали “провокацией” даже грядущий приезд супруги американского вице-президента и нескольких высоких чинов из США. Впрочем, накал страстей удалось несколько притушить, когда стало ясно, что незваные гости, скорее всего, ограничатся посещением военной базы США <...>»;

300 «<...> европейским клубам достанется не более четырёх мест в новой структуре. Если вообще достанется, поскольку они связаны контрактами с уже имеющимися турнирами, такими как Евролига. Плюс не факт, что они финансово потянут выступления в новом турнире».